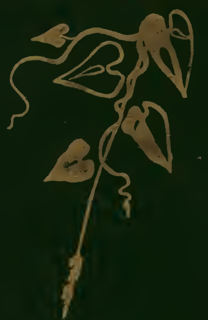
Л.Л.ИВАНОВ

ВАКХАНКИ И КУРТИЗАНКИ

Л.Л.ИВАНОВ

ВАКХАНКИ И КУРТИЗАНКИ

С древнейших времен
до наших дней

«Автор»
1993

ББК 83.3
И20

Текст печатается по изданию: Спб., 1906, с небольшими сокращениями

Иванов Л. Л.

И20 ВАКХАНКИ И КУРТИЗАНКИ: С древнейших времен и до наших дней. Критико-биографические очерки. — М.: Автор, 1993. — 256 с.

ISBN 5-85212-053-7

И $\frac{4702010101-17}{063(02)-93}$ без объявления ББК 83.3

Л. Л. ИВАНОВ

ВАКХАНКИ И КУРТИЗАНКИ

Редактор *Т. Никифорова*. Художественный редактор *А. Сухих*.
Технический редактор *Е. Морозова*
Корректор *Козлова М. Е.*

Сдано в набор 23.10.92. Подписано к печати 2.02.93.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 13,5.
Тираж 100 000 экз. Заказ 3027.

ИПО «Автор»
123423. Москва, пр. Маршала Жукова, д. 39, корп. 1.

Великолукская городская типография
Упрполиграфиздата Псковской области,
182100, Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12

ISBN 5-85212-053-7

© ИПО «Автор», 1992 г.
Оформление. Ганкина М., 1993 г.

Предисловие

Из всевозможных словарей и энциклопедий нам известно бесчисленное количество имен, как женских, так и мужских, обладатели которых, не совершив ничего значительного — ни дурного, ни хорошего, все-таки попали в «знаменитости» благодаря сложившимся для них обстоятельствам: происхождению, случайному участию в том или другом выдающемся событии или трагической смерти. О многих из них вне этих событий и сказать было бы нечего, кроме указания дат рождения и кончины. Этих ничем не замечательных знаменитостей можно насчитать легион.

Чтобы не впасть в подобную ошибку, мы решили поместить в этой книге характеристики исключительных женщин, которые благодаря своей красоте, уму или какому-либо таланту влияли на ход определенных исторических событий вообще и на прогресс женской эмансипации в частности. Ко многим из них зачастую вовсе неприменим эпитет «замечательные», но о них сохранилась память в потомстве, как о «знаменитых» личностях.

Несомненно, таких выдающихся, типичных представительниц прекрасной половины человеческого рода значительно больше сравнительно с помещенными здесь, но жизнеописание многих мы изъяли из нашего повествования или вследствие их слишком широкой популярности, или в силу того, что они не являлись инициаторами выдающихся событий в области политики, науки, литературы и искусства, а были продолжателями уже открытого; к тому же о тех и о других достаточно говорилось на страницах «Вестника Иностранной Литературы» за пятнадцатилетний период его существования, поэтому нет необходимости лишний раз утомлять этим вниманием читателей.

Мы подразделили наш труд на разделы по эпохам, чтобы нагляднее развернуть картину эволюции женского прогресса, — от Елены Прекрасной вплоть до Луизы Мишель, — ясно доказывающую, что, если бы не физиологическая разница и социальные условия, равноправие женщин с мужчинами считалось бы вопросом вполне решенным, поскольку из дальнейших описаний выясняются их интеллектуальные способности, мало в чем уступающие мужским.

Заранее приносим извинения за несовершенства предлагаемой книги, являющейся на русском языке скромной и едва ли не первой попыткой в данном направлении *.

Лев Иванов

---

* При публикации книги в 1993 г. мы стремились сохранить орфографические и синтаксические особенности авторского текста, прибегая к правке лишь в отдельных случаях.

Географические названия даны нами строго по изданию, с которого печаталась данная книга. Стилистическую правку мы считали излишней, полагая, что читателю будет интересна не только содержательно-повествовательная сторона этого произведения, но также и языковые особенности, отражающие русский литературный язык того времени. (ИПО «Автор»).

АНТИЧНЫЙ МИР

Елена

Сафо

Аспазия

Клеопатра

Феодора

Вступление

Внимательно анализируя историю человечества, мы несомненно убедимся, что упорная борьба, если не за равноправие, то за свободу, ведется женщиной едва ли не с самого сотворения мира. Далила, Юдифь, Эсеир, Аталия, Балкис — царица Савская, Семирамида, Саломея и многие другие библейские женщины служат ярким примером только что высказанного предположения.

Несмотря на полнейшую угнетенность — в древности на женщину смотрели исключительно как на самку, не считаясь ни с умственными, ни с духовными ее потребностями, — все-таки находились личности, которые не хотели подчиняться обстоятельствам, смело шли наперекор общественному мнению и, пользуясь слабыми сторонами своих притеснителей, иногда достигали желаемых результатов. Правда, это были единичные попытки, но пионерки освободительного движения указали путь, по которому, шаг за шагом, в течение дальнейших веков, с неимоверными трудностями, шли их последовательницы, пока, наконец, добились почти полного равенства в правах с мужчинами.

В этой тяжелой борьбе перевес сначала оказался на стороне мужчины, прибегнувшего к грубому насилию и принудившего женщину снова занять то унизительное положение, из которого она, казалось, только что вышла. Не найдя достаточно средств для дальнейшей борьбы, внешне женщина покорилась обстоятельствам, но втайне изыскивала способы к более быстрому достижению своей заветной цели, прибегая к чисто женским уловкам — хитрости, лести, кокетству, не имея силы действовать открыто.

В таком положении находилась, да и до сих пор, за малыми исключениями, находится женщина на Восто-

ке, являясь рабой и наложницей, обязанной безусловно подчиняться и давать наслаждение мужчине. Супруг был полновластным владыкой жены, называвшей его не по имени даже, а «господином», причем, по утверждению Софокла, ей вменялось в обязанность «быть привязанной к нему, как собака», исполняя его малейшее приказание; ее жизнью и смертью распоряжался он же, так как законы были на его стороне; при посещениях чужеземцев она была обязана в течение ночи принадлежать гостю. По словам Сафо, даже в загробной жизни женщинам отведен только ад, где царствует Персефона и где они принуждены блуждать среди мрачных теней!..

Лишенная в силу предрассудков, обычаев или даже законов нравственного развития, оставаясь вполне невежественной в то время, когда мужчина все более и более совершенствовался, не имея возможности повлиять на него способностями своего ума, женщина, жаждавшая сбросить с себя тяжелые цепи рабства, воспользовалась для осуществления своей заветной мечты прежде всего тем, чем так щедро ее наделила природа — красотой. Она инстинктивно поняла, что если всесильные боги дали каждому существу средства для борьбы и защиты, они должны быть и у нее, стоит только их найти. Вооружившись этим оружием, женщина смелее пошла вперед.

Культ красоты у античных народов занимал первое место. Анаитис, Астарта, Милитта или Афродита, которой повсюду воздвигали алтари, господствовала над всеми богами. «В законах, культах и обычаях, — говорит Вольтер, — крайнее безумие почти всегда сливается с глубокой мудростью». Действительно, восточные религии, благодаря которым женщина получила права гражданства, достаточно тесно совместили в себе оба эти элемента. Распространяя культ наслаждения, они способствовали рождению истинной цивилизации, облагородили нравы и развили в народе страсть к искусствам.

Эллины, самый цивилизованный из восточных народов, в начале своего существования во взглядах на женщину мало чем отличались от египтян, евреев, персов, финикиян, сирийцев и индусов. В их вновь основанном государстве на женщину смотрели только как на наложницу, обязанную производить здоровых и сильных граждан, способных в минуту опасности встать на

защиту отечества. Каждый супруг за известное количество детей получал соответствующую награду и, очевидно, старался иметь их как можно больше. «Пожилой супруг, — рассказывает, например, Плутарх, — утратив способность к продолжению рода, сводил свою жену с молодым и сильным мужчиной и присваивал ребенка, рожденного от этой связи. Доблестный юноша, которому приглянулась благородная и добродетельная женщина, получал разрешение мужа на сожительство с нею». Тот же самый Плутарх, защищая спартанскую конституцию от нареканий, говорит: «Если считается разумным стараться об усовершенствовании пород собак и лошадей, нелепо порицать подобные же заботы о породе людей». Здоровый дух в здоровом теле.

Таким образом, лишив женщин всех политических прав, потомки Девкалиона удалили их от общества, заключив в гинекеи и гаремы — тогда, помимо законных жен, разрешалось иметь и наложниц, — приставили к ним надзирателей и даже запретили глядеть на улицу, где кипела жизнь, манившая их. Замужняя женщина не смела посещать ни театров, ни олимпийских игр, участвовать в общественных и домашних праздниках, обедать в одной комнате с мужчиной, показываться до шестидесятилетнего возраста на чьих-либо похоронах, выходить за исключением некоторых случаев на улицу днем и т. д. «Имя честной жены, — утверждает Плутарх, — вместе с нею должно быть заключено в стенах дома». Словом, из разумного и мыслящего существа она была превращена в слепое орудие семейных и общественных целей. Отцы старались держать под замком дочерей, мужья — жен, чтобы не дать им возможности распорядиться собственной красотой и сердцем. В Афинах выбор жениха всецело зависел от главы семьи, в Спарте жених должен был похитить невесту, правда, предварительно переговорив с ее родителями. Можно предположить даже, что при обычных в Спарте более свободных отношениях между молодыми людьми обоих полов и невеста в большинстве случаев давала свое согласие.

По законам Ликурга, женщина не больше, как государственная самка. До замужества, готовясь к этой роли, она ведет общественную жизнь, получает воспитание, одинаковое с мальчиками, но по выходе замуж немедленно удаляется от всех радостей жизни и даже, по восточному обычаю, обязана ходить с покрытым ли-

цом. Однако суровая спартанская конституция недолго смогла устоять против стремлений женщин к свободе. Аристотель и Плутарх рассказывают, что при самом введении ее Ликург встретил энергичное сопротивление со стороны прекрасного пола, лишившись при этом одного глаза.

Разумеется, подобная ненормальность закона — одним все, другим ничего, — не имевшая под собой достаточно твердых основ, кроме мужского эгоизма, рано или поздно должна была рухнуть. Женщины, которым надоело прозябать в гинекеях и быть только матерями, возмутились — мифические амазонки превосходно иллюстрируют эту страницу проявления женской самостоятельности — и прибегли к религии, проповедывавшей не страдания и воздержание, а любовь и наслаждение, неожиданно открывшие им широкий путь к дальнейшему завоеванию свободы. «Ни одна религия, — говорит Гораций Вальполь (1717—1797), — не была основана женщиной, но в то же время ни одна религия не распространялась иначе, как посредством женщин».

Боги и богини древности, надо отдать им справедливость, не отличались целомудрием и мало чего стеснялись, снисходя к смертным и возвышая их до себя. Почему же человеку, созданному по их образу и подобию, не следовать божественным примерам? Сперва жрецы, эти высшие прелюбодеи, а затем и граждане всех рангов и положений стали искать любовных утех у алтарей, посвященных Афродите, жрицы которой не имели права отказать им в этом. Таким образом было положено начало культу богини любви, превратившему храмы в дома терпимости. Женщины в свою очередь основали культ Адониса. Эти празднества вместе с вакханалиями сводили с ума всю Элладу, предававшуюся с легким сердцем самому необузданному разврату, прикрываясь религией.

Последствием этого — где спрос, там и предложение — явились обольстительные диктериады, или куртизанки, торговавшие своими прелестями и отдававшиеся тому, кто больше мог заплатить. Республика, дав каждому из своих граждан по законной жене, прявшей шерсть для его одежды и воспитывавшей его сыновей, великодушно разрешила ему обзавестись и красивой любовницей. Тогда и жены сперва тайно, а затем все более и более откровенно стали следовать заразительному примеру, отдаваясь посторонним мужчинам. Все, от ца-

рицы до последней служанки, имея законных мужей, негласно занялись проституцией. Таким образом, в это время фактически на почве разврата женщина становится равноправной с мужчиной, если даже не превосходит его.

Но нет худа без добра. Относительная свобода, вернее, разнузданность прекрасного пола породила новый тип женщин, так называемых гетер, оказавшихся позднее в авангарде женской эмансипации. Вполне независимые, не обязанные никому отдавать отчет в своих действиях, они вели во всех отношениях свободную жизнь. Сперва это были невольницы или вольноотпущенные, благодаря своей красоте освобожденные от рабства, а затем в их среде оказались и девушки аристократических фамилий. Гетер «воспитывали» в особых школах всевозможные профессора красоты и преподаватели кокетства, с ними занимались литературой, философией, математикой и ораторским искусством, учили гимнастике, развивавшей красоту форм, танцам, музыке и пению.

Это были самые образованные женщины своего века, прославившиеся одни — умом и остроумием, как, например, Аспазия и Лаиса-младшая; другие — красотой, как Фрина и Лаиса Сицилийская, служившие моделями знаменитым ваятелям для статуй Афродиты; третьи, как Сафо и Коринна, очаровывали современников своими поэтическими вдохновениями и т. д. Красота предоставляла им первое место в собраниях, с их мнением считались. Когда они появлялись на олимпийских играх, их шумно приветствовали, их присутствие ободряло состязавшихся, их рукоплескания делали триумф более торжественным; они распространили увлечение высшими науками, которых Греция без них никогда бы и не узнала. Первые политические салоны — много веков позднее возродившиеся в отеле Рамбулье и Нинон де Ланкло — были основаны ими. Там группировались лучшие люди эпохи и под обаянием очарования этих женщин разрешались вопросы огромной государственной важности. Гетеры были настоящими женщинами древности, так как иногда держали в своих руках судьбы великих народов!

Семейные женщины пожелали пользоваться такими же правами, как и гетеры, образ жизни которых проник в гинекеи и увлек их обитательниц. Но мужья не сразу сдались. Демосфен говорит: «Мы имеем гетер для ду-

ховных наслаждений, куртизанок — для чувственных ласк, а законных жен — для поддержания нашего рода, имени и сохранения имущества», а Плутарх прибавляет: «Жить с честной женщиной одновременно как с супругой и гетерой — невозможно». Но он ошибался.

Эллинские женщины отвоевали свои права и, добившись возможности развивать свои духовные способности, стали впоследствии помощницами и подругами мужей, доказав, что они вполне достойны идти с ними в ногу по пути прогресса.

Народы, как и дети, первые жизненные уроки получают от женщин. Действительно, на женщин самой судьбой было возложено передать народам совершенство форм, чистоту и благородство движений. Этот страстный культ женщин был очагом высоких вдохновений! Без них человек не узнал бы всей прелести увлечения и остался бы грубым, уродливым животным. Великолепие женщины отразилось на поэзии, скульптуре и живописи. Красота, которую не щадило время, увековечивалась поэтами, получала бессмертие в мраморе и на холсте и сохранила свою вечную молодость в гениальных творениях искусства! Культ тела, который ныне не хотят признавать, родил самые благородные идеи о величии человечества!

Народы вечно стремятся к добру и красоте, поскольку первое — естественно и благородно, вторая — божественна и бессмертна. Так понимали это и эллины, знаменитый поэт которых, Анакреон, в следующей песне превосходно определил силу женской красоты:

Одарила природа
Твердым рогом быков,
Коней — звонким
копытом,
Зайцев — ног
быстротою,
Страшной пастию —
львов,
Птиц — полетом
воздушным,
Силой духа — мужчин.
А для жен не остался
Из даров ни один.
Что ж дала им
природа?
Вместо брони
и копий —
Красоту даровала,
Чтобы женщина ею
И огонь, и железо
Всепобедно сражала!*

* Перевод Л. А. Мея.

Елена

Из многочисленных куртизанок древности первое место бесспорно принадлежит Елене, «прекрасной, лилейно-раменной» супруге Атрида Менелая, куртизанке по натуре, едва ли не первой женщине, из-за обладания которой разгорелась война народов, погубившая Трою.

Легенда утверждает, что Елена была дочерью супруги лакедемонского царя Тиндарея, красавицы Леды, и бога богов Зевса, проведшего с ней ночь любви в образе лебедя. Очевидно, при создании этой легенды главную роль играла фантазия, необыкновенно пылкая у восточных народов, в особенности в тех случаях, когда они затруднялись объяснить себе факты, не поддававшиеся их умозрению. Если же взглянуть на это проще, вся эта история представится в менее поэтическом, но зато более правдоподобном виде... Однажды ко двору царя Тиндарея прибыл какой-то знатный чужеземец, молодой и красивый. По обычаю того времени, хозяин дома обязан был уступить свою жену на ночь гостю. Радушный и гостеприимный Тиндарей, разумеется, не пошел против обычая, и Елена явилась следствием этого гостеприимства. Ребенок родился такой поразительной красоты, что слухи о нем прошли от Элиды до Малой Азии. Так как братья и сестры Елены наружностью мало чем отличались от обыкновенных смертных, красота новорожденной была признана божественной. Ее восхитительная лебединая шея и грудь породили вышеприведенную легенду, тем более имевшую основание, что Зевс-громовержец имел привычку, нарушая супружескую верность, превращаться во всевозможные одушевленные и неодушевленные предметы.

По мере того как Елена росла, расцветала ее красота. Чтобы оградить молодую девушку от нежелательных случайностей, к царевне приставили специальную охрану, от которой, однако, ей прежде всего и пришлось защищаться. Но это были еще цветочки, ягодки зрели впереди.

Однажды, когда Елена, имея всего двенадцать лет от роду, вместе с подругами совершала торжественные пляски у алтаря Артемиды, Тезей, герой, слава о подвигах которого уже гремела по всему свету, с помощью своего верного друга Пирифоя похитил ее и увез в Афины. Элланий утверждает даже, что в момент похищения красавице было всего семь лет, с чем, однако, трудно согласиться. Есть основания предполагать, что похищение, в те времена практиковавшееся очень часто при сватовстве, в данном случае было совершено только для проформы и сопротивление Елены было притворным, так как отвечало ее мечтам.

Не надо этому удивляться: античные народы смотрели на вещи не так, как мы. Плутарх, как бы желая сгладить разногласие относительно возраста Елены, умалчивает о годах, а говорит только, что похищенная еще не достигла возраста, требуемого для брачной жизни.

Братья Елены, диоскуры Кастор и Поллукс, тщетно искали сестру и уже готовы были отказаться от дальнейших поисков, когда, на их счастье, афинянин Академ дал им подробные сведения. Молодые люди немедленно отправились освобождать красавицу из плена, не казавшегося ей, однако, тяжелым. Освобожденная Елена рассказала братьям, что, будучи увезена Тезеем в Афины, она была сдана им на попечение его матери Этры, заботившейся о ней, как о собственной дочери, и уверяла, что благодаря этому избавилась от покушений Тезея, сохранив свою честь незапятнанной. Как увидим ниже, ее уверения, очень далекие от истины, были только защитой перед родными, негодовавшими на ее чересчур легкомысленное поведение.

По дороге в Лакедемонию Елена остановилась в Микенах у своей старшей сестры Клитемнестры, супруги «царя царей» Агамемнона. Дурис Самосский и Павзаний в один голос утверждают, что в это время Елена уже носила под сердцем тайный плод своей связи с Тезеем, грациозную Ифигению, впоследствии воспетую поэтами, которая и родилась в Аргосе. Не желая появиться в Спарте, где ее ожидали женихи, с фактическим доказательством своего бесчестия, Елена отдала Ифигению Клитемнестре, воспитавшей ее, как собственную дочь. Агамемнон, вернувшийся из путешествия, нисколько не удивился прибавлению семейства и признал себя ее отцом. Однако некоторые писатели не соглаша-

ются с такой покладистостью «царя царей» и, признавая снисходительность элидских мужей к своим супругам, все-таки уверяют, что глава Атридов потребовал серьезных объяснений от Клитемнестры относительно ребенка, которого она выдала за своего, и, только получив их, согласился сохранить тайну его происхождения.

Как бы то ни было, это первое приключение юной дочери лакедемонского царя стало притчей во языцех и создало Елене громкую известность. Женщина, так рано вступившая на поприще любви, конечно, не могла сделаться достоянием одного мужчины, и каждый втайне надеялся когда-нибудь воспользоваться ее ласками. Боги нечасто награждали женщину красотой, способной поссорить два десятка военачальников, не возбудив их гнева против себя, и не нести ответственности за причиненный вред. Действительно, красотой с Еленой не смогла сравняться никакая другая женщина. Цедрений говорит, что у нее были «большие глаза, в которых светится необыкновенная кротость, пурпурный ротик, сулящий самые сладкие поцелуи, и божественная грудь». Недаром же по форме ее грудей вылили чаши, предназначенные для алтарей Афродиты. Овидий прибавляет, что ее лицо не нуждалось в косметике, к которой прибегали почти все гречанки. Будь целомудрие Елены заперто в железной башне, рано или поздно его похитили бы!

Елена вернулась в Лакедемонию как раз в тот день, когда Тиндарей хотел решить ее судьбу. Претендентов на божественную ручку прекрасной царевны оказалось великое множество. Предвидя дурные последствия, способные возбудить вражду между женихами после избрания одного из них в мужья Елены, Тиндарей заранее заставил их дать клятву быть союзником того, кому посчастливится стать его зятем, и только после этого избрал дочери мужа. Гигин доказывает, однако, что выбор мужа был предоставлен самой Елене и что счастливцем оказался белокурый спартанец Менелай, брат Агамемнона. Возможно, что при выборе он показался ей проще остальных, и красавица предугадала, что с этим мужем нетрудно будет поладить, когда она пожелает отдаться тому или другому мужчине, приглянувшемуся ей, но не вызывает сомнений, что ни один из сватавшихся не нарушил данной клятвы, и Менелай торжественно увез Елену к себе на родину.

Увы, их семейное счастье оказалось непродолжительным. После того как Елена одарила супруга дочерью Гермионой, Афродита приготовила ему неприятный сюрприз в лице Париса, царевича троянского.

Парис, или Александр, как иногда его называет Гомер, был сыном царя Приама и Гекубы, которой за несколько дней до его рождения приснилось, что она родит горящий факел, который сожжет древний Илион до основания. Оракул разъяснил, что у Гекубы родится сын, который станет причиной гибели его родного города. Мудрый старец Приам, чтобы избежать грозившего несчастия, тотчас же после рождения Париса призвал пастуха и приказал отнести ребенка на вершину горы Иды и оставить там на произвол судьбы. Но судьба сжалилась над малюткой: в течение восьми дней медведица кормила собственной грудью брошенное дитя, пастух же, пораженный увиденным, взял ребенка на воспитание. Приам даже и не вспоминал о Парисе, имея, по словам Гомера, пятьдесят сыновей и столько же дочерей — полигамия была обычным явлением на Востоке, — из которых приобрели известность, кроме Париса, Гектор, Деифоб, Кассандра, Поликсена и Гесиона, впоследствии похищенная греками.

Однажды, когда юный Парис, пася стада у подошвы Иды, отдыхал под деревом, перед ним неожиданно предстали супруга Зевса — гордая Гера, мудрая Паллада-Афина и обольстительная Афродита, сопровождаемые вестником богов — Гермесом. Последний рассказал изумленному юноше о причине их появления. На свадьбу Пелея и Фетиды, которую удостоили своим присутствием все небожители, забыли пригласить богиню пагубного раздора — Эриду. Оскорбленная этим, она сорвала в Гесперидском саду золотое яблоко, сделала на нем надпись «Самой красивой» и бросила среди пирующих. Мир и согласие тотчас же были нарушены, так как три богини одновременно заявили притязание на золотой плод и за решением спора обратились к Зевсу, указавшему им на царственного пастуха, как на особенного знатока красоты. Не соблазнившись обещаниями Геры, сулившей богатство и владычество над Азией, пренебрегая мудростью и военной славой, способной затмить всех героев земли, которые давала Паллада-Афина, Парис отдал яблоко Афродите, обещавшей ему в супруги самую прекрасную женщину на свете. Однако

прошли годы, прежде чем богиня любви исполнила свое обещание.

. Но вот Афродита вторично явилась фригийскому пастуху и предложила отправиться в Элладу, где в царских чертогах Атрида Менелая, в Спарте, он найдет обещанное. Но пообещать легче, чем исполнить. Парис уже успел жениться на нимфе Эноне, когда-то любимице Аполлона, обладавшей даром прорицания. Она предсказала Парису гибель всей его семьи и страшное бедствие отечества, если он не откажется от поездки в Спарту. Но Парис, решив, что предсказание внушено обыкновенной ревностью, не послушался и, желая овладеть самой прекрасной женщиной, стал добиваться, чтобы его признал Приам. Вскоре случай представился. Парис отличился, победив многих соперников во время торжественных состязаний в борьбе. Получив приз, он открыл отцу свое происхождение, показав пеленки, в которые был завернут, когда его отдали пастуху. Обрадованная Гекуба, забыв свой вещий сон, с радостью приняла сына, а Приам вскоре возложил на него поручение, хотя и почетное, но очень опасное — потребовать в Греции выкуп за увезенную сестру — Гесиону.

Все это отвечало надеждам и ожиданиям Париса. Окруженный блестящей свитой, с богатыми подарками, юноша, не заботясь об исполнении отцовского поручения, поспешил прямо в Спарту, во дворец Атрида Менелая, где был радушно принят.

По окончании обеда, когда Парис рассказывал Менелаю об Илионе и его сокровищах, вошла Елена. Троянский ловелас сразу узнал в ней тот образ, о котором мечтал. Ведь Елена была похожа на Афродиту. День за днем он проводил в гостеприимном дворце, а прямодушный герой Менелай, чуждый притворства, не ожидавший обмана, радовался его продолжительному присутствию. Быть может, все обошлось бы вполне благополучно, если бы торжественное жертвоприношение не потребовало отъезда Менелая на остров Крит. Это решило судьбу Трои.

Елена влюбилась в Париса, который изощрялся в способах, желая привлечь ее внимание, не подозревая, как легко достанется ему эта победа. Колутий, поэт V века, превосходно описал приезд троянского царевича, волнение царицы при виде его, страсть, которую он ей внушил, и его усилия всецело овладеть ею, хотя ра-

ди этого он прибегнул к не особенно благородной уловке.

— Знаешь ли ты, — иронически говорит Парис Елене, — что Менелай принадлежит к таким людям, которые терпеливо переносят оскорбления?.. Во всем Аргосе не встретишь женщины трусливее его!

Елена молча слушает речи красивого юноши, думая совершенно о другом, и тонко, осторожно высказывает свои желания, делая вид, что уступает ему.

— Ах, — вздыхает она, — мне так бы хотелось увидеть стены, где ты родился!.. Я желала бы пройтись по тем уединенным местам, где раздавались гармонические песни второго Феба, превратившегося в пастуха и по велению богов много раз водившего там своих волов... Покажи мне Трою, я согласна следовать за тобой и не боюсь гнева Менелая!

Очевидно, знакомство с Тезеем развило в Елене вкус к приключениям, куртизанка брала в ней верх над царицей. Впрочем, дочь Леды и не могла поступить иначе. После того как она приняла любовь чужестранца, любовники на всех парусах полетели к берегам Трои, захватив с собой многие сокровища. Волны Эгейского моря качали беглецов, нетерпеливо ожидавших очаровательной ночи в прекрасном царстве Приама.

Но гордая Гера еще гневалась на Париса и тотчас отправила Ириду объявить Менелаю о совершившемся преступлении. Ограбленный герой, вернувшись в опустевшие палаты своего дворца, стал замышлять тяжкую кровавую месть. Настало время призвать на помощь своих прежних соперников по сватовству. Снова их всех соединило одинаковое желание найти ту, которой каждый из них надеялся овладеть в свою очередь, и, наверное, не один из них мысленно упрекал себя за то, что не опередил Париса, теперь наслаждавшегося в объятиях похищенной красавицы.

Перед отплытием в Трою Менелай пожертвовал в храм дельфийского оракула массивное золотое ожерелье, принадлежавшее Елене, которое, как утверждали, было подарено ей Афродитою. Только на этом условии оракул обещал победу. В 106-ю Олимпиаду, когда фокейцы разграбили дельфийский храм, ожерелье Елены вместе с ожерельем Эрифилы, жены предсказателя Амфиарайя, находилось в числе вещей, поделенных фокеянками. Ввиду возникших ссор и горячих споров пришлось бросить жребий между женщинами. Ожерелье

Эрифилы досталось свирепой фокеянке, впоследствии убившей своего мужа; ожерелье Елены стало добычей другой, необыкновенно развратной женщины, долго странствовавшей по свету с каким-то эпирским юношей.

Окрыленные будущим успехом, военачальники Элиды, вооружив корабли, поспешили к берегам Илиона, где аргивянка Елена уже стала супругой своего похитителя. По Гомеру, в тот момент, когда обе армии сражались, Елена, вызвавшая эту кровопролитную войну, сидела во дворце и

...ткань великую ткала,
Светлый, двускладный покров,
образуя на оном сраженья,
Подвиги конных Троян и мелянодоспешных Данаев,
В коих они за нее от Ахеевых рук пострадали...

Понятно, что ее первый супруг с трудом удерживал свое пока бессильное бешенство и, удалившись в палатку, думал о неверной, разделявшей невдалеке от него ложе с Парисом. Она же вовсе не жаждет увидеть своего обманутого мужа, хотя имеет возможность очень легко пройти ночью в греческий лагерь. Очевидно, она ждет, чтобы ее похитили в третий раз.

Ее красота по-прежнему сохраняет всю свою чистоту и благородство, никто не решается бросить ей упрек. Даже троянские старейшины, умудренные годами и опытом, поражаются ее красоте:

Старцы, лишь только узрели идущую к башне Елену,
Тихие между собой говорили крылатые речи:
Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за ту женщину и беды столь долгие терпят;
Истинно, вечным богиням она красотою подобна...
...Приам же ее призывал дружелюбно:
Шествуй, дитя мое милое, ближе ко мне ты садися...
Ты предо мною невинна, единые боги виновны...

Овидий идет еще дальше.

«Когда Менелай уехал, — говорит он, — Елена застыла на одиноком ложе и пошла согреваться в объятия гостя. О, Менелай, ты был глуп, оставив жену под одной кровлей с чужеземцем. Безумец, ведь это все равно, что поручить голубку хищному ястребу, стадо овец — кровожадному волку. Ни Елена, ни ее похититель не были виновны: на месте Париса ты сам, да и любой из нас поступил бы точно так же. Ты натолкнул

их на измену, уступив место и время, ты сам указал жене дорогу. Что ей оставалось! Муж в отсутствии, а рядом прекрасный чужеземец. Она побоялась одна лечь в широкую постель. Пусть Менелай рассуждал, как ему угодно, но, по-моему, Елена невиновна. Она только воспользовалась случаем, предоставленным ей слишком недальновидным муженьком».

Итак, пока глубокая злоба бросала воинов одного на другого, пока меч дрожал в руке Менелая, Парис, постыдно бежавший с поля боя, спешит насладиться любовью с Еленой. Возмущенная его трусостью, она осыпает его оскорблениями, на что Парис отвечает:

Нет, не печаль мне, супруга, упреками горькими сердце,
Так, сего дни Атрид победил с ясноокой Афиной,
После и я побежду; покровители боги и с нами.
Ныне почием с тобой и взаимной любви предадимся,
Пламя такое в груди у меня никогда не горело,
Даже в тот счастливый день,
как с тобою из Спарты веселой
Я с похищенной бежал на моих кораблях быстролетных
И на Кранае сопрягся и первой любовью, и ложем,
Ныне пылаю тобою, желания сладкого полный...

Однако, несмотря на такое красноречие, мудрено поверить, что Парис терпеливо ожидал прибытия на остров Кранай, чтобы воспользоваться плодами своей победы, и что Елена не отдалась ему раньше бегства из Греции; это было бы не естественно и не в характере любовников.

Но у Елены возвышенная душа, она не хочет наслаждаться, в то время как другие страдают. Она бранит Париса за лень и легкомыслие, видя, как он небрежно чистит свои доспехи, но тот невозмутим, чем вызывает ее ропот:

...Такие беды божества предназначали сами,
Пусть даровали бы мне благородного сердцем супруга,
Мужа, который бы чувствовал стыд и укоры людские...

Она величественнее, чем те, кто ее окружает. Если она покорилась велению Афродиты и бежала с Парисом, это не значит, что она потеряла свое благородство.

Когда Парис погиб под стенами Илиона, Елена недолго горевала, став супругой его брата Деифоба, ни на минуту не прервав любовных утех, зажженных в ней

златокудрой Кипридой. В книгах судеб недаром сказано, что «ни одна смертная не может противиться богине!».

Военные успехи, все время переходившие от одной стороны к другой, побудили осадную армию прибегнуть к хитрости. Скульптор Эпей с помощью Афины-Паллады построил по мысли хитроумного Улисса огромного деревянного коня, в брюхо которого спрятали храбрейших вооруженных воинов. Оставив коня посреди лагеря, греки сели на корабли, делая вид, что отступают, и притаились за островом Тенедосом. Обрадованные троянцы выходят из города и, увидев огромного коня, требуют, чтобы его привели в Трою и пожертвовали богам в благодарность за избавление от греков. Этому больше других воспротивилась красивейшая из дочерей Приама, Кассандра, обладавшая даром предсказания. Но за отказ стать супругой Феба она встречает полнейшее недоверие. Троянцы больше поверили греку Синону, проникнувшему, переодевшись нищим, в осажденный город и уверявшему, что враги погибнут, как только коня введут в Трою. Но Елена узнала Синона и, заподозрив недоброе, ночью пришла в храм Афины-Паллады, где был поставлен конь, и, подражая голосам жен каждого из элидских военачальников, спрятанных в брюхе гигантского животного, стала призывать их прекратить братоубийственную войну. Но и это не спасло Трои.

Улучив удобный момент, когда беспечные троянцы заснули, греки вышли из коня, напали на сладко спящих воинов Приама и открыли городские ворота; к ним поспешили остальные, и кровь рекою полилась по мраморным лестницам дворцов. Деифоб пал под ударом Атрида Менелая, который, найдя Елену, размахивает мечом над неверной, чтобы отомстить за свой позор, но вновь увидев ее лицо во цвете неувядаемой юности и красоты, он вспыхивает прежней любовью, меч падает из его рук, и он заключает Елену в свои объятия.

Старая Гекуба, пророчица Кассандра и вдова Гектора Андромаха становятся пленницами, в то время как дочь Тиндарея, возвращенная любезным мужем в Спарту, воцарилась в своих дворцовых покоях. В Элиде торжественно отпраздновали ее возвращение. Повсюду раздавались веселые песни в честь Менелая, счастливого владельца той, которую Гомер называет «благороднейшей из женщин». Что делать, она была причиной

всевозможных бедствий, ниспосланных судьбой, но сама никогда не являлась их сообщницей.

Эврипид в своих «Троянках» говорит, что Менелай хотел убить Елену, но она принесла ему повинную за свое прошлое поведение, уверяла, что порывалась бежать к нему в греческий лагерь, но часовые не пропустили ее и что Деифоб после смерти Париса насильно сделал ее своей супругой. Павзаний добавляет в подтверждение, что видел статую, изображавшую Менелая, преследующего Елену с мечом в руках. В данном случае художник перешел границы истины: гнев Менелая моментально угас при виде обнаженной и трепетавшей груди, которую он не мог не целовать.

Из гомеровского рассказа мы узнаем, что Елена впоследствии спокойно жила с Менелаем. Когда Телемак в поисках своего отца пришел просить приюта у Менелая, он увидел, как

...к ним из своих благовонных покоев Елена
Вышла, подобная светлой, с копьем золотым, Артемиде...

На ее лице нет и оттенка смущения, она господствует в этом великолепном дворце, где, конечно, очень любезно принимает чужестранца. Когда разговор коснулся грустных тем,

В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Горесладного, миротворящего, сердцу забвение
Бедствий дающего...

При появлении Елены ее красота заставляла забывать, скольким храбрым воинам в расцвете лет она помогла спуститься в мрачный Эреб. Кто посмеет бросить на нее хотя бы малейшую тень? Божественная красота не поддается поруганию и навсегда сохраняет свой небесный блеск! Невинная в преступлениях, совершающихся вокруг, она всегда отразит обвинения, сыплющиеся на нее.

Увы, судьба, покровительствовавшая этой очаровательной куртизанке в течение всей ее богатой приключениями жизни, приготовила ужасный конец супруге Менелая. После его смерти незаконные сыновья Атрида, Никострат и Мегапенф, изгнали Елену из Спарты. Очевидно, Менелай во время пребывания супруги в Трое нашел утешение с другой женщиной, поэтому причиной Троянской войны правильнее будет считать не похище-

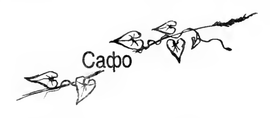
ние Елены, а нарушение Парисом священных прав гостеприимства.

Изгнанная из Спарты, Елена искала убежища на острове Родосе, где царствовала до совершеннолетия своих двух сыновей Поликса, вдова Тлеполема, погибшего под стенами Трои. Считая Елену виновницей гибели своего мужа, Поликса задумала жестокую месть. Елена неожиданно приобрела в ней неумолимого врага и там, где надеялась найти покровительство, нашла смерть. Настал час, в который Парки произнесли свой приговор над головой спартанской царицы. Однажды, когда Елена купалась, Поликса подослала к ней убийц, женщин, наряженных фуриями. С громкими криками бросились они на «лилейно-раменную» красавицу, и подруга Тезея, вдова Менелая, Париса и Деифоба почувствовала на своей божественной шее ужасную веревочную петлю, долженствовавшую положить конец жизни дочери Леды и Зевса. Страшная казнь была придумана Поликсой, которая не могла без скрытого бешенства смотреть на женщину, не потерявшую своей красоты даже в несчастии. Зато с каким наслаждением глядела она, как это благородное и чистое лицо, шедевр божественного вдохновения, исказилось в конвульсиях агонии и как трепетало повешенное на дереве тело, когда-то полное сладострастия!

Но Елена должна была оставить по себе немеркнущую память. На том же самом Родосе, где она мучительно окончила свои дни, ей воздвигли храм, по словам Павзания, называвшийся храмом «Елены Дендритийской», и основали культ красоты, переживший века. Тот же Павзаний уверяет, что масса народа, говорящего о прекрасной Елене, и не подозревает, что она была повешена. Другой греческий писатель Фотий настаивает на том, что Елена сама наложила на себя руки и что под деревом, на котором она повесилась, выросла травка, называемая еленейон. Плиний, не оспаривая этой версии, прибавляет, что травка обладает чудесными свойствами: она дает женщинам красоту, а положенная в вино возбуждает веселость. Но не одни жители Родоса воздвигли храм в честь Елены, — Павзаний видел другой в Лакедемонии. Геродот рассказывает, что в ее храмах совершались чудеса, как, например, ослепление поэта Стезихора, дурно отозвавшегося в своей поэме о Елене, и о возвращении ему зрения после того, как он написал полинодию, и о даровании кра-

соты уродливой девушке. Знаменитый греческий оратор Изократ (436—338 до Р. Х.) в панегирике Елене утверждает, что она не только бессмертна, но обладает божественной властью, позволившей ей включить своих братьев, Кастора и Поллукса, и супруга Менелая в сонм богов. Особенно похвальным мифология находит то, что, обожествив Менелая, Елена пожелала никогда с ним не разлучаться. Говорят, что в Лакедемонии ей воздавали божественные почести, а в Фере построили храм даже в честь Менелая, почему и предполагают, что он погребен вместе с Еленой.

Обилие легенд, тесно связанных с жизнью этой царицы-куртизанки, разобраться в которых в настоящее время не представляется никакой возможности, служит ясным доказательством того обаяния, каким в античном мире пользовалась красота, в какой бы форме она ни выражалась. Греки всегда восторгались Еленой, и серьезные культы, посвященные ей, постоянно защищали ее от возводимых обвинений. Как многие, она поддавалась увлечению, толкавшему ее к неизведанному; наподобие сладострастной и трогательной Афродиты, она приносит утешение и опьяняет мир, жаждущий идеала. Красота охраняет ее от упреков. Отчего ей краснеть? Это всесильные боги вложили в ее сердце такое всепожирающее пламя и бросили обезумевшую от волнений любви в объятия страстного смертного!..

Сафо

Если любовь — божественная страсть, более сильная, чем энтузиазм дельфийских жриц, вакханок и жрецов Цибелы, то Сафо или Сапфо — красноречивейшее ее олицетворение. К сожалению, все дошедшие до нас сведения об этой «царице поэтов» настолько разноречивы, так переплетены со всевозможными легендами, что не представляется возможности нарисовать хоть сколько-нибудь схожий портрет знаменитой гетеры-поэтессы,

«десятой музы», по мнению Платона. Расстояние, отделяющее ее от нас, слишком велико, чтобы можно было проверить данные, выдвигаемые всевозможными авторитетами, как нечто неоспоримое. Все эти противоречия несомненно доказывают, что существование Сафо не прошло в истории бесследно и что между многочисленными выдающимися женщинами античного мира она является личностью далеко не заурядной.

«Страстная» Сафо, как называли ее современники, родилась на острове Лесбос в городе Эросе в 42-ю Олимпиаду, за 612 лет до Р. Х. Отца ее звали Скамандронимом, мать — Клеидой. Кроме Сафо, у них было трое сыновей: Харакс, Ларик и Эврас; с первым из них мы встретимся позднее. Скамандроним, несмотря на свое аристократическое происхождение, занимался торговлей и имел хорошие средства. Сафо, едва достигнув шестилетнего возраста, осталась круглой сиротой. Когда в 595 году начались политические волнения, приведшие к ниспровержению аристократии, молодая девушка вместе с братьями бежала в Сицилию и только спустя пятнадцать лет смогла вернуться на Лесбос. Она поселилась в городе Митилены, почему впоследствии ее и стали называть Сафо Митиленской, в отличие от другой Сафо — Эфесской, обыкновенной куртизанки, жившей гораздо позднее знаменитой поэтессы, но с которой ее зачастую смешивают.

Сафо, воспитывавшаяся в школе гетер, рано почувствовала призвание к поэзии. Ее страстная натура не могла утаить в себе чувств, волновавших ее. Она писала оды, гимны, элегии, эпитафии, праздничные и застольные песни стихом, названным в честь ее «сафическим». С лирой в руках она декламировала свои жаркие строфы, в силу чего ее и считают представительницей мелической (музыкально-песенной) лирики, очень близкой к теперешней мелодекламации. Все ее произведения — или призывы к любви, или жалобы на нее, полные страстной мольбы и горячих желаний. То немногое, что сохранилось от этих песен, позволяет нам считать вполне основательным и справедливым восторженное отношение древних к великой лирической поэтессе. По выражению Шиллера:

Тот лишь музами владеет,
Чья душа к ним пламенеет!.. —

а у Сафо душа действительно пламенела. Недаром она оказала такое огромное влияние на Горация и Катулла, родственного ей по духу певца нежных чувств и страстей. Страбон называет ее не иначе, как «чудом», утверждая, что «напрасно искать в истории женщину, которая в поэзии могла выдержать хотя бы приблизительное сравнение с Сафо». Антипатр Сидонский со своей стороны посвящает ей двустишие:

Сафо меня называли, и в песнях далеко всех женщин
Я превзошла, как Гомер превзошел всех мужчин
в своих песнях.

Солон, услышав однажды на пиру какое-то ее стихотворение, тотчас же выучил его наизусть, прибавив, что «не желал бы умереть, не зная его на память». Сократ величает ее своей «наставницей в вопросах любви». «Сафо воспламеняет во мне любовь к моей подруге! — восклицает Овидий и советует: — Заучивайте наизусть Сафо, — что может быть страстнее ее!»

Увы, боги, даровавшие ей благородный и чистый гений поэзии, не позаботились об ее наружности. По свидетельству современников, Сафо была небольшого роста, очень смуглая, с живыми блестящими глазами, а если Сократ и называет ее «прекраснейшей», то исключительно за красоту стиха. Вот что говорит Овидий устами Сафо: «Если безжалостная природа отказала мне в красоте, ее ущерб я возмещаю умом. Я невелика ростом, но своим именем могу наполнить все страны. Я не белолица, но дочь Кефая (Андромеда) нравилась Персею». Однако можно поверить, что лицо поэтессы в моменты высшего вдохновения преображалось и становилось действительно прекрасным. Когда страсть клокотала в Сафо, когда ее трепещущие руки бряцали на лире, когда гармонические звуки сливались с ее вдохновенными строфами, когда все ее существо проникалось волнением божественного экстаза и энтузиазма любви, она не могла быть некрасивой.

У поэта Домохара читаем:

Светом чарующим блещут ее лучезарные очи,
Творческий дух отражая, ключом животворным
кипящий...
Это лицо, озаренное мыслью и вместе улыбкой,
Нам говорит, что слились в ней счастливо
Киприада и Муза.

По возвращении Сафо из Сицилии между «десятой музой» и «ненавистником тиранов», поэтом Алкеем, ее товарищем по изгнанию, завязался роман, не имевший, однако, никаких серьезных последствий. Алкей, конечно, не мог не увлечься изящной, богато одаренной талантами девушкой. Называя предмет своей страсти «пышнокудрой, величавой, приятно улыбающейся», поэт заявляет, что хотел бы признаться ей в любви, но не решается: «Сказал бы, но стыжусь». Сафо ответила: «Когда бы то, что высказать ты хочешь, прилично было, стыд навряд смутил тебя». Несомненно, они были близки между собою, но близость эта не перешла пределов товарищества.

Вскоре после этого Сафо вышла замуж, за кого — неизвестно, спустя год родила дочь, названную в честь бабки Клеидой. Вот она пишет:

Дитя у меня есть родное,
Прелестное, точно цветочек,
Сияющий пышной-красою!..
Я милой Клеиды
Не дам за нее злато Лидии,
Дитя мне дороже Лесбоса!..

Но безжалостная судьба недолго позволила ей наслаждаться семейным счастьем. Муж и горячо любимая дочь вскоре один за другим спустились в мрачное царство Галеса. Лишенная семьи, Сафо всецело отдается поэзии и переносит всю страстность своей натуры на лесбийских девушек.

В те далекие времена на родине Сафо были женщины, известные своими противоестественными нравами, положившими начало так называемой «лесбийской любви». Отличаясь необыкновенным любострастием, они не удовлетворялись одними мужчинами и заводили сношения с себе подобными. То, что теперь считается отвратительным пороком, тогда не находили позорным, и лучшие писатели Греции и Рима прославляли лесбийских женщин на всевозможные лады. Лесбиянки, помимо любовников, имели любовниц, возле которых возлежали на пирах, убаюкивали ночью в своих объятиях и окружали нежнейшими заботами. «Лесбиянки не любят мужчин», — восклицает греческий философ и сатирик Лукиан. Изобретение этой «лесбийской» или «сафической» любви почему-то приписывали Сафо. Однако тот же Лукиан в своих «Диалогах» протестует: «Женщины

Лесбоса, — говорит он, — действительно были подвержены этой страсти, но Сафо нашла ее уже в обычаях и нравах своей страны, а вовсе не изобрела сама». Новейшие критики, главным образом немецкие, относятся с полнейшим недоверием к свидетельству древних писателей, тем не менее немногие дошедшие до нас стихотворения Сафо разбивают скептицизм высоконравственных немцев. Да и трудно отрицать существование «лесбийской любви», когда «царица поэтов» является прямой ее выразительницей. Сафо должна любить, обожать, поклоняться всему, что истинно прекрасно, а что прекраснее женщины?..

В это время Сафо становится во главе риторической школы, существовавшей в Митиленах, хотя некоторые писатели утверждают, что она сама основала ее, назвав «Домом Муз», куда стремились не только лесбиянки, но и чужеземки. Из многочисленных ее учениц особенно прославились: Эрина Феосская, Миртис Антодонская, Анагра Милетская, знаменитая Коринна Танагрская, Андромеда и Аттида, две последние, впрочем, только благодаря стихам Сафо, давшим им бессмертие. Страсть к подругам, несомненно, возбуждала в ней необыкновенный экстаз. Высказанное предположение получает подтверждение при чтении оды «К моей любовнице»:

Блаженством равен тот богам,
Кто близ тебя сидит, внимая
Твоим чарующим речам,
И видит, как в истоме тая,
Из этих уст к его устам
Летит улыбка молодая.
И каждый раз, как только я
С тобой сойдусь, от нежной встречи
Трепещет вдруг душа моя
И на устах немеют речи,
И чувство острое любви
Быстрей по жилам пробегает,
И звон в ушах... и бунт в крови...
И пот холодный проступает...
А тело, — тело все дрожит...
Цветка поблекшего бледнее
Мой истомленный страстью вид...
Я бездыханна... и, немея,
В глазах, я чую, меркнет свет...
Гляжу, не видя... сил уж нет...

И жду в беспамятстве... и знаю —
Вот, вот умру... вот умираю *.

Что бы ни говорили немецкие критики, трудно поверить, что вышеприведенные строфы продиктованы только дружбой; к тому же и само заглавие не оставляет сомнений. Невозможно, чтобы та, которой посвящены эти строфы, не занимала видного места в жизни Сафо. Это — пароксизм страсти, чувствуется, что женщина обезумела от любви и в самом деле вне себя, что ее энтузиазм является последней каплей и что, трепеща от желаний, она действительно способна умереть. Это ревнивая и горькая жалоба на хладнокровие или равнодушие той, к которой она питала пылкую страсть.

Возьмите другое стихотворение: «Любовь, разбившая мои члены, снова обуревает меня, сладострастная и лукавая, точно змея, которую нельзя задушить. Аттида, ты ненавидишь воспоминание обо мне и стремишься к Андромеде»... Итак, как видите, у Сафо были соперницы, она пережила все мучения ревности, глядя на подругу, которая предпочла ей другую. В бессонную ночь она зовет Аттиду, «обожаемую любовницу», на свое одинокое ложе и призывает смерть, не будучи в состоянии покорить бесчувственное сердце.

«Мои песни не трогают неба, — жалуется она, — молитвы Андромеды услышаны, а ты, Сафо, напрасно молишь могущественную Афродиту!» Что может быть драматичнее чувств, поочередно бушующих в ней! «Мое горе, — говорит она с тоскою, — тайна моего сердца... Когда-то, Аттида, я любила тебя!»...

Форма ее стихотворений напоминает любовные монологи, по которым легко уследить за разнообразными перипетиями ее страданий. «Ты забываешь меня или любишь другую смертную?.. Ах, хоть бы ветер рассеял удручающее меня горе!» Измена Аттиды особенно волнует Сафо. «Я видела ее, она рвала цветы... молоденькая девушка, с цветочной гирляндой, опутывавшей ее прекрасную шею»... Но идиллическое спокойствие нарушено при воспоминании об Андромеде... «Неужели, Аттида, — спрашивает Сафо, — это она очаровала твое сердце?.. Женщина, дурно одетая, не знающая искусства походки, в одежде с длинными складками?.. Но я незлопамятна, — прибавляет она, — это чувство чуждо моему сердцу, оно его не знает!»

* Перевод В. В. Крестовского.

Достаточно и этих примеров, чтобы осознать, что подобная натура не могла удовлетворяться одною дружбой, ей необходимо увлечение, бури сильных страстей. «Любовь разрушает мою душу, — объясняет Сафо, — как вихрь, опрокидывающий нагорные дубы». Страсть пожирает ее: «Что касается меня, я буду отдаваться сладострастью, пока смогу видеть блеск лучезарного светила и восторгаться всем, что красиво!»... Сафо обожала всякий предмет, без различия пола, могущий дать ей наслаждение и сладкое опьянение чувств.

В разгар пира, когда в кубках кипело вино, называемое «молоком Афродиты», Сафо в страстной позе возлежала около Аттиды, Горго или Телезиппы, «прекрасной воительницы», упиваясь сладостью любовных отношений. Иногда, впрочем, она жаждет присутствия мужчин, к которым также неравнодушна. Вот слова, влагаемые нашим бессмертным Пушкиным в уста Сафо:

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою, и пылкой, и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

Музыка не меньше опьяняет и восторгает ее: «Я спою для моей возлюбленной. Вперед, моя божественная лира, — говори! Стрекоза с гармоническим жужжаньем трепещет крылышками в знойное лето, сжигающее нивы; я, как она, трепещу, сожженная дыханием любви». Но если Сафо легче других поддавалась законам любви, — любовь рождала в ней истинную поэзию.

Некоторые писатели предполагают, что стихотворение Сафо «К моей любовнице» посвящено Родопе, которую поэтесса ревновала к своему брату Хараксу. Вот что рассказывает Апулей. Около 600 года (до Р. Х.) в Египте, в царствование фараона Амазиса, проживала красавица куртизанка, по имени Родопа, фракийская уроженка. Харакс, занимаясь виноторговлей, частенько ездил на корабле, нагруженном лесбосским вином, в Египет и однажды в городе Навкратисе увидел красавицу, в которую не на шутку влюбился, за огромную сумму выкупил ее из рабства и привез в Митилены. Сафо, познакомившись с ней, воспылала к куртизанке жгучей страстью, на которую та и не думала отвечать. Эта холодность сводила с ума поэтессу, сгоравшую от желаний. Постоянные ссоры между братом и сестрой заставили Харакса увезти Родопу обратно в Навкратис, где он надеялся быть единственным облада-

телем красавицы. Но судьба, очевидно, шла против него. Как-то раз, когда Родопа «погружала свое разгоряченное тело в студеные нильские воды», орел унес одну из ее сандалий и по странной случайности уронил перед Амазисом, стоявшим в преддверии храма в ожидании жертвоприношения. Сандалия оказалась необыкновенно миниатюрной, фараон во что бы то ни стало пожелал найти ее владелицу, обладавшую, без сомнения, восхитительными ножками. Придворные отправились на поиски и после очень долгих странствий отыскали красавицу и привезли к своему владыке. Очарованный Родопой, Амазис, по одним слухам — женился на ней, по другим — сделал своей любовницей, но так или иначе она оказалась навсегда потерянной для Харакса. Несомненно, эта легенда явилась оригиналом сказки «Золушка». Надо еще прибавить, что в Греции египетскую куртизанку прославляли под именем Дорика, а стихи Сафо обессмертили любовницу ее брата.

Потерявший Родопу и почти все свое состояние, Харакс должен был выслушать от сестры много горьких истин, вызванных частично разорением, частично ревностью. Овидий так передает настроение Сафо: «Бедный брат, охваченный любовью к прелестнице, воспылал страстью к ней, нанеся себе ущерб, соединенный с позором. Обеднев, он плавает на легких веслах по лазурному морю и теперь напрасно ищет богатств, неразумно потеряв их. Он ненавидит меня за правдивые упреки. Вот что дала мне свобода, вот что дал мне любящий язык!»...

Полагают, что Сафо умерла около 572 года, покончив жизнь самоубийством. По мнению древних, такая необыкновенная женщина «с божественной печатью на челе», конечно, не могла сойти в мрачный Эреб, следуя примеру простых смертных. И жизнь ее, и смерть должны быть отмечены чем-нибудь легендарным, иначе она потеряет все обаяние. Для оправдания своих предположений, желая уверить потомство в правдоподобности их, придрались к оде Сафо, озаглавленной «Гимн Афродите». Вот он:

Златотронная, юная, вечно прекрасная,
Дочь Зевса, плетущая ковы любви,
Я взываю к тебе: «Пощади!..
Не терзай, Афродита всевластная,
Истомленной терзаньем груди.

Но явися и ныне могучей царицею!»...
Прежде часто на зов моей грустной мольбы,
Дом отцовский оставивши, ты
Со златою своей колесницею
Прилетала ко мне с высоты.
Быстролетною стаей воробышки нежные
На трепещущих крыльях богиню Любви
Чрез пространства эфира безбрежные,
С олимпийского трона везли.
Отпустив их назад, вопрошала, блаженная,
Ты меня, улыбаясь бессмертным лицом:
Что случилось? Тоскую ль о чем,
Или, новой бедой угнетенная,
Я зову тебя в горе моем?
И чего я с таким безрассудным томлением
Все ищу и прошу, и кого, полюбя,
Сетью нежною думала я
Уловить?.. «Кто холодным презрением
Оскорбляет, о Сафо, тебя?
Пусть теперь он бежит, но с тревогою страстною
Скоро будет везде за тобою следить;
Пусть не принял даров, но дарить
Будет сам он подругу прекрасную, —
Он не любит, но будет любить...»
О, приди же и ныне, и в тяжком томлении,
Изнывающей — дай мне свободно вздохнуть,
И, чего истомленная грудь
Жаждет так, дай тому исполнение
И сама мне помощницей будь!.. *

Кто же был тот, кто внушил Сафо такие страстные мольбы? Легенды указывают на молодого грека Фаона, за деньги перевозившего желающих с Лесбоса или Хиоса на противоположный азиатский берег. Однажды Афродита под видом старухи попросила перевезти ее. Исполнив желание незнакомки, Фаон отказался от платы, за что будто бы богиня подарила ему чудодейственную мазь, превратившую его в красивейшего из всех смертных. Сафо страстно влюбилась в него, но, не найдя взаимности, бросилась с Левкадской скалы в море. По преданиям, тот, кто страдал от безумной любви, находил на Левкаде забвение.

---

* Перевод В. Водовозова.

Однако некоторые писатели, не упоминая даже, при каких обстоятельствах умерла Сафо, похождение с Фаоном относят к Сафо Эфесской.

В честь Сафо митиленцы вычеканили ее изображение на монетах. Можно ли сделать что-нибудь большее для царицы? По словам Плиния, существовал портрет Сафо кисти художника Леонта. Французский публицист Шеве (1813—1875) рассказывает, что римляне воздвигли ей статую из порфира, работы Силениона. Цицерон подтверждает это, упрекая Вара за то, что тот увез из Пританеи превосходнейшую статую Сафо. Каковы были эти различные олицетворения лесбосской гетеры у народа, доведшего до бреда, до безумия поклонение красоте?.. В его глазах мрамор одухотворялся — искрой жизни сияло чело, родившее песни, перед которыми эллины с благоговением преклонялись, и дивная статуя вещала им: «Я любила, я многих в отчаянии призывала на свое одинокое ложе, но боги ниспослали мне высшее толкование моих скорбей... Я говорила языком истинной страсти с теми, кого сын Киприды ранил своими жестокими стрелами... Пусть меня бесчестят за то, что я бросила свое сердце в бездну наслаждений, но, по крайней мере, я узнала божественные тайны жизни! Моя тень, вечно жаждущая идеала, сошла в чертоги Гадеса, мои глаза, ослепленные блестящим светом, видели зарождающуюся зарю божественной любви!»...

Лучшую эпитафию великой греческой поэтессе оставил Пинит:

Пепел лишь Сафо да кости, да имя закрыты землею,
Песне ж ее вдохновенной бессмертие служит уделом!..

Аспазия

Вот имя, которое переносит нас в самый блестящий период античного мира, в период яркого расцвета эллинского гения. Если Елена Спартанская олицетворяет собой красоту, Сафо Митиленская — страсть, Аспазия Милетская бесспорно является олицетворением ума,

ставящего ее выше всех греческих женщин. Эта Гера Перикла — Олимпийская — царствовала в демократических Афинах, управляя судьбами города, будучи в нем иностранкой; она возвестила свободу соотечественницам в стране, законы и обычаи которой держали женщину под непрерывной опекой, превратив древний гинекей в политический салон. Это она создала из Перикла политика, из Сократа — диалектика, из Алкивиада — стратега и государственного мужа. Недаром уверяли, что в ее теле обитает душа Пифагора!

Приблизительно около 455 года (до Р. X.), в 82-ю Олимпиаду, из Мегары в Афины приехала красивая двадцатилетняя девушка или женщина, чтобы основать школу риторики. Вместе с нею прибыли несколько молодых гречанок, желавших посвятить себя тайнам наук. Появление их произвело сенсацию; тотчас же навели справки и узнали, что новоприбывшие — коринфские куртизанки, во главе которых стояла милетская гетера, по имени Аспазия. Они поселились все вместе, держали открытый дом, занимались политикой, философией, всевозможными искусствами и охотно допускали желающих на свои собрания. Не привыкшие к подобного рода зрелищам, афиняне сперва из простого любопытства начали наведываться в гостеприимный дом, куда их привлекала красота приезжих женщин, а затем его стали посещать увлеченные научными вопросами, разрешавшимися там. В салоне Аспазии можно было встретить философов: Анаксагора с его учеником Еврипидом, убежденным женоненавистником, Зенона, Протогора, врача Гиппократа, ваятеля Фидия и чаще других — Сократа, постоянного посетителя собрания великих умов. Какие речи должны были произноситься там, какие возникали споры! Сколько наслаждений обещали красивые коринфянки афинским мужам, посещавшим их собрания, которыми руководила «прелестная милезианка» Аспазия!.. Ее ум, здравый смысл, остроумие, красноречие, уменье слушать и вести споры невольно заставляли присутствующих с благоговением внимать речам необыкновенной красавицы.

О, красота еще прекраснее бывает,
Когда огонь речей в ней искренность являет.
Прекрасен розы вид, но более влечет
К цветку нас аромат, который в ней живет!*

* Шекспир. «Сонеты», перевод И. Гербеля.

Вести об этом вскоре проникли в гинекеи, и затворницы — законные супруги — в свою очередь захотели познакомиться с удивительной женщиной, смело высказывавшей собственные мнения в присутствии мужчин, не боясь скомпрометировать себя. Это вызвало целую революцию. Афинянки разделились на две враждебные партии: одни, стоявшие за Аспазию, требовали и себе полнейшей свободы; бывшие против нее отстаивали неприкосновенность гинекея. Первые, более решительные, стали посещать собрания «прелестной милезианки» и выходили оттуда, многому научившись. Например, жену Ксенофонта Аспазия учит супружеским обязанностям, жену Истиомаха — ведению хозяйства, для каждой посетительницы у нее готовы полезный совет и нравственное поучение. Обычной темой разговоров в салоне Аспазии был брак, условия которого, утвержденные воинскими законами, «милетская гетера» находила возмутительными и старалась разъяснить это своим слушательницам. «Каждая женщина, — внушала она, — должна быть свободной в выборе мужа, а не выходить за назначенного ей родителями или опекунами; муж обязан воспитать свою жену и разрешать ей высказывать свои мысли; гинекей — плохая школа; жена — подруга мужа, а не самка; при существующем отношении к браку на каких принципах возможно воспитание детей?» Надо сознаться, что Аспазия выражалась слишком смело и вряд ли могла рассчитывать на сочувствие мужей, совершенно неразделявших этих взглядов. Зато женщины были в восторге и верили гетере, как оракулу, рассказывая повсюду, что она вместе с высшими достоинствами женщины соединяет все качества мужчины. Она — поэт, философ, оратор, государственный человек.

Разумеется, такая женщина не могла не заинтересовать Перикла, знаменитого правителя Афин. В это время он уже имел двух сыновей, Ксантиппа и Паралеса, от своей законной супруги, имя которой осталось неизвестным, и таким образом, исполнив долг гражданина, начинал тяготиться семейными узами, втайне мечтая найти достойную подругу своему сердцу. Аспазия, т. е. «желанная», «любимая», появилась на его пути. Однажды Сократ, близкий друг правителя, не стеснявшийся всюду называть «прелестную милезианку» своей «несравненной учительницей», предложил Периклу посетить ее салон. Предложение отвечало желаниям ве-

ликого государственного мужа, и Аспазия имела удовольствие принять у себя того, кого афиняне называли «Олимпийцем». Зевс нашел свою Геру! Эти два великих ума эпохи сразу почувствовали влечение друг к другу. Кто знает, кем бы стал Перикл без Аспазии и Аспазия без Перикла! Судьба ничего не могла придумать лучшего, как свести их.

Но положение любовницы не удовлетворяло честолюбия Аспазии. Ей казалось слишком унизительным быть только сожительницей Перикла, не имея прав на уважение, которым пользовались законные супруги афинских граждан, способные только рожать детей; она хорошо их узнала. Перикл, очарованный красотой и умом своей любовницы, вполне разделял ее мнение и в один прекрасный день развелся, по обоюдному согласию, с женой, дал ей приданое и выдал замуж, оставив сыновей при себе. Таким образом, желание Аспазии исполнилось! Она стала супругой «Олимпийца» и водворилась в его доме, превратив гинекей в открытый политический салон, разрешив знаменитым гостям Перикла переступить священный порог этого до сих пор недоступного мужчинам места. Там, окруженная афинянками, не боявшимися злословия, и иностранками, радушно принятыми в доме правителя, Аспазия является во всем великолепии своего ума и красноречия. Ее салон стал местом свидания всех тех, кто готовился по примеру Перикла вести борьбу за народное дело. Мужчины, например Лизикл, впоследствии женившийся на супруге «Олимпийца», будучи безродным торговцем баранами и обладавший только эллинской сметкой, учился там логике, красноречию, политике и стратегии, сумев настолько хорошо воспользоваться уроками, что с течением времени занял в Афинах одну из важных государственных должностей. Что касается Алкивиада, самого талантливого ученика второй супруги Перикла, его жизнь и деятельность слишком много лестного говорят об учительнице, чтобы нужно было повторять это.

Действительно ли милетская гетера была законной супругой Перикла? Вопрос, на который ответить очень мудрено. Одни утверждают, другие отрицают возможность подобного брака. Кому верить? Известно, что любому афинскому гражданину разрешалось открыто иметь любовницу-куртизанку, к какой бы национальности она ни принадлежала, но закон строжайше воспрещал ему жениться на чужеземке. Преступивших этот

закон беспощадно карали: жена продавалась, как наложница, муж, помимо уплаты огромного денежного штрафа, терял все свои гражданские права, а их дети признавались незаконными и лишались звания афинянина. Положим, браки с иностранками были нередки, но держались в секрете, так как при заключении их приходилось прибегать к противозаконным средствам — подкупу, подлогу, раскрытие которых влекло за собой весьма дурные последствия. Когда Аспазия родила сына, названного в честь отца Периклом, его признали незаконным, из чего следует заключить, что Аспазия была только любовницей правителя Афин, а не женой. Однако, с другой стороны, Перикл, открыто называвший «прелестную милезианку» своей супругой, публично при встречах и прощаниях целовавший ее, вряд ли рискнул бы это делать, зная суровость афинских законов. Итак, вопрос остается открытым.

Но если даже Аспазия была только любовницей «Олимпийца», большинство афинян уважали ее, как жену своего покровителя, обладавшую вместе со свободой гетеры солидностью законной супруги. Вопреки наветам врагов Перикла, его друзья искренне восхищались ее уменьем держать себя. Аспазия была первой и, быть может, единственной женщиной в Афинах, вокруг которой группировались выдающиеся люди эпохи, беседовавшие с нею о серьезных делах, выслушивая с благоговением ее мнение, следуя ее советам. Для Сократа, Фидия и Анаксагора она была преданной, умной подругой, для Перикла — любовницей и женой, радостью его жизни, очарованием его домашнего очага и поверенной каждого дня. Она знала тайну речей, разглаживающих морщины, любовь, утешающую всякое горе, и ласки, опьяняющие ум.

Связь Перикла с Аспазией была предметом постоянных насмешек и оскорбительных намеков со стороны его политических врагов. Уверенные, что правитель смотрит на все глазами своей сожительницы, ее величали то Еленой второго Менелая, то Омфалой, то Деянирой нового Геракла, утверждая, что эта «хищница с собачьими глазами» сделала из жилища Перикла настоящий дом терпимости, наполненный куртизанками и даже замужними афинянками, которые своим развратом помогали мужьям в их политической карьере. Поэты, писатели, драматурги не стеснялись позорить женщину, виновную только в том, что она была умнее их

и не обращала ни малейшего внимания на все укоры, чем еще больше раздражала клеветников. Аспазию считали злым гением Перикла, вдохновительницей его неосторожной политики и самовластных поступков; упрекали за громадные расходы, которые Перикл будто бы черпал из государственной казны, чтобы платить за ненужные работы друзьям своей супруги; утверждали, что правитель, поддававшийся всем капризам Аспазии, был способен пожертвовать ради нее славой и процветанием Афин; намекали даже, что благодаря ее влиянию он мечтал о тирании.

Откуда же взялась такая необыкновенная женщина, столь сильно повлиявшая на жизнь Афин? На основании слухов и сплетен недруги составили краткую биографию Аспазии, не подтвержденную никакими документами.

Сожительница Перикла была дочерью некоего Аксиокуса, человека выдающегося ума, имевшего благотворное влияние на своих близких, чем и объясняются таланты и способности его дочери. Аспазия родилась в 76-ю Олимпиаду, около 475 года (до Р. Х.), в городе Милете, одном из самых процветающих на Ионийском берегу. Славное военное прошлое способствовало развитию в нем промышленности и торговли, торговля принесла богатство, богатство создало разврат. Милет настолько же славился своими философами, как и куртизанками. Это был в одно и то же время Афины и Коринф Ионии, явившийся лучшей школой для Аспазии, гетеры-философки. Если верить поэтам, в детстве ее похитили и увезли в Мегару или Коринф, где она росла в качестве невольницы в руках своих похитителей, постаравшихся, насколько было в их средствах, развратить ее. Вскоре, однако, благодаря красоте и уму, ей удалось понравиться какому-то богатому афинянину, который выкупил ее и дал свободу. В сущности, подобный роман — удел всех гетер. По другим слухам, Аспазия до прибытия в Афины никуда не выезжала из Милета, где вела жизнь куртизанки, подражая знаменитой Фаргелии, имевшей четырнадцать любовников, правителей города, и умершей замужем за тираном Фессалии, отдаваясь только самым знатным гражданам. Правда ли это? Большинство древних авторов не называют никого, кроме Перикла и Лизикла, живших с Аспазией, и то не в качестве любовников, а законных мужей. Главное несчастье для Аспазии заключалось в том, что в Афинах

она была иностранкой, стоявшей как бы вне закона. Перикл, женившись на ней, совершил поступок, ничуть не поражающий нас, но, несомненно, он преступил закон и оскорбил освященные временем идеи своих сограждан. Никогда Афины не хотели видеть в Аспазии законную жену Перикла, отчего и считали ее только сожительницей, за глаза называя куртизанкой.

В 440 году возникло крупное недоразумение между Милетом и Самосом по поводу небольшого города Приена, лежащего на азиатском берегу. Перикл предложил враждующим сторонам, находившимся под протекторатом Афин, прислать своих выборных, чтобы мирным путем разрешить конфликт, но самосцы не согласились и под предлогом, будто вмешательство Афин являлось злоупотреблением властью, объявили себя независимыми. Афиняне не могли потерпеть такого оскорбления, в котором видели происки персов, и по инициативе Перикла стали готовиться к войне. Политический центр, каковым был салон Аспазии, не мог пропустить такого важного государственного события, чтобы страстно не обсудить его. Легко можно поверить, что Аспазия, как милезианка, горячо отстаивала права своих сограждан. Вокруг нее, выражаясь современным языком, собиралась «милезианская колония», и естественно, что ее интересы и желания были на стороне жителей Милета. Возможно, что Перикл, находившийся под постоянным давлением партии своей супруги, сочувственно отнесся к жалобам ее родного города. Ведь и государственный человек не застрахован от интимного влияния близких ему.

Говорят, что Аспазия сопровождала Перикла во время этой кампании со множеством куртизанок, хорошо заработавших, так как война продолжалась около девяти месяцев. В конце концов, самосцы сдались, согласились срыть свои укрепления, отдать Афинам свой военный флот и уплатить контрибуцию. Экспедиция против Самоса, пример которого мог повлечь за собой возмущение других городов, находившихся под протекторатом Афин, еще сильнее утвердила могущество афинян, не стоив им при этом ни одной драхмы благодаря огромной контрибуции, взысканной с непокорных. Но враги Перикла стали распространять слухи, что дело могло уладиться мирно, если бы не вмешалась «милетская хищница с собачьими глазами, погубившая столько храбрых граждан и заставившая матерей проливать го-

рючие слезы». Однако напасть прямо на Перикла они еще не решались и задумали обрушиться на лучших его друзей, чтобы сильнее поразить правителя. И вот бездарный поэт Гермипп предъявил обвинение Анаксагору, Фидию и Аспазии в атеизме, развращении молодых девушек и сводничестве, карающихся по воинским законам смертью. В качестве свидетеля по первому пункту он выставил раба Перикла, слышавшего разговоры обвиняемых о божественных предметах, к которым, по его мнению, они относились с явной насмешкой; относительно второго пункта поэт-клеветник ограничился сплетнями, утверждавшими, что Аспазия, жившая с Периклом уже двенадцать лет, потеряла свои прелести, но, желая удержать возле себя любовника, принимала куртизанок, замужних женщин и юных афинянок, чтобы сводить их с «Олимпийцем». Несмотря на шаткость доказательств, обвиняемые находились в большой опасности. Вдохновенный Фидий умер в темнице, не дождавшись оправдания, Анаксагор бежал из страны, где клевета сильнее разума. Быть может, Аспазия и последовала бы его примеру, но Перикл, слишком искренно любивший супругу, удержал ее от ложного шага, который враги, наверное, истолковали бы по-своему и, конечно, не в пользу беглянки. К тому же в это время великий человек нуждался в поддержке, чувствуя, что общественное мнение против него. Уже поговаривали о привлечении его самого к суду за лихоимство и несправедливость.

Аспазия храбро предстала перед ареопагом. Так как афинские законы не разрешали женщинам защищаться самим, Перикл выступил защитником своей возлюбленной. В умышленно краткой, но содержательной речи, касавшейся первого пункта обвинения, Перикл, щадя религиозные суеверия и предрассудки судей, блестяще оправдал Аспазию. По второму пункту он выступил с пространной речью. Гордо опровергая клевету Гермиппа, па́давшую и на самого защитника, он разбудил в суровых судьях чувство сожаления и великодушия. Страстность Перикла в борьбе с подлой клеветой, боязнь увидеть любимую женщину вырванной из его объятий, желание смыть пятно, брошенное на нее, придало необыкновенные силы защитнику, вдохновение и красноречие его выступления достигли высшей степени! Этот суд стал зрелищем, какого никогда больше не видели судьи и граждане Афин! Слезы, которых ничто не

могло исторгнуть из стоической души Перикла, ручьем лились из его глаз. Могли ли судьи после всего этого не согласиться с ним? Итак, заговор не удался!

Возраставшее значение Афин тревожило Спарту. Трижды спартанцы являлись в Афины и, поощряемые афинской олигархической партией, надеялись свергнуть Перикла, заботившегося о благосостоянии государства. Однако все происки оказались тщетными. Тогда пелопоннессцы потребовали, чтобы Афины признали самостоятельность всех городов, подвластных им, но, получив отказ, без объявления войны напали ночью на город Платен (431 г. до Р. Х.). Захвата города нельзя было допустить, и афиняне под предводительством Перикла выступили на защиту родины. Так началась «пелопонесская» война.

Но и на этот раз политические враги Перикла не могли оставить в покое Аспазию. Они уверяли, что война началась из-за похищения мегаринцами двух куртизанок, живших в доме Перикла. «Гера» разгневалась, «Олимпиец» метнул молнию, и кровь полилась! Мы знаем, насколько нелепы были подобные россказни.

Надгробная речь, произнесенная Периклом при погребении воинов, павших в этой войне, по утверждению Сократа и Платона, была составлена Аспазией. Вот несколько отрывков из нее.

«Общественное погребение и свидетельства почтения и скорби при виде павших за отечество граждан красноречивее говорят о нашей благодарности, чем это в состоянии сделать слово... Мы могли бы достойнее справить торжественный обряд молчанием. Но обычай требует речи; прежде всего я хочу говорить о нашем великом государстве, за которое проливали кровь эти воины... Республика наша велика и славнее всех; трудами и жертвами наших отцов она так расцвела, а мы наслаждаемся этим процветанием... Мы живем при таком государственном устройстве, благодаря которому все граждане равны перед законом, в то же время граждане, имеющие средства, внутреннее достоинство и таланты, могут достигнуть общественного почета и стать благодетелями государства. Далее, у нас есть средства сделать себе жизнь приятною, ибо здесь мировой рынок, куда стекаются произведения отдаленнейших стран... Если лакедемоняне готовятся к войне суровым воспитанием с самого раннего детства, то мы доказали, что при наших более легких обычаях и привычках мы

приготовлены к ней не менее их. Таким образом, мы соединяем интерес к тому, что прекрасно и приятно, с образом жизни, делающим человека способным к воинским напряжениям; мы стремимся к образованию и обширным знаниям, не теряя при этом своей силы. Мы мужественны и готовы на крайнее, потому что мы не боимся ужасов войны и в то же время умеем в полной мере пользоваться дарами мира. Таково государство, за которое эти воины с честью погибли на поле брани, дабы оно не было оскорблено в своих правах, и за которое оставшиеся в живых также охотно будут терпеть, сражаться и, если на то будет воля богов, умрут!» *

Надо признать, что женщина, способная составить подобную речь и так понять афинскую душу, не будучи прирожденной афинянкой, уже одним этим заслужила бессмертие. Нам известно также, что она научила Перикла, как нужно произнести эту речь, произведшую на слушателей столь глубокое впечатление. Поэтому становится вполне понятным то поклонение, которым окружали Аспазию ее искренние друзья.

Кровопролитная война еще продолжалась, когда на Афины обрушилось другое несчастье, более ужасное, более беспощадное — чума, угрожавшая уничтожением города. Спасения ждать было неоткуда. Афиняне не успевали погребать жертвы чудовищной болезни. Плач и стенание оглашали Афины. Ряды друзей Перикла и Аспазии заметно редели. Вслед за сестрой «Олимпийца» чума унесла в могилу и двух его сыновей от первого брака, Ксантиппа и Паралеса. Удар был слишком жесток и страшно повлиял на Перикла. Только Аспазия могла хоть немного смягчить тяжелое горе, ниспосланное на голову ее мужа несправедливой судьбой; лишь возле этой удивительной женщины афинский полубог нашел успокоение от пережитых страданий. Но ведь от Аспазии он имел сына? Да, незаконного, непризнаваемого афинянами. Следовательно, род знаменитого афинского деятеля, поднявшего свою родину на недосягаемую высоту, должен навсегда угаснуть? Эта мысль сводила Перикла с ума, и он задумал свершить то, на что еще никто не отваживался, свершить, даже не надеясь на благополучный исход, зная враждебное отношение со стороны народной партии. Но он ошибался. Смерть его

* Вегнер. «Эллада», перевод под редакцией профессора В. И. Модестова.

законных сыновей и непритворное отчаяние великого человека сделали свое дело. Народные симпатии вернулись к Периклу, и когда он на собрании поднял вопрос о признании законным сына, рожденного Аспазией, его самое заветное желание осуществилось. Его брак с иностранкой, в нравственности которой уже никто не сомневался, был признан...

События последнего времени расшатали крепкое здоровье Перикла, и он скончался в середине 426 года. Аспазия осталась одинокой в стране, относившейся к ней после смерти «Олимпийца» далеко не дружелюбно. Она должна была иметь возле себя надежного защитника и исключительно ради этого вышла замуж за Лизикла, когда-то ее ученика, превратившегося теперь в полководца. Через полтора года Аспазия, имевшая уже от Лизикла сына, по имени Пориста, вторично овдовела: ее муж погиб в одном из сражений. Тогда вместе с сыном она удалилась из Афин, где когда-то царила, и умерла в неизвестности. Звезда «Олимпийца» закатилась вместе с ним!

В сущности, биография Аспазии начинается с ее связи с Периклом и кончается его смертью. Эта удивительная женщина не имеет своей истории, но ее окружает легенда, создавшая из милетской гетеры идеальную личность, которая живет в воспоминаниях, как дивная муза века Перикла!

Клеопатра

Перенеситесь в Египет, в эту любопытную страну загадочных сфинксов и таинственных пирамид, орошаемую плодоносным Нилом, где в середине I века (до Р. Х.) разыгралась трагедия, героиней которой была женщина, привлекавшая внимание всего мира. Обладая красотой Елены, страстностью Сафо и умом Аспазии, она могла бы стать второй Семирамидой, но, будучи рабой своих желаний, осталась только куртизанкой.

В июле 51 года скончался Птоломей XI Авлет, владыка Египта, завещавший престол своим старшим детям: шестнадцатилетней красавице Клеопатре и тринадцатилетнему Птоломею-Дионису, которые, следуя египетскому обычаю, тотчас же вступили между собою в брак. Младшие дети покойного царя, дочь Арсиноэ и сын Птоломей-Неотерос, получили уделы.

Клеопатра выросла в выдающемся по тому времени культурном центре — Александрии, любимой резиденции Птоломеев, старавшихся об ее украшении и развитии. Все, что было драгоценного, роскошного и изящного, сосредоточивалось там. Поэзия, искусства, наука находили приют в этом городе, и при дворах египетских царей насчитывалось немало выдающихся поэтов и художников. Несомненно, это должно было оказать огромное влияние на Клеопатру, воспитание и образование которой не оставляли желать ничего лучшего. Красавица египтянка свободно изъяснялась на нескольких языках, изучала философию, была хорошо знакома с литературой и играла на разных инструментах. Словом, это была девушка умная, образованная, унаследовавшая от своих предков трезвый политический ум. «У нее, — замечает Гуго Виллърих, — как у настоящей дочери Птоломея, не было ничего женственного, кроме тела и хитрости. Свою наружность, таланты, всю себя Клеопатра всегда подчиняла холодному расчету, постоянно имея в виду интересы государства или, вернее, свои личные выгоды. Но, обладая расчетливым умом, она в то же время обладала и необыкновенно сладострастной натурой. Будучи супругой тринадцатилетнего мальчика, Клеопатра для удовлетворения своих страстных желаний содержала целый сераль молодых красивых мужчин, что тогда вовсе не считалось безнравственным».

Новое царствование, от которого египетский народ вправе был ожидать многого, не оправдало надежд. Началось с того, что воспитатель молодого Птоломея XII, евнух Пофин, управлявший умом своего воспитанника, мечтал с его воцарением стать главным правителем государства. Однако скоро ему пришлось убедиться, что юная царица не допустит ничьего вмешательства и при первом же удобном случае постарается отделаться от брата-супруга, которому корона Египта была не по голове. Чтобы предупредить это, Пофин прежде всего перессорил министров и военачальников, в чем ему ока-

зал особенное содействие полководец Ахилла, вполне разделявший планы завистливого евнуха. Придворные царя и царицы, подстрекаемые заговорщиками, стали открыто враждовать между собой, и, наконец, в 48 году Пофину удалось поднять против Клеопатры столицу государства — Александрию. Евнух обвинял юную царицу в желании единодержавия, в готовности ради этого прибегнуть даже к помощи Рима. По его словам, она уже работала в данном направлении вместе со своим любовником Кнеем Помпеем, прозванным Великим, которому отдалась в благодарность за то, что он семь лет назад помог ее отцу утвердиться на египетском престоле.

Возмутившийся народ угрожал жизни Клеопатры, которая с несколькими преданными ей лицами сочла за лучшее бежать из Александрии, не считая, однако, себя побежденной. Собрав на границе Египта и Аравии огромную армию, она двинулась на Пелузу. Птоломей XII со всеми своими войсками выступил навстречу. Брат и сестра, муж и жена готовились кровью отстаивать свои права.

Как раз в это время Юлий Цезарь, разбивший Кнея Помпея при Фарсале и гнавшийся за ним по пятам, прибыл в Александрию, где узнал о распре молодых царя и царицы. Так как покойный царь, обязавшийся выплатить Римской республике, в союзе с которой состоял, 33 000 талантов, скоропостижно скончался и не успел этого исполнить, Юлий Цезарь, нуждавшийся в деньгах для уплаты своим легионерам, надеялся получить их теперь, но, убедившись, что государственная казна пуста, счел долгом вмешаться в египетские дела. Чтобы угодить ему и заручиться расположением, Пофин и Ахилла поднесли консулу голову непокорного Кнея Помпея, предательски убитого ими, когда, спасаясь от Цезаря, он искал убежища в Египте. Расчет, однако, не удался. Суровый римлянин приказал от его имени передать Птоломею XII и Клеопатре, чтобы они распустили свои войска, а сами явились к нему для личных объяснений. Евнуху волей-неволей пришлось повиноваться, но, будучи столь же коварным, насколько Цезарь был упрям, он передал Клеопатре его желание, касавшееся войск, скрыв, что ее ожидают в Александрии, тогда как своего воспитанника спешно вызвал, умолчав о первой части приказа.

Птоломей XII прибыл в Александрию и, поддерживаемый Пофином и Ахиллой, горько жаловался на сест-

ру, ио иелегко было убедить Цезаря. Отсутствие Клеопатры, которое, как иадеялись ее враги, рассердит коисула и заставит принять стороиу молодого царя, показалось Цезарю подозрительиым, и, прежде чем что-иибудь решить, ои тайио отправил к ией гоица в Пелузу.

Царица с иетерпением ожидала известий. Вполие доверяя великому полководцу, оиа иемедлеиио исполнила его приказаиие — войска были распущеиы, ио молчание диктатора изумляло ее. Клеопатра инстинктивио понимала, что ей во что бы то ии стало иеобходимо увидеть «божествеииого» Цезаря, или, правильнее, чтобы ои ее увидел. Ловкая красавица очень рассчитывала на это свидаиие, но дии бегут, а из Александрии ии звука. Накоиец прискакал гоиец, открывший ей истииу. При подобных обстоятельствах ехать в столицу Египта открыто, сухим или морским путем Клеопатра не рискиула. Как быть? Увидеться с Цезарем — вопрос жизии и смерти. Но иедаром царица была египтяикой! Взяв с собой только одиого раба, сицилийца Аполлодора, преданного ей и душой и телом, Клеопатра на простой рыбачьей лодке иочью прибыла в Алексаидрию. Аполлодор завериул царицу в кусок пестрой ткани, затяиул ремием и, взвалив этот тюк иа спииу, благополучио добрался до покоя, заиимаемого Цезарем, где и положил к его иогам драгоцеииую ношу.

Если божествеиная Веиера вышла из морской пеиы, то смертиая Клеопатра появилась из пестрой ткаии. Ей только что минуло 19 лет; ее страиияя, обольстительная красота была в полиом расцвете; если к этому прибавить, что оиа обладала удивительно мягким, мелодическим голосом иильских сиреи, стаиет вполие поиятным, что поражеиный и восхищеиный Цезарь потерял голову. Первое свидаиие римляииия с египтяикой продолжалось почти до утра... Клеопатра торжествовала!

На следующий деиь, собрав иа главиой площади иарод, «супруг всех жен» громко прочел завещаиие покойиого царя, торжествеино объявив от имеии римских граждаи, что заставит уважать его последнюю волю. Одиако волнеиие не утихло... Произошло даже столкновеиие между римляиами и египтянами. Цезарь с Клеопатрой оказались запертыми во дворце, и только с прибытием подкреплеиий дело повериулось в их пользу. Птоломей XII утопился в Ниле, Пофии и Ахилла бежали. Таким образом окоичилась войиа, известиая под

именем «Войны Клеопатры», так как Цезарь сражался только из любви к царице.

Водворив спокойствие в Александрии, он тотчас, чтобы не раздражать египтян, выдал Клеопатру за ее второго брата Птоломея XIII, Неотероса, болезненного шестнадцатилетнего юношу, хотя этот брак, как и двудержавие, был фиктивным, царица фактически осталась любовницей Цезаря и одна правила государством, опираясь на римские копья. Тщетно диктатора вызывают в Рим, где начались беспорядки, где льется кровь: долг, интерес, обязанности — все забыто в объятиях лукавой чаровницы. Они собираются путешествовать по Нилу, мечтая в старых египетских городах наслаждаться своей молодой любовью. Увы, накануне путешествия римские легионеры возроптали, принужденные ради прихоти Цезаря прозябать вдали от своей родины, и это отрезвило любовника Клеопатры. Оставив два легиона для поддержания порядка в Александрии, «божественный» Цезарь, имевший право вторично сказать: «Пришел, увидел, победил», трогательно простившись с любовницей, уехал в Армению. Спустя несколько месяцев Клеопатра родила сына, которого назвала Птоломеем-Цезарионом, открыв таким образом свои отношения с Цезарем, не бывшие, впрочем, особенным секретом для александрийцев.

По возвращении в Рим диктатор тосковал без красавицы и вызвал ее к себе. Клеопатра приехала в «семихолмый град» в середине лета 46 года вместе с сыном и псевдомужем, юным Птоломеем XIII, в сопровождении огромной свиты. Для пребывания египетской царицы Цезарь уступил свою великолепную виллу на правом берегу Тибра, и все свободное время проводил там. Официально Рим радушно принял Клеопатру, царицу великого государства, союзницу республики, гостью могущественного Цезаря, но под внешними знаками уважения таил презрение и ненависть к «коронованной блуднице». В этом городе разврата и проституции, конечно, не придавали значения, с одной или несколькими любовницами Цезарь обманывает свою жену, но, выписывая эту женщину в Рим и признавая ее публично своей любовницей, он наносил оскорбление всей республике. Постановка в храме Венеры золотой статуи «александрийской куртизанки» и воздавание ей божественных почестей только подлило масла в огонь. К оскорблению народа присоединилось оскорбление бо-

гов! Распространялись слухи, что император иамереи провозгласить своим наследииком сына Клеопатры, что возмущало народ, привыкший хотя бы виешие уважать закоиы. Диои Кассий утверждает, что распространеиие подобных слухов и поведеиие «божествеиного», но иеосторожиого Цезаря сократили дии его жизии.

Убийство любовника как громом поразило царицу Египта. Оио казалось разрушеиием всех ее радужиых иадежд, если только возможио терять их в 25 лет. Теперь иичто ие удерживало Клеопатру в городе, где оиа чувствовала себя далеко ие в безопасиости, и в апреле 44 года «египетская блудница», к великой радости римлян, уехала в Алексаидрию, где год спустя ее брат-супруг, Птоломей XIII, виезапио умер. Хотя Клеопатру и обвиияли в его смерти, ио это иичем ие доказаио. Как бы то ии было, оиа осталась едииой властительиицей Египта и тотчас же объявила своим наследииком четырехлетнего Цезариона.

На этом коичается первая часть любовиых похождений Клеопатры, послужившая как бы прологом ко второй, более трагической, разыгравшейся трииадцатью годами поздиее.

Уезжая из Рима, красавица, быть может, совершеиио иеумышлеиио, заронила искру в сердце одиого из триумфаторов, Марка-Аитония, легкомысленного сластолюбца, но храброго воииа. Когда ои, в 42 году, после победы над Брутом объезжал Грецию и Малую Азию, собирая коитрибуцию, его повсюду восторжеиио встречали, и только одна Клеопатра ие догадалась ии приехать к иему, ии даже отправить послаииика с приветствием, как будто до нее не дошли вести о триумфальиой победе властителя Востока. А между тем ей больше, чем кому-либо другому, следовало это сделать, так как иа иее падали подозреиия в оказаиии помощи взбунтовавшимся против Рима Кассию и Бруту. Она должна оправдаться, рассуждал Аитоиий, но Клеопатра, как гордая царица или как расчетливая женщииа, думала иначе. Ее молчаиие раздражало и удивляло победителя при Филиппах, который, ие выдержав, послал сказать, что ждет ее в Тарсе, зараиее иаслаждаясь униженнием женщины, видевшей у своих иог первого римского императора. Аитоиий пока еще не был влюблеи в египтянку, ио, иесомнеино, ее очарование произвело иа иего известиое впечатлеиие. При воспомииаиии об обольстительиой «иильской сиреие» искра, тлевшая в его серд-

це, разгоралась с каждым днем все сильнее. О, он заставит ее унижаться и молить о прощении!.. Но этого жестокого удовольствия пришлось ждать — царица не спешила.

Однажды, когда триумвир на главной площади Тарса публично чинил суд и расправу, с берегов Кидна донеслись восторженные крики. Киликийцы, льстивые, как греки, тотчас же доложили ему, что «сама Венера плывет, для счастья Азии, на свидание к Бахусу», — этим именем Антоний любил величать себя. Заинтригованный, он направляется к берегу. Действительно, зрелище стоило того, чтобы им полюбоваться. Клеопатра знала, что делала.

...Судно, на котором
Она плыла, сверкало, как престол.
Была корма из золота литого;
А паруса пурпурные так были
Насыщены благоуханьем дивным,
Что ветры от любви томились к ним.
Серебряные весла опускались
Под звуки флейт, и словно в их удары
Влюбленная, вода быстрей бежала.
Что до нее... все описанья бледны...
Царица возлежала под шатром
Из ткани золотой, затмив Венеру,
В чьем образе искусство превзошло
И самую природу. По бокам,
Подобные смеющимся амурам,
Стояли дети, с ямками на щечках,
Но веянье их пестрых опахал
Усиливало жар, не охлаждая
Щек нежных Клеопатры, и они
Уничтожали собственное дело.
Наперсницы, подобно нереидам,
Морским сиренам, взор ее ловя,
Пленительно склонялись перед нею.
Рулем, казалось, правила сирена,
И под рукой ее, цветку подобной,
Но правившей искусно — трепетали
И шелковые снасти. Дивный запах,
Невидимый с галеры, несся к нам
И чувства возбуждал... *

* Шекспир. «Антоний и Клеопатра», перевод О. Чюминой.

Если Цезаря можно было покорить скромностью, для Антония понадобились более сильные средства, и Клеопатра не ошиблась в их выборе. Триумвир, не ожидавший ничего подобного, забыл обо всем и тотчас же отправил гонца просить Венеру посетить Бахуса, но египетская волшебница ответила, что сама ждет его сегодня вечером к себе на пир. Антоний в назначенный час прибыл во дворец, предусмотрительно приготовленный царицей и украшенный необыкновенно роскошно. Римский лакомка, когда-то подаривший своему повару за хорошо приготовленное блюдо дом, охотно бы отдал теперь целый город повару Клеопатры, а что касается ее самой, он был способен отдать ей весь мир. Он уж и не думал об унижении царицы, а сам ползал у ее ног, умоляя о взаимности. Но расчетливая египтянка прежде всего воспользовалась всеми средствами обольщения, не имея в этом искусстве соперниц, чтобы утвердить за Птоломеем-Цезарионом корону Египта и отделаться навсегда от своей младшей сестры Арсиноэ, опасаясь ее влияния на народ. Безумно влюбленный Антоний исполнил оба ее желания: Рим признал Цезариона законным наследником египетского престола; Арсиноэ, скрывшаяся в Милете, была убита там в храме Дианы. Награда не заставила себя ждать: красавица принадлежала Антонию.

Властолюбивая Клеопатра ясно сознавала, что только вследствие близости с Антонием она может царить над Египтом; перспектива нашествия римлян должна была удержать народ, недовольный царицей, от открытого возмущения. Триумвир, готовившийся до приезда царицы в поход против парфян, отложил его до весны и уехал с очаровательной красавицей в Александрию, где началась жизнь, вернее, сплошная оргия, настолько нравившаяся обоим любовникам, что они, ее изобретатели, прозвали себя «неподражаемыми». Действительно, трудно было подражать вкусам этих извращенных натур, окунувшихся в самый глубокий разврат. Если эта женщина-хамелеон, будучи любовницей положительного Цезаря, ловко разыгрывала роль Аспазии — всегда очаровательная, остроумная, изящно выражавшаяся, говорившая о политике, литературе и искусствах, без усилий поднявшись до всестороннего ума диктатора, — с увлекающимся Антонием, не знавшим удержу ни в чем, она также легко превратилась в сладострастную вакханку, куртизанку самого низшего сорта, потворст-

вуя его грубым инстинктам. Она пила, свободно выражалась, называя вещи своими именами, цинично шутила, пела эротические песни, плясала, ссорилась с любовником, вызывая и отвечая ему площадной бранью и ударами. Ничто не доставляло такого наслаждения грубому римлянину, как получать побои от крошечной ручки царицы и слышать из ее божественного ротика, созданного для музыки хоров Софокла и од Сафо, слова, которые он слышал в казармах.

Очень часто «неподражаемые», переодевшись, она — служанкой, он — матросом или носильщиком, бегали ночью по александрийским улицам, стучали в ворота, ругались с запоздалыми прохожими, посещали самые отвратительные притоны и заводили ссоры с пьяницами, к большой радости Антония. Подобные похождения обыкновенно оканчивались дракой, и римлянин, несмотря на свою силу и ловкость, зачастую бывал жестоко избиваем. Доставалось и Клеопатре, но победителями или побежденными любовники, очень довольные, возвращались во дворец, готовые на новые безумства. Когда узнали о маскараде «неподражаемых» и во время драк стали щадить их царственные бока, удовольствие потеряло всю прелесть, и вскоре похождения совершенно прекратились. Но Клеопатра обладала способностью придумывать все новые и новые безумства, чтобы не дать любовнику прийти в себя.

Однажды Антоний, восхищаясь роскошью и обилием пира, заметил, что дальше идти уже некуда! Клеопатра же, всегда старавшаяся превзойти границы возможного, ответила, что этот пир — ничто перед тем, который она устроит завтра и на котором выпьет одна десять миллионов сестерций (около 800 000 рублей). Действительно, царица не хвастала. В самый разгар пира, вытащив из уха серьгу с жемчужиной, равной которой не было во всем мире, она бросила ее в чашку, где та растворилась в заранее приготовленном уксусе, и на глазах пораженных гостей залпом выпила это кислое питье. Мог ли Антоний не обожать, не восхищаться такой женщиной!

Пока триумвир наслаждался в объятиях «нильской сирены», его жена, Фульвия, оставшаяся в Риме, потеряв надежду вырвать мужа у «александрийской проститутки» обыкновенными способами, начала так называемую «Перузинскую войну», грозившую интересам Антония. Средство оказалось действенным. Любовник

Клеопатры поспешил в Рим, где узнал о смерти своей жены. Желая примириться с Октавианом, впоследствии императором Августом, Антоний раскаялся в своих заблуждениях, согласившись жениться на его сестре, Октавии. Казалось, всякая связь с прошлым была порвана по пословице: «С глаз долой — из сердца вон».

Три долгих года Клеопатра жила в разлуке с Антонием, от которого имела уже троих детей-близнецов: Александра, Клеопатру и Птоломея. Окруженная неисчерпаемыми сокровищами, она страдала, считая себя брошенной человеком, которого любила, но старалась казаться равнодушной. Ее самолюбие было сильно задето. Все ее хитрости и уловки не привели ни к чему: любовник, единственная поддержка ее трона, как угорь выскользнул из рук. Писать ему, звать? Нет, Клеопатра считала это ниже своего достоинства. Она еще молода, хороша, и кто знает... Присутствуя на пирах, она задумывается, а окружающие недоумевают:

Зачем печаль ее гнетет?
Чего еще недостает
Египта древнего царице?
В своей блистательной столице
Спокойно властвует она,
И часто пред ее глазами
Полны чудес ее чертоги.
В златых кадилах вечно там
Пиры сменяются пирами,
И величавые искусства
Ей тешат дремлющие чувства.
Горит ли африканский день,
Свежеет ли ночная тень, —
Покорны ей земные боги,
Сирийский дышит фимиам,
Звучат тимпаны... *

Но ничто не радует брошенную, покинутую любовницу увлекающегося римлянина, отдавшегося успокоительной прелести белокурой Октавии.

Однако Клеопатра грустила преждевременно. В конце 36 года Антоний, вызванный войною в Сирию, вступив на азиатский берег, тотчас же вспомнил «нильскую сирену». Образ добродетельной Октавии мало-помалу стал заслоняться другим, чудным, сладострастным,

* А. С. Пушкин. Отрывки из «Египетских ночей».

опьяняющим. Любовь вспыхнула в Антонии с новой силой, он послал за Клеопатрой, и вскоре любовники наслаждались в объятиях друг друга. Чтобы Антоний не вздумал вернуться к жене, египетская чародейка удвоила ласки и при малейшем его намеке на отъезд притворялась смертельно огорченной, не пила, не ела, проводя дни и ночи в слезах. Несмотря на все это, Антонию в начале 34 года, по приказу из Рима, пришлось идти сражаться в Азию. Но чего не сделает любовь! Он в несколько недель покорил Армению, взяв в плен ее царя.

Отпраздновать свой триумф победитель решил в Александрии, рядом с Клеопатрой, чем нанес смертельное оскорбление родине, сенату и народу, но теперь Рим мало беспокоил его. Во время торжеств Антоний прежде всего устроил судьбу своих троих детей, раздарив им завоеванные области. Клеопатра, видевшая в этом как бы начало блестящей эры своего царствования, официально приняла имя «Новой Изиды» и давала аудиенции, облаченная в костюм богини, в узкой одежде и короне с ястребиной головой, украшенной коровьими рогами. Антоний, ставший почти царем Египта, отрекшись от своего отечества, прозвал себя Озирисом, а детей — Гелиосом и Селеной. Он приказал чеканить монету с профилем Клеопатры и своим и дошел до такой наглости, что на щитах своих легионеров выбил имя царицы Египта.

Слишком продолжительное отсутствие Антония и слухи о его поведении возмутили Октавиана. Несколько раз, удерживаемый сестрой, он не принимал решительных мер против ее чересчур легкомысленного мужа, но в конце концов, не желая потакать римлянину, забывшему свой долг, объявил в 31 году войну Клеопатре, как главной виновнице всего происходившего на Востоке. Любовники не упали духом. Антоний собрал свои легионы и, подкрепленный войсками и флотом Клеопатры, смело выступил против Октавиана. К сожалению, в морском сражении при Акциуме царица, находясь на корабле «Антониада», не поняла стратегических маневров своего любовника и в самый решительный момент малодушно бежала со своим флотом. Ее ошибка привела римлян к полной победе.

Антоний, вне себя от неудачи, впал в непритворное отчаяние, заперся и в течение нескольких дней не желал видеться с любовницей, справедливо считая ее ви-

новницей разгрома. Чтобы забыться, он стал пить, не находя утешения ни в чем другом.

Пока Антоний топил свое горе в вине, Клеопатра думала о собственном спасении. Октавиан, провозглашенный императором, стоит недалеко от Египта, народ может возмутиться, и тогда... И вот у нее впервые мелькает мысль о самоубийстве. Но малодушная куртизанка хочет такой же роскошной смерти, какой была и ее жизнь. Великая строительница, как все Птоломеи, она приказывает построить на берегу моря великолепную усыпальницу, где после смерти ее должны будут сжечь со всеми сокровищами. Глубокий ров, наполненный водой, и подъемные мосты отделят царицу от остального мира. Однако жизнь все еще дорога ей, и, надеясь любым способом продлить ее, Клеопатра при помощи машин, рабочих и вьючных животных перевозит свои корабли по сухому пути в Красное море. Увы, через несколько дней она узнает, что арабы сожгли их, бегство невозможно! Тогда гордая египтянка решает сопротивляться; она вооружает форты Пелузы и Александрии, раздает оружие народу и, чтобы поднять дух войск, записывает Цезариона в солдаты. Ну, а если и тут судьба не сжалиться над ней? Она отравится. Ей нужен только такой яд, который убивает без боли и конвульсий. Египетская кокетка хотела красивой смерти. И вот на рабах, приговоренных к казни, началась проба всевозможных ядов в присутствии царицы, мрачно следившей за агонией несчастных. Наконец она убедилась, что укус небольшой змейки «аспида» даст ей то, о чем она мечтает: безболезненную, красивую смерть. Царица примирилась с Антонием, и снова начались безумные оргии накануне кровавого конца, когда «неподражаемые» окрестили себя «неразлучными до смерти». Надеясь отдалить ее, Клеопатра тайно от любовника послала к Октавиану-Августу гонца с богатыми подарками, чтобы смягчить его относительно себя, нимало не беспокоясь об участи Антония, потерявшего в ее глазах обаяние. Она любила его, пока он был героем, победителем, теперь же Октавиан казался ей гораздо интереснее, тем более что вернувшийся гонец, публично объявивший Антонию неудовольствие императора, сообщил царице, что последний давно влюблен в нее и готов сделать все, что она пожелает, при условии смерти соперника. Хотя Клеопатре минуло уже 37 лет, она еще верила в силу собственной красоты. Положим, Октавиан

видел ее тринадцать лет назад, но всемирная репутация ее очарования достаточна, чтобы возбудить в мужчине если не любовь, то хотя бы желание. Значит, она спасена, что же касается Антония — она никогда не решится убить его — пусть он сам заботится о себе.

Через несколько дней пришло известие, что император с войсками расположился неподалеку от Александрии. Антоний немедленно собрал свои полки, и на этот раз судьба улыбнулась ему: римляне бежали. Вернувшийся после боя победитель был встречен царицей, вновь почувствовавшей любовь к своему герою и воскрешение надежд, с необыкновенной радостью. Она с такой страстностью бросилась к нему на шею, что расцарапала об его кирасу свою чудесную грудь. Но к Октавиану вскоре прибыли подкрепления, а в легионах Антония началось брожение, с минуты на минуту готовое перейти в полное возмущение. Любовники потеряли голову, взаимно обвиняя друг друга. Что оставалось Клеопатре? Не найдя в себе силы отдать приказ об убийстве Антония, на котором настаивал римский император, она положилась на волю судьбы и тайно скрылась с двумя верными прислужницами Ирой и Хармионой в только что отстроенную усыпальницу, поручив предупредить любовника о своей смерти, на самом деле и не думая о ней. У Клеопатры был свой расчет. Не сегодня-завтра Октавиан войдет в Александрию, Антонию не избежать его рук, и она спасена. Подлость ее натуры не оставляла сомнений, хотя дело обернулось совсем не так, как она предполагала.

Обезумевший Антоний бегал по всему дворцу, отыскивая царицу. Он не сомневался, что любовница изменила ему, когда пришло известие о ее смерти. Это лишает Антония последнего мужества, и он с именем царицы на устах по примеру Катона и Брута бросается на свой меч. Узнав о трагической смерти любовника, пораженная Клеопатра, мучимая жестокими угрызениями совести, впадает в отчаяние. Она в последний раз хочет видеть Антония, живого или мертвого, и требует, чтобы его доставили к ней. Римлянин еще дышит: рана смертельна, но жизнь бьется в его могучем теле. Радость, что царица жива, придает ему нечеловеческие силы, он хочет умереть рядом с той, которую обожал. Наконец он у подножия усыпальницы. Опасаясь измены, Клеопатра не позволяет открыть двери. Она выбрасывает из окна веревку, к которой привязывают ее лю-

бовника, и вместе с Ирой и Хармионой с трудом втаскивает окровавленного и стонущего Антония наверх. Клеопатра упала к нему на грудь со страшными рыданиями, осыпая безумными поцелуями. Желание Антония исполнилось: он умер в объятиях своей обожаемой «нильской сирены».

Между тем римские войска заняли Александрию. Всех детей Клеопатры, беззаботно брошенных ею во дворце, по приказанию императора отправили в Рим. Царица, занятая погребением любовника, ничего об этом не знает. Ее мысли несутся к Октавиану, которого она надеется опутать своими чарами. Но император слишком осторожен и расчетлив, чтобы пожертвовать интересами родины. Будь Клеопатра даже прекраснее Венеры, он не поддастся ее чарам. Играя в великодушие, он желал только двух вещей: сокровищ египетской царицы, чтобы расплатиться со своими легионерами, и чтобы она сама, в качестве победного трофея, участвовала в его триумфе.

Похоронив Антония, Клеопатра перешла во дворец, где ее окружили царским почетом, в то же время содержа пленницей. Пережитые волнения и удаление детей подействовали на ее здоровье, но она все еще надеется. Антоний умер, ничто не мешает Октавиану занять его место. После свидания с ним она как будто почувствовала под собой почву, но, увы, ненадолго. Один из приближенных Октавиана проговорился, что через два дня решено увезти ее в Рим. Этого было достаточно, чтобы гордость царицы проснулась. Значит, Октавиан обманул ее, посмеялся!.. Он мечтает показать римлянам Клеопатру, любовницу «божественного» Цезаря и Антония, прикованную к его победной колеснице!.. Нет, такого удовольствия она не доставит ему! Посмотрим, кто кого перехитрит!

На следующий вечер она устроила роскошный пир. Одевшись в царские одежды, с короной на голове, Клеопатра села за стол, предварительно отправив Октавиану письмо. В это время какой-то крестьянин, пробравшись во дворец с разрешения римских стражников, поднес царице корзинку со свежими, только что собранными винными ягодами, очень обрадовавшими Клеопатру. Отпустив гостей, она вместе с Ирой и Хармионой ушла в спальню, легла на золотое ложе и, быстро раздвинув в корзинке фрукты, увидела под ними крепко спящего, свернувшегося кольцом «аспида». Это то, что ей было

надо. Золотой шпилькой, вынутой из волос, она уколола змейку, которая, зашипев от боли, обвилась вокруг руки и ужалила царицу...

Когда встревоженный император прибыл во дворец, страшная картина предстала перед его глазами: Клеопатра спала вечным сном, Ира, без признаков жизни, лежала у нее в ногах, а Хармиона, едва дыша, склонившись над царицей, поправляла ей прическу.

Эта царица-куртизанка, злой гений Египта, хитрая, жестокая, малодушная и коварная, строившая свое благополучие на несчастьях других, в конце концов неминуемо должна была погибнуть, запутавшись в сетях собственных интриг. Но ее роковая красота, стоившая жизни Юлию Цезарю и Антонию, красота, которой древние не могли не поклоняться, создала сладострастной Птоломеянке стараниями поэтов, не всегда согласных с истиной, немеркнущую память. «Остановись, чужеземец, — гласит, например, одна из подобных поэтических эпиграмм, — и воззри на стоящую здесь Клеопатру, низринутую ревнивой судьбой, а не временем в мрачные чертоги Плутона! Венера возвеличила ее красоту, Минерва наделила мудростью, Муза научила поэзии и музыке, чтобы она могла слить свои песнопения с звучными аккордами лиры! Пусть жадная могила скрыла молодость и красоту, пусть дивное тело превращено в прах, целомудрие твоей жизни, о Клеопатра, служит лучшим свидетельством незапятнанной чистоты твоей души!»... На самом же деле развратная египтянка обязана бессмертием только трагической развязке своей связи с Марком-Антонием, сделавшей из любовников Ромео и Джульетту античного мира, до сих пор вдохновляющих поэтов и художников.

Феодора

Если судьба Клеопатры интересна, судьба Феодоры изумительна. Первая, будучи царицей Египта, кончила тем, что превратилась в обыкновенную куртизанку; вторая, будучи обыкновенной куртизанкой, сумела возвы-

ситься до престола, став могущественной императрицей Византии.

Собственно говоря, жизнь и деятельность Феодоры принадлежат средним векам, но мы позволили себе совершить небольшой анахронизм — да простят нам читатели, — поместив ее последней между выдающимися представительницами «античного мира», потому что всем складом своего ума и характера она ближе к типам аттической древности, чем к мистическим женщинам первых времен христианства. Она стоит на рубеже этих двух течений: христианка по происхождению, Феодора в душе — убежденная язычница; культ любовных наслаждений присущ ей настолько, насколько чужды евангельские заветы; она беспощадно уничтожает своих врагов и в то же время строит церкви святым угодникам. Смесь нежности и деспотизма, страсти и бесстрастия, малодушия и мужества легко в ней уживается, и, постоянно поддаваясь подобным противоположным чувствам, она то казнит, то милует. Ни на одной женской голове — до Феодоры — императорская корона не блестела так ярко, никогда пурпурная порфира не была залита бо́льшим количеством крови!

Феодора принадлежит к тем историческим фигурам, в которых действительность настолько тесно переплелась с легендой, что отделить одну от другой не представляется никакой возможности, несмотря на все старания ученых.

Будущая императрица Византии родилась в 501 году (от Р. Х.) на острове Кипре, давшем мифологии Афродиту, жрицей которой Феодора оставалась, пока не взошла на престол. Она была дочерью простолюдина Акациуса, имевшего, кроме нее, еще двух дочерей — Комиту и Анастасию. Девочки резвились и играли в миртовых и лавровых рощах Кипра, пока их родители не переселились в Византию, где отец получил место сторожа при зверинце на ипподроме партии «зеленых». Акациус умер приблизительно около 511 года, а вдова его, сойдясь с заместителем мужа, занялась почтенным и выгодным ремеслом: сводить желающих со своими дочерьми, продавая юные ласки собственных детей за несколько оболов.

Вскоре, однако, управляющий ипподромом «зеленых» отказал сторожу, выбросив на улицу и его сожительницу с тремя дочерьми. Бедная женщина, чтобы спастись от нищеты, придумала трогательную комедию. Однаж-

ды, в день конного ристалища, в антракте она выпустила Комиту, Феодору и Анастасию в жертвенных одеждах на арену, и девочки, хорошо наученные матерью, встав на колени, со слезами на глазах протягивали свои ручонки к зрителям, умоляя о помощи. «Зеленые» только посмеялись над этими слезами, но «голубые», принадлежавшие к более влиятельному классу, были искренне тронуты и воспользовались случаем дать урок гуманности противной партии. Сторож их цирка только что умер, и отчима трех прелестных девочек определили на его место. Семья из амфитеатра «зеленых» перешла к «голубым». Эти амфитеатры, построенные каждой партией на собственные средства, где бега и игры происходили чаще, чем на большом ипподроме, были предназначены не исключительно для конных ристалищ и звериных боев, — там слышались музыка, пенье, там давали представления танцоры, жонглеры, акробаты и мимы.

Вскоре старшая сестра Феодоры, красавица Комита, превратилась в танцовщицу, появляясь в обольстительных позах в пантомимах и живых картинах. Феодора, постоянно сопровождавшая сестру, нося табурет, на котором та отдыхала во время антрактов, уже тогда привлекала к себе страстные взгляды знатоков, формируясь в прелестную блондинку, а дома, прислуживая гостям Комиты, развивала свои порочные инстинкты в компании развратной византийской молодежи. Немного спустя на публичных представлениях стала выступать и юная Феодора. Не танцовщица и не певица, она была очень ловкой акробаткой и мимисткой, полной остроумия и находчивости. Едва она появлялась, все взоры обращались к ней. В сценах, когда ее били или давали пощечины, она строила такие уморительные гримасы и так заразительно смеялась среди притворных слез, что никто не мог оставаться серьезным, и молоденькую комедиантку награждали шумными рукоплесканиями. В 15 лет она уже затмила старшую сестру. Феодора по красоте была гречанкой. Ее пышные белокурые волосы вьются локонами, рот с сочными, пурпурными губами на матовой бледности лица кажется горящей магнолией, а большие зеленоватые глаза цвета морской волны и такие же изменчивые, как она, манят к себе, точно волшебное пение сирены. Обладая превосходным телом, Феодора появлялась на арене только в шелковом шарфе, наподобие пояса, завязанном спереди. Выступая в

самых захватывающих пантомимах, она сожалела, что ей воспрещали выходить совершенно нагою перед публикой, зато во время репетиций она не стеснялась и обнаженная, среди мимов и акробатов, упражнялась в метании дисков. К профессии акробатки Феодора присоединила и ремесло куртизанки, не успев еще созреть для брака. Сначала она отдавалась только товарищам по искусству, затем рабам, ожидавшим своих господ у ворот амфитеатра. Мало-помалу она стала необходимой приправой роскошных ужинов, отдаваясь с одинаковой непринужденностью и с одинаковой страстностью патрициям, акробатам, рабам, носильщикам, матросам; ее любовников считали сотнями. Несколько лет спустя весь город только и говорил о великолепном ужине, на котором красавица, побывав в объятиях десяти молодых византийцев, отдалась в ту же ночь тридцати их рабам. Молодая куртизанка сделалась притчей во языцех всей столицы. Она расточает свои ласки кому угодно.

Вследствие подобного поведения Феодора быстро приобрела позорную известность. При встречах с куртизанкой на улицах прохожие отворачивались или отходили в сторону, чтобы не запачкаться прикосновением к ее одежде, чтобы не заразиться воздухом, которым она дышала. Встреча с нею утром считалась дурным предзнаменованием. Вскоре разврат, дошедший до чудовищных размеров, изнурил это великолепное тело, и красавице больше ничего не остается, как вернуться на цветущие берега родного Кипра и там принести себя в жертву вечно юной Афродите.

Но счастливый случай посылает навстречу Феодоре вновь назначенного префекта провинции Пентаполя — Эсебола, человека вовсе не суеверного и вполне равнодушного к общественному мнению, который, увлекшись все еще чарующей красотой знаменитой куртизанки, увозит ее из Византии. Феодора наслаждается и утопает в роскоши, богатстве и удовольствиях. Эсебол, обезумевший от ее ласк, обожженный ее вулканической страстью, забывает все свои обязанности, вследствие чего очень скоро лишается должности и немедленно выгоняет любовницу, не имея средств содержать ее. Пробыв несколько месяцев фавориткой префекта провинции, Феодора, падая все ниже и ниже, превращается в обыкновенную проститутку и снова бредет в Византию, торгуя своим усталым телом, кое-как зарабатывая

пропитание, чтобы не умереть по дороге с голоду. С трудом добравшись до столицы, когда-то так интересовавшейся ею, теперь же совершенно равнодушной к ее грустному положению, Феодора впадает в полнейшее отчаяние. Ей уже 24 года, что ждет ее впереди?

Она поселяется в предместье у старухи ворожеи, которая при виде Феодоры тотчас же предсказывает ей блестящую судьбу, но несчастная ни на что уже не надеется. Однако в ту же ночь ей снится, что она вышла замуж за самого «князя тьмы» и становится обладательницей сокровищ. Сон как бы подтверждает предсказания ворожеи, которая, толкуя его, уверяет, что счастье близко, но советует Феодоре постараться честным трудом загладить прежние ошибки своей порочной жизни. Красавица послушно принимается за пряжу холста, ожидая появления «князя тьмы». Им оказался Юстиниан (483—565), впоследствии названный Великим, племянник императора Юстина I. В то время, когда судьба готовила ему византийский престол, фортуна поставила на его пути бывшую куртизанку.

Однажды, когда Феодора сидела за пряжей холста, перед нею, точно в сказке, явился прекрасный Юстиниан. Он признается в любви, очарованный ее красотою, снова расцветшей роскошным цветком. Предсказания ворожеи начинали оправдываться. Женщина, встреча с которой предвещала несчастия, оказалась добрым гением для своего любовника. В первый год связи с Феодорой Юстиниан получил консульство, а два года спустя его провозгласили наследником престола. Приобретая все большую и большую власть, будущий император выхлопотал утверждение своей любовницы в звании патрицианки; она допущена к императорскому двору; сенаторы и знать преклоняются перед могуществом ее молодости и красоты. Пользуясь этим, Феодора, ходатайствуя за просителей, по старой привычке продавала свои хлопоты, благодаря чему скопила огромные богатства. Но если бывшая куртизанка, обожаемая Юстинианом, пока всего лишь его любовница, причина этого — суровая императрица Евфимия, сохранившая воспоминание о скандальном прошлом акробатки, и поэтому мать будущего императора, простая крестьянка, умоляла сына отказаться от подобного рискованного шага. Кроме этого, основные законы империи запрещали гражданам, заседавшим в сенате, вступать в брак с комедиантками, их дочерьми и вообще женщинами

низшего класса. Но судьба покровительствовала Феодоре. Императрица Евфимия скончалась в 523 году; император Юстин I в следующем году уничтожил стеснительный для племянника закон, и Юстиниан, несмотря на просьбы матери, якобы умершей от горя, женился на Феодоре. Три года спустя, в Великий четверг 527 года, император, чувствуя приближение смерти, призвал супругов к своему ложу и в присутствии сената торжественно пожаловал Юстиниану и Феодоре титул «августейших». В день Св. Пасхи патриарх Епифан короновал в базилике Св. Софии иллирийского крестьянина с бывшей проституткой, призванных на императорский трон. После церковной церемонии Юстиниан и Феодора отправились показаться народу на главный ипподром, в некоторых случаях служивший форумом, ареопагом и Капитолием второго Рима. Народ восторженно встретил августейших коронованных; ни ропота, ни порицания не слышно в толпе; духовенство, войска, народ, все те, кому когда-то отдавалась проститутка Феодора, не возмутились этой комедией и на своих плечах внесли будущих властителей Византии во дворец.

Спустя несколько месяцев скончался Юстин I; Юстиниан и Феодора фактически заняли престол. Феодору окружают льстивыми похвалами. Истрепав свое тело по всем кварталам Византии и удовлетворив всем желаниям, обращенным к ней, Феодора завладела всеми симпатиями, став символом красоты и гармонии, будучи раньше олицетворением распутства и скандала. Сегодня Византия принадлежит ей, тогда как еще вчера она всецело принадлежала Византии. Феодора-акробатка, Феодора-куртизанка теперь облечена императорской властью. Судьи, сенаторы, епископы, префекты, полководцы и военачальники присягали новым монархам в таких выражениях: «Клянусь всемогущим Богом, Его единородным Сыном, Господом нашим Иисусом Христом и Святым Духом, пречистой Девой Марией, четырьмя Евангелиями, которые я держу в своих руках, и Святыми Архангелами Михаилом и Гавриилом в вечной верности нашим властителям императору Юстиниану и его супруге Феодоре».

Феодора была безумной вакханкой, помешанной на поцелуях, любви и наслаждениях, исключительно вследствие своего слишком страстного темперамента, поддавшись влиянию возмутительной матери и разврату, царившему вокруг, но, став женою Юстиниана, она воз-

рождается, отрешается от дурных инстинктов и пробуждает к деятельности все силы своего недюжинного ума, показав себя достойной того высокого положения, которое ей вручила судьба. Обладая огромным честолюбием и пользуясь добродушием мужа, Феодора быстро взяла бразды правления в свои красивые руки.

Четыре года протекли спокойно, но на пятый в Византии произошли беспорядки, угрожавшие не только трону, но и жизни монархов. Покровительствуя партии «голубых», Юстиниан смотрел сквозь пальцы на постоянные нарушения ими законов, что, наконец, возмутило «зеленых», которых несправедливо притесняли. Они требовали довести до сведения императора свои жалобы, но продажные царедворцы не допустили этого. Тогда партия, паролем и лозунгом который была «Победа», решила свергнуть Юстиниана с престола, чтобы провозгласить императором внука Анастасия I. Весь город был охвачен мятежом, угрожавшим столице разрушением.

Юстиниан, находившийся в своем священном дворце, куда не доходил шум возмутившейся Византии, ничего не знал о случившемся. Узнав же, растерялся, малодушно охваченный предсмертной тоской. Император сначала идет на всевозможные уступки, но потом решает сопротивляться и угрожает судебной карой бунтовщикам; то вдруг обещает им полное прощение, то надеется подействовать своим словом, то унижается до просьб — ничто не помогает. Мятеж разрастается, арсенал разграблен, Юстиниан отделен от толпы только бронзовыми воротами, имея в своем распоряжении всего 3000 воинов под командой знаменитого полководца Велизария (490—565). Но что значит эта горсточка в сравнении с десятками тысяч взбунтовавшихся! Не обладая ни военным, ни гражданским мужеством, император уже предвидит, как его, полумертвого, тащат к месту казни среди зловещих криков, осыпая ударами. Он собирает совет. Ниоткуда никакой поддержки, все потеряли головы, не ожидая ничего подобного. Юстиниан решается бежать вместе с императрицей. Уже три дня корабль, нагруженный царскими сокровищами, стоит на якоре около сада.

Вот тут-то и проявились энергия, хладнокровие, твердость и авторитет Феодоры. Она молча слушала растерявшихся сановников, не видевших, кроме бегства императора, другого выхода из тяжелого положения. Воз-

мущенная трусостью мужа и нерешительностью властей, она вскакивает с места.

— Если действительно, — восклицает Феодора, — наше спасение заключается в бегстве, я и тогда не соглашусь на него!.. Мы все, с первого дня рождения, обречены на смерть, но те, которым суждено носить корону, не должны пережить ее потерю!.. Я молю Бога только о том, чтобы меня никогда не видели без пурпура... когда меня перестанут приветствовать именем императрицы, пусть свет погаснет в моих глазах!.. Беги, самодержец, — обращается она к Юстиниану, — корабль готов, море свободно, но бойся, чтобы это бегство, в котором ты ищешь спасения, не превратилось в изгнание, а жизнь, которой ты дорожишь, не окончилась бы позорной смертью! Мне же императорский пурпур нравится больше холщового савана!..

Мужественное красноречие Феодоры воодушевляет окружающих, воспламеняет их сердца. Велизарий снова ощущает в себе гений полководца. Бунтовщики заняли ипподром, где решают судьбу императорской четы. Велизарий со своими войсками окружает их, часть воинов занимает выходы, другая по приставным лестницам взбирается наверх и оттуда осыпает бунтовщиков камнями и стрелами. Толпа ищет спасения и бежит к выходам, но гибель ждет их и здесь. Бунтовщики попали в ловушку и в безумном страхе мечутся по арене, давя друг друга, пока груды их тел не завалили всех выходов; тогда солдаты спускаются на арену и мечами доканчивают раненых. Кровь льется рекою. Опьяненные ею воины не дают пощады никому, и бойня продолжается почти до утра. В течение следующих нескольких дней похоронили более 30 000 трупов; из присутствовавших на ипподроме ни один не ушел. Спокойствие в столице было восстановлено.

Таким образом, благодаря самообладанию Феодоры возмущение партии «Победа» не имело дурных последствий для империи, увеличив могущество бывшей акробатки. Юстиниан не скрывал, что во всех делах он всегда советуется с Феодорой, а в манифестах величал ее не иначе, как «благочестивейшей супругой, ниспосланной Нам Господом Богом».

Императрица охотно вмешивалась в супружеские дела, стараясь уладить недоразумения, любила устраивать браки, но, мало снисходительная к мужчинам, как бы памятуя все зло, которое они ей когда-то причинили,

питала сострадание, жалость, даже слабость к женщинам.

Испытав все ужасы жизни куртизанки, Феодора заставила Юстиниана издать множество законов в пользу женщин: о разводе, об усыновлении незаконнорожденных, о наказаниях за похищение монахинь, о надзоре за своднями, об освобождении комедианток от рабства, о разрешении обольщенным девушкам требовать законного брака или получения четвертой части из имущества обольстителя, о восстановлении женщин в правах наследства и многие другие. Она не остановилась перед громадными расходами, чтобы отстроить столицу, уничтоженную мятежом и поджогами, возводила крепости, строила церкви, одну из них — св. Пантелеймона — на месте прежнего жилища ткачихи холста, приюты, ясли, больницы и знаменитый босфорский монастырь для раскаявшихся грешниц. Иногда сострадание Феодоры граничило с тиранией. Рассказывают, что несколько проституток, заключенных по приказанию императрицы в ее монастырь, впали в такое отчаяние, что бросились в море.

Феодора вела всю дипломатическую корреспонденцию с иностранными владыками, оказывала [illegible] влияние на политику, объявляя войны и заключая мир. Это она уговорила Юстиниана начать кампанию против готтов и вандалов, прославившую царствование Юстиниана и храбрость его войск, присоединив к империи все территории, когда-то принадлежавшие Риму.

Эта женщина не терпела противоречий. Приск Пафлагонийский, личный секретарь императора, пользовавшийся его полным доверием, позволил себе относиться к августейшей Феодоре только как к супруге Юстиниана; тогда она приказала ночью схватить чересчур заносчивого служаку, отправить его в Африку и там постричь, что и было исполнено. Юстиниан, не имевший мужества в чем-нибудь обвинять жену, сделал вид, что ничего не знает о совершенном ею насилии, и вскоре забыл своего секретаря. С другим своим врагом Феодора поступила не менее жестоко. Она ненавидела Иоанна, позднее префекта Каппадокийского, но с ним нельзя было поступить так, как с Приском, тем более что на этот раз Юстиниан не хотел слушать ни жалоб, ни клеветы на него. Но Феодора решила добиться своего. Она подговорила Антонину, жену Велизария, тайно увидеться с Иоанном, уверить его в готовящемся возмущении против Юстиниана, к которому уже будто бы примкну-

ли войска, сенат и народ, и постараться переманить его на их сторону. Сказано — сделано. В назначенный час Юстиниан, уверенный, что Иоанн не поддастся никаким искушениям, по совету супруги послал одного из друзей подслушать разговор о мнимом заговоре. К его глубокому огорчению, тот поверил Антонине. Разгневанный император тотчас же лишил префекта должности, конфисковал все его имущество в пользу казны и изгнал в Африку, где несчастный вскоре умер в глубокой нищете.

Помимо этого, Феодора оказывала огромное давление даже на религию. Будучи сторонницей учения последователей Иакова Барадея, основавшего секту «иаковитов» или «монофизитов», признававшего в Иисусе Христе только одно естество, и сознавая необходимость объединения еретического Египта и Сирии, державшихся сепаратно, она старалась повлиять на ортодокса Юстиниана, с самого начала царствования прекратив преследование сектантов (533). Она долго поддерживала их, ободряя после изгнания (535), и добилась в 543 году восстановления «монофизитов» в прежних правах. Католическая церковь никогда не простила ей этих забот о еретиках и старалась запятнать блестящее имя Феодоры массой скандальных легенд. Она покровительствовала экс-патриарху Антиоху Севэру, посадила на патриарший престол Византии Антима, свергла в 537 году папу св. Сильвестра, сосланного и умершего голодной смертью, настояв, чтобы наместником св. Петра в Риме избрали Вигилия, готового подчиняться императрице.

Захворав заразной болезнью, Феодора тщетно искала исцеления на теплых водах в Вифинии и, процарствовав 21 год, умерла в страшных мучениях в июне 548 года.

Феодора была честолюбива, жадна к богатству и власти, мстительна, благодаря наветам дурной наперсницы Антонины и слишком рабской любви мужа, не имевшего силы противостоять ее желаниям; она пренебрегала честными людьми, бескорыстно предлагавшими ей свои услуги, и одобряла подлости; ее поведение оставляет желать многого, но, несмотря на все это, она была в большей степени главой государства, чем император, лучше понимая политику, необходимую империи. После смерти этой замечательной женщины Византия в руках стареющего Юстиниана быстро пошла к упадку.

СРЕДНИЕ ВЕКА

Папесса Иоанна

Иоанна д'Арк

Лже-Иоанна д'Арк

Лукреция Борджия

Форнарина

Вступление

Эпоха средних веков, эта «великая преобразовательница», ознаменованная открытиями компаса, пороха, книгопечатания и Америки, заслуживает особенного внимания, так как, являясь связующим звеном древнего мира с новым, она породила колоссальные события, имевшие огромное значение для последующих столетий, в которых женская самостоятельность проявилась с особенной силой.

Язычество, долго боровшееся с христианством и, наконец, уступившее ему, втайне все еще привлекало порочным обаянием тех, кто не сумел понять и оценить великой искупительной жертвы Спасителя. Гонения, рассчитанные на окончательное уничтожение христиан, благодаря ореолу мученичества только увеличили число их последователей. На этой почве на Востоке возник ислам, с одной стороны, как будто примкнувший к христианству, с другой — явно тяготевший к язычеству; почти то же самое наблюдалось и на Западе, которому после стольких веков культа чувственности было очень трудно воспринять духовную чистоту новой религии и отречься от прежних упоительных заблуждений. К тому же схоласты и фанатики христианства чересчур уж усердно принялись проповедовать Евангелие, трактуя его совершенно произвольно, что повлекло за собой основание всевозможных сект и толков, еще более затемнявших величайшие заветы Спасителя. Светская и духовная власть римских пап, умалявшая значение королевской, опутала коварной сетью весь мир, не зная пределов своему могуществу, и создала инквизицию «во славу истинного Бога», терзавшую еретиков, мало в чем уступая жестокому Нерону, добивавшемуся теми же средствами противоположных результатов. Запылали костры, заработали секиры, появились пытки, от кото-

рых древние язычники отвернулись бы с отвращением; пораженный мир стонал, будучи не в силах прекратить возмутительный произвол, а новая религия, не находя достаточно твердой опоры, проявляла колебания.

Женщина и здесь явилась главным орудием распространения и поддержания христианства, снявшего с нее иго проклятия и рабства, сделавшего ее подругой мужа, вместе с ним разделявшей загробную жизнь. Несомненно, это был большой шаг вперед. «Мужчина и женщина, — пишет Климент Александрийский, — как существа человеческие, совершенно равны между собою». Таким образом, в женщине признали человека, но, как бы испугавшись этого, постарались тотчас же, насколько было возможно, ограничить ее права, ссылаясь на учения отцов церкви: «Муж — глава жены», «Жена да убоится своего мужа», — иными словами, ее снова подчинили мужчине.

Наступивший период феодализма, следуя достойному примеру пап, по-своему воспользовался предоставленной ему властью. Феодальные бароны старались все прибрать к своим рукам под видом забот о народе, из которого сосали кровь. Каждый феодал являлся независимым владыкой своих владений и семьи — кулачное право твердо поддерживало его произвол, — и положение женщины в подобных условиях вряд ли могло быть особенно завидным. Она производит детей, но не всегда ей поручаются заботы об их воспитании; у германских народов еще долго сохранялся старинный обычай, разрешавший бездетному мужу приглашать к своей жене соседа, способного дать ему потомство. Феодализм снова уничтожил свободный брак, превратив его в орудие политических и фамильных интересов. Дочь была обязана безропотно выходить за того, кого отец назначал ей в мужья; очень часто дети обручались отцами еще в колыбелях, а иногда даже до появления на свет. С вассалами и в особенности с подвластными крестьянами поступали еще хуже, пользуясь возмутительным «правом первой ночи». Только что обвенчанная должна была явиться к господину и в благодарность за разрешение вступить в брак отдать ему свою невинность. Впрочем, этот гнусный обычай вследствие возмущения женщин вскоре был заменен внесением денежного выкупа, иной раз разорявшего крестьян.

Вступая в дом мужа, жена принимала на себя множество самых разнообразных обязанностей, тогда как

муж занимался исключительно распутством. Многие бароны не только меняли жен, но по примеру пап содержали настоящие гаремы, в то же время требуя от жен безусловной верности, от дочерей — сохранения целомудрия. Чтобы угодить своему тирану, жена должна была постоянно льстить и исполнять все его желания и даже капризы. Миннезингер Реймар фон Цветен рекомендует мужьям для внушения к себе уважения «взять дубинку и вытянуть жену по спине, да посильнее, изо всей силы, чтобы она чувствовала своего господина и не злилась». Но, очевидно, подобные решительные меры не достигали желаемых результатов. Во французском кодексе приличий того времени, озаглавленном «Дамская добродетель», женам давались советы: «Меньше говорить и смеяться, не целоваться с посторонними мужчинами, не позволять им совать рук за корсаж, скромно одеваться, тщательно прикрывая руки, ноги, грудь», и проч., а девушкам — «не заглядываться на мужчин, оставаться глухими к признаниям в любви и краснеть при каждой шутке». Появление подобных «учебников нравственности» заставляет предполагать, что семейные дела феодалов обстояли не вполне благополучно. Но зато как же карали мужья и отцы преступивших созданные ими законы! Исходя из правила, что «баронский герб не должен иметь ни малейшего пятнышка», было вполне достаточно ничтожного подозрения, клеветы, ложного доноса отвергнутого поклонника, чтобы семейный совет произнес над обвиняемым приговор, который мог, по понятиям того времени, немедленно вернуть прежний блеск запятнанному гербу: замужнюю женщину удушали или закалывали на ее же собственной постели, девушку постригали или отравляли. Вооруженная рука наемного убийцы всюду настигала легкомысленных донжуанов; многие кардиналы, да и сам папа нередко помогали мести своих близких. Трогательная история Элоизы и Абеляра — красноречивейшее доказательство феодального произвола.

Развращенное до мозга костей средневековое духовенство всецело одобряло действия феодалов, получая от них поддержку своих принципов, и для вящего внушения католицизма распространяло суеверия вроде того, что вселенная разделена на две равные половины между истинным Богом и сатаной, находящимися в постоянной вражде, в силу чего мифологические божества были превращены в дьявольские отродья и, при шат-

кости веры, являлись грозными властелинами, шутить с которыми не приходилось. Таким образом, само духовенство подготовило почву для развития демонологии. Крестовые походы, начатые впервые в 1094 году Петром Амьенским с целью истребления или насильственного обращения «заблудших овец» в лоно истинной церкви, превратившие гуманнейшие доктрины Христа в ужасный кровавый кошмар, признавались делом «врага рода человеческого». Повсюду распространялись рассказы о дьявольких наваждениях и необыкновенных знамениях, не предвещавших ничего хорошего. Измученное и запуганное воображение ожидало появления антихриста и конца света; красивые легенды мифологии сменились уродливыми суевериями, породив мистицизм и страсть к тайным наукам: алхимии, астрологии и магии, в которых опять-таки с помощью женщин отыскивали откровений. Наивные люди были убеждены, что, вступив с дьяволом в союз, можно получить все, чего пожелаешь, и ссылались на знаменитого доктора Фауста, вернувшего себе молодость именно таким способом. Черту приписывалось решительно все: внезапное богатство соседа, чары женской красоты, исчезновение взрослых и детей.

Конечно, самым покорным орудием и вернейшим союзником нечистой силы оказались женщины, упорнее мужчин придерживавшиеся языческих обрядов, знавшие искусство лечения болезней целебными травами, наговорами и заклинаниями. И вот появились ведьмы, колдуньи, чародейки и ворожеи, которых папа Григорий XI приказал сжигать, чем официально признал их существование и значение. Так католицизм душил, отвергал и порабощал женщину. Не в силах освободиться от тирании мужа и не находя спасения в церкви, она нередко прибегала к самоубийству или при помощи услужливой ворожеи отравляла супруга.

Подобное положение не могло долго продолжаться. Угнетаемые женщины воззвали к благородному рыцарству, и голос их был услышан. Знаменитые рыцари смело решались на самые отважные подвиги, окрыленные единственной мыслью освободить женщин от тирании. «Даме и девушке, — гласит одна из рыцарских поэм, — никогда нельзя отказать в совете или помощи. Женщин дóлжно уважать и всеми силами отстаивать их права». Культ поклонения прекрасному полу воскресал и снова находил горячих приверженцев. Бескорыстная рыцар-

ская любовь подняла женщину. В рыцарстве она нашла вознаграждение за все пережитые страдания. Будучи рабыней у мужа, она стала царицей для поклонников, которые окружали ее, точно свита верноподданных всех возрастов, от безусого пажа до поседевшего в боях воина, которым в награду она дарила вполне чистую, платоническую, идеальную любовь. В честь красавиц слагаются мадригалы, распеваются серенады, за них бьются на турнирах, с их именем на устах вступают в сражения. Очаровательные дамы пользуются всевозможными средствами, чтобы увлечь вздыхателей, и одна перед другой стараются вызвать их на необыкновенные подвиги. Мало-помалу появились так называемые «суды любви», где разрешались возникшие между влюбленными недоразумения и обсуждались, например, такие вопросы: «Может ли существовать истинная любовь между мужем и женой?» — «Какая дама более любима: присутствующая или отсутствующая?» — «Что больше побуждает любить: глаза или сердце?» — «Кто достойнее любви: дающий щедро или желающий прослыть таковым?» — «Смотря нежно на одного, пожимая руку другому, подталкивая ногой третьего, кому из поклонников дама выказала наибольшее расположение?» Решение подобных вопросов основывалось на «Кодексе любви», утверждавшем: «Женщине или мужчине не запрещается быть любимыми многими». — «Любовь ни в чем не должна отказывать любви». — «Брак не может служить законным отвержением любви». — «Любящий искренно постоянно видит перед собой образ возлюбленной» и т. д.

Все поклонники прекрасного пола, даже набожные немецкие мейстерзингеры, откровенно признавались, что «скорее готовы отказаться от райского блаженства, чем от удовольствий любви». Женщина, которую католицизм считал «источником греха», у трубадуров превратилась в «венец созданья». Вот как воспевал девиц знаменитый немецкий мейстерзингер Вальтер фон дер Фогельвейде:

Девы милые, сердце влекущие,
Красотой непорочной цветущие, —
От земли и до солнышка ясного.
В мире нет ничего столь прекрасного.
И лилеи, и розы душистые,
И пернатых певцов серебристые

Песни мы забываем в смущении
При одном только вашем явлении.
Голос ваш нам милей соловьиного.
И от вашего взора единого
Забывается горе глубокое.
И печальная жизнь одинокая
Лучезарней, светлее покажется,
Если слово любви вами скажется,
Коль сверкнут ваши очи лазурные
И уста улыбнутся пурпурные!

Другой поэт, швейцарец Христиан фон Гамле, выражает свое восхищение красотою девушек таким образом:

Воздайте же должное образу чистому,
Челу молодому лилейно-лучистому,
Рубиновым нежным устам
И алым, как розы, щекам.
Вид милых созданий с их чудными взорами
Нас все заставляет забыть,
И нет тех восторженных песен, которыми
Мы их не готовы почтить;
Но все же того, что я думаю, чувствую,
И самой хвалою стоустою
Не выразить людям вполне:
Того, как прекрасны оне! *

Несомненно, подобные фимиамы, воскуриваемые в честь прекрасного пола, должны были вскружить ему голову, и дамы, решив, что в браке нет и не может быть любви, что муж не имеет права любить свою жену, тогда как она вольна любить кого ей угодно, что любовь выше всех радостей, отдались новой головокружительной философии. Очутившись на скользком любовном пути, они прямехонько покатились к разврату. Все общественные увеселения, доселе носившие строго нравственный отпечаток, получили характер оргий; религиозные пляски и пение заменились в высшей степени разнузданными светскими танцами и скабрезными куплетами. По свидетельству современных писателей, сводничество стало самым доходным и распространенным ремеслом; ни одна девушка не выходила замуж невинной; женские монастыри уподоблялись храмам Афроди-

* Оба стихотворения — в переводе Д. Минаева.

ты; королевские дворцы, наполненные «титулованными куртизанками», «сановными прелюбодеями» и «вельможными сводниками», стали развращеннее любого публичного дома; брак и семья, несмотря на все старания феодалов, а может быть, именно вследствие их, мало-помалу распадались: Боккаччо в «Декамероне» дает нам яркую картину нравов эпохи. Его девушки, несомненно, списанные с натуры, совсем недвусмысленно выражают свои желания, нимало не смущаясь присутствием мужчин:

О, милый, в первый раз блаженство давший мне,
Какое не было испытано другою,
...о, сжалься надо мною,
...соделай, чтоб в огне,
Что жег меня в те дни, когда была с тобою,
Опять горела я...
Но если вновь тебя привлечь мне суждено, —
Надеюсь, что теперь я буду не такая,
Как прежде глупая: уйти тебе не дам,
Не выпущу. Уж будь что будет, — все равно:
Желание свое осуществить должна я,
Прильнув к твоим чарующим устам...
Об остальном пока молчу, — узнаешь там... *

Подобная откровенность не оставляла сомнений в том, что следовало за нею. Безнравственность, граничившую с аттическими вакханалиями, если только не хуже, ничто не могло уменьшить: ни многолетние войны, ни эпидемии. Она господствовала повсюду. У Пушкина в «Пире во время чумы» превосходно передано настроение и взгляды средневекового общества:

Царица грозная чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой,
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой...
Что делать нам и чем помочь?..
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие чумы!..

* Перевод П. И. Вейнберга.

Нас не смутит твое признанье!
Бокалы поним дружно мы,
И девы-розы пьем дыханье —
Быть может — полное чумы!..

Этим ужасам разврата немало способствовало и духовенство, торговавшее индульгенциями, то есть заочными отпущениями прошедших, настоящих и будущих грехов, сообразно плате, поэтому бедняку приходилось грешить с оглядкой, тогда как богачу, не жалевшему «презренного металла», разрешалось творить мерзости с утра до ночи и все-таки считаться безгрешным наравне с самим «непогрешимым» папой. Продажа индульгенций, искажение христианского учения и поголовный разврат вызвали, наконец, энергичную отповедь сурового Савонаролы (1452—1498), что мало помогло делу и окончилось сожжением смельчака, дерзнувшего коснуться того, что было угодно римским первосвященникам и власть имущим. Заря Реформации, обновившей мир, только занималась...

Папесса Иоанна

Всемирная история, а в особенности средние века, изобилует загадочными личностями, фактическое существование которых одними авторитетами признается безусловно, другими, несмотря на массу всевозможных письменных документов, категорически отрицается, как нечто химерическое, легендарное. Между тем отрицание существования таких лиц крайне несправедливо, так как следы их жизни и деятельности отразились на многом, получающем смысл и значение только в связи с ними. Подобной загадкой является женщина, по преданиям, занимавшая папский престол под именем Иоанна VIII с середины 855 до конца 857 года.

Большинство ученых, разумеется, немецких, обладающих изумительной способностью развенчивать сво-

их вчерашних героев, отказываются верить в этот поистине странный факт, называя его басней, будто бы сфабрикованной антипапистами в XIII веке с намерением поколебать престиж римских первосвященников, в ту эпоху с особенной рельефностью проявивших свою развращенность и полнейшее презрение ко всему, что особенно чтилось и уважалось народом.

В самом деле, деспотическое господство пап, раздававших и отбиравших, по собственному усмотрению, короны и престолы, объявлявших кровопролитные войны и заключавших миры, в сущности говоря, является олицетворением самого возмутительного произвола, насилия и глубочайшего разврата. История, вернее, скандальная хроника папства — по крайней мере до XVI столетия — полна таких ужасов, перед которыми бледнеют преступления самых знаменитых воров, грабителей, убийц и кровосмесителей. Головокружительный успех возвышения и достижения неограниченной власти способствовал тому, что «непогрешимые» превзошли безнравственностью когда-то всесильных римских цезарей, и священный престол в течение более полувека (904—964) обратился в игрушку или орудие куртизанок из знатных фамилий, возводивших на него своих фаворитов, незаконных сыновей и любовников прямо с позорного ложа. Так, например, Феодора, римлянка, жена сенатора Константина, одновременно находившаяся в связи с маркграфом тосканским Адальбертом и епископом равеннским Петром, возвела последнего на папский престол под именем Иоанна X. Иоанн XI, до избрания Октавиан, был незаконным сыном дочери Феодоры — Мароции, любовницы папы Сергия III. Дочь Мароции, Феодора, любовница Иоанна XI, прижила со своим собственным сыном Альберихом ребенка, названного также Октавианом, впоследствии превратившегося в Иоанна XII, который всецело находился в руках вдовы Иоанны Райнери и ее родной тетки Стефании. Этими женщинами, обладавшими большим умом и характером, честолюбивыми, сладострастными, хитрыми, умевшими царствовать, не занимая трон, красивыми и обольстительными, далеко не исчерпывается перечень папских куртизанок, имена которых не сохранились в потомстве, но достаточно и этих, чтобы составить ясное понятие о том, что творилось при папских дворах и как сами папы относились к своим обязанностям, будучи «наместниками св. Петра».

В те далекие от нас времена главы католической церкви, происходя из низкого звания (Григорий VII — сын плотника, Адриан VI — ткача, Урбан IV — сапожника, а Адриан IV — нищего), не отличались ученостью, зачастую не умея подписать даже собственного имени (Целестин V). Конклав при избрании пап преследовал цели, не имевшие, по-видимому, ничего общего со святым престолом, да и сами выборы носили характер торговли, иначе Григорию VI, купившему папство от Бенедикта IX и Сильвестра III, никогда бы не пришлось носить тиару. Все эти папы, подобно истинным героям сераля, почти всегда умирали неестественной смертью, что хорошо рисует нравы эпохи, когда ничего не стеснялись, исходя из правила: цель оправдывает средства.

Остальное католическое духовенство, включая и монашество, старалось не отстать от «непогрешимых», живя по пословице: каков поп, таков и приход. По свидетельству одного современника, духовные лица «проводят дни в питейных домах, являясь на богослужения, еще не проспавшись после вчерашней попойки, и оскверняют рвотою Тело и Кровь божественного Агнца». Немногие из них знали наизусть «Символ Веры». В жалобе, поданной римлянами императору Оттону I, читаем, что «женщины боятся посещать храм св. Апостолов, зная, скольких девиц, жен и вдов обесчестил там папа Иоанн XII», а позднее Бенедикт VIII публично в соборе укорял служителей церкви, что «они бросаются на женщин, как жеребцы на кобыл».

Слов нет, подобное положение вещей давало обильную пищу для всевозможных догадок, сплетен и фантазий, распространению сказок и небылиц, к каким причисляется и занятие папского престола женщиной, чаще всего именуемой «папессой Иоанной», — с чем, однако, позволительно и не соглашаться, и вот почему: все отрицания существования папессы основаны главным образом на официальных документах папских архивов, доверять которым, зная склонность глав католической церкви, не стеснявшихся при надобности называть черное белым и наоборот, весьма сложно... В данном случае особенная настойчивость, с которой папы и их присные стараются убедить всех, что папесса Иоанна не больше как фантазия, кажется несколько подозрительной. Зачем, в самом деле, так упорно отрицать существование того, что в действительности вовсе и не существовало? Но, как увидим ниже, все это проделывалось не

без причин, очень беспокоивших «непогрешимых», грозя падением их могущества. Дыма без огня не бывает. Попробуем немного разобраться в этом.

13 сентября 1276 года — время, когда о папессе заговорили повсюду, — по смерти Адриана V конклав избрал папой тускулумского епископа Пьера-Жюльена, принявшего имя Иоанна XXI, а не XX, как ожидали и как полагалось по хронологии. Почему? Последним его соименником был Иоанн XIX, умерший 8 ноября 1033 г., а Иоанн XX в списке пап вовсе не значится, в силу того, что, по одним сведениям, он тотчас по избрании был свержен своими противниками, по другим — считается антипапой и, наконец, по третьим — признается легендарным. Чему верить — неизвестно, но последнее предположение кажется правдоподобнее, хотя бы потому, что первые два исходят непосредственно от пап, употреблявших все усилия для затемнения истины, заключавшейся именно в том, что Пьер-Жюльен — очевидно, не без оснований — в число предшествовавших ему Иоаннов включил и папессу. Однако в хронологии пап, спустя 17 лет после Иоанна VIII, т. е. папессы, если верить в ее существование, встречается второй Иоанн VIII, избранный 14 декабря 872 года и умерший 15 декабря 882 года. Как объяснить эту странность? Некоторые объясняют ее таким образом: занятие папского престола женщиной явилось неслыханным скандалом для католичества, всячески пытавшегося убедить народ в легендарности подобного факта, поэтому конклав и предложил новоизбранному папе именоваться Иоанном VIII, а не IX. Дальнейшим аргументом, выставляемым защитниками папства, является такое сопоставление: каким образом папесса, избранная по смерти Льва IV, последовавшей 17 июня 855 года, могла стоять во главе католической церкви в течение двух лет, пяти месяцев и четырех дней, когда по хронологии вслед за Львом IV тотчас же идет Бенедикт III, скончавшийся 10 марта 858 года, и, следовательно, времени между этими событиями остается всего два года, восемь месяцев и двадцать три дня? Очень просто. По тем же самым причинам, по которым Иоанн, по-настоящему IX, считался VIII. Бенедикту III уже впоследствии отвели более продолжительное для царствования время, хотя в действительности он занимал папский престол всего три месяца, две недели и четыре дня. Мы знаем пап, царствовавших и того менее (Лев V — 40 дней, Лев XI —

27, Марцеллий II — 22, Урбан VII — 15 и, наконец, Стефан II — всего 4 дня).

Если отрицать существование папессы, то чем в таком случае объяснить факт полового осмотра пап, которому в течение шести с половиной веков (857—1520), начиная именно с Бенедикта III вплоть до Льва X, подвергались «наместники св. Петра», для каковой цели было введено так называемое «Sello Stercoraria» — кресло с отверстием в сиденье? Только после того, как дьякон громогласно удостоверял пол избираемого, конклав санкционировал его в звании «непогрешимого». Когда в начале XVI столетия Лев X отменил эти осмотры, так как обилие любовниц и незаконнорожденных детей достаточно свидетельствовало о том, что кардиналы принадлежат к сильному, а не к прекрасному полу, римские остроумцы пустили в ход такую эпиграмму:

Ключи от райских врат вручались лишь тому,
Чей — по осмотре — пол не возбуждал сомнений.
Но нынче не слыхать об этом, почему?
Да потому, что все самцы вне подозрений.

Но и помимо этого кресла, существование папессы подтверждается многими данными, о которых скажем в своем месте, а теперь перейдем к ее биографии. Ввиду отсутствия какого бы то ни было официального материала, кроме фальшивых документов папских архивов, приходится обращаться к отрывочным сведениям частных лиц, чтобы составить приблизительно верное жизнеописание той, кого католичество считает мифом.

В начале IX века Карл Великий, завоевавший Саксонию, пожелал обратить своих новых подданных в христианство и ради этой цели просил прислать ему из Англии ученых миссионеров. В числе нескольких профессоров теологии, перекочевавших в Германию для проповеднической деятельности, находился один, сопровождаемый молодою девушкой, которую он похитил из родительского дома, чтобы скрыть ее беременность. По дороге любовникам пришлось остановиться в Майнце, где молодая англичанка родила девочку, названную Агнессой, прославившуюся впоследствии под именем «папессы Иоанны». Дав жизнь ребенку, мать вскоре умерла, и Агнесса осталась на руках отца.

Все свое детство она провела в постоянных путешествиях с отцом, старавшимся обратить в лоно истинной церкви еретиков, не всегда дружелюбно относившихся

к смелому миссионеру, стоически переносившему неудачи и даже побои, пронизанному сознанием святости принятых на себя обязанностей. Во время одной из таких экскурсий ему пробили камнем голову, в другой раз, спасаясь от преследований «заблудших овец», он сломал правую руку и вследствие этих несчастий лишился возможности продолжать проповедничество, вместе с тем потеряв и средства к существованию. Восьмилетняя Агнесса, обладавшая феноменальной памятью, превосходно помнила все проповеди своего отца и, не задумываясь, безошибочно приводила наизусть священные тексты. Необыкновенные способности дочери подали миссионеру идею воспользоваться ими, как говорится, «ради хлеба насущного», и он, занявшись более тщательно ее образованием, вскоре достиг блестящих результатов. Тогда вместе с дочерью он снова стал путешествовать по белу свету. И вот на постоялых дворах или в тавернах, где можно было найти несколько слушателей, Агнесса, стоя на столе, заменявшем ей кафедру, произносила проповеди, приуроченные к данному моменту. Ее недюжинное красноречие возбуждало искренние восторги аудитории, и вскоре о чуде-ребенке заговорили повсюду. Народ толпами сбегался послушать Агнессу, а когда по окончании ее проповеди отец-калека обходил присутствующих, они охотно бросали в его шляпу мелкие монеты.

Таким образом, кое-как перебиваясь, миссионер и Агнесса провели несколько лет. Девушка выросла, похорошела и собирала толпу не столько уже своими проповедями, сколько красотой, воспламеняя все сердца. Пока был жив отец, ухаживания молодых и старых ловеласов мало беспокоили Агнессу, но когда в 14 лет она осиротела, все изменилось. Миссионер скончался во время одного из путешествий, завещав похоронить себя в том городе, где родилась Агнесса. Это было сопряжено с огромными трудностями и расходами, но девушка, желавшая во что бы то ни стало исполнить последнюю волю отца, с грехом пополам наняла двух крестьян, взявшихся доставить гроб с дорогими для Агнессы останками на ее родину. Путь предстоял неблизкий. На ночевках крестьяне, очарованные красотою одинокой девушки, не имевшей защитника, довольно бесцеремонно покушались на ее целомудрие, что заставило Агнессу после похорон отца серьезно задуматься над своим положением. Убеждаясь с каждым днем,

что ее красота является предметом страстных желаний мужчин, расставлявших всевозможные ловушки, девушка, чтобы избежать опасности, решается обрезать свои волосы и переменить костюм — свершив, по тогдашним понятиям, страшное преступление, влекущее за собой суровую кару, — и, как истинная дочь миссионера, готовая на все, в мужской одежде отправляется блуждать по свету в надежде отыскать где-нибудь подходящее для себя место.

После многих мытарств мужественная девушка, очутившись в бенедиктинском монастыре на Фульде, где монахи занимались разборкой старинных манускриптов и исправлением текстов под руководством ученого аббата, знаменитого Рабана Мауруса, предложила свои услуги и поступила послушником под именем Иоанна Ланглуа в тихую обитель. Она с жаром принялась за работу, поразив всех своими познаниями, редкими даже в юноше, за какого она себя выдавала.

Агнессе было уже 16 лет, когда в ней впервые вспыхнула любовь к молодому монаху, работавшему рядом с ней. Но серьезно увлеченный занятиями, схоласт почти не обращал внимания на уловки Агнессы, подсказываемые ей чисто женским инстинктом. Но недаром говорится: уж если женщина захочет, так поставит на своем. Она начала с того, что откровенно рассказала ему всю свою жизнь, затем мало-помалу, оказывая услуги, постаралась сделаться необходимой. Дело пошло на лад. Постоянная близость красивой девушки, ее костюм и ложное имя, уничтожавшие все препятствия к частым свиданиям, ее пылкая страсть, тонкое кокетство и ласки в конце концов сломили упорство монаха, и влюбленные отдались греховному наслаждению, забыв об окружающем. Они почти не расстаются; в церкви, за трапезой, на прогулках их всегда видят вместе. Вскоре, однако, слишком нежная дружба молодых людей стала казаться монастырской братии крайне подозрительной, так как никому и в голову не приходило, что снискавший всеобщее расположение, только что молодой, хорошенький Иоанн Ланглуа — женщина. Подсмотрели ли любопытные монахи, или юные любовники, отдаваясь первым порывам своей молодой страсти, оказались недостаточно осторожными, но связь их открылась, как и инкогнито прекрасной Агнессы. Дела принимали дурной оборот. Обещая сохранить секрет, развращенная братия стала требовать от переодетой

девушки тех же ласк, какие она дарила своему любовнику, угрожая в противном случае раскрытием тайны, влекущей за собой пытки и костер. Не желая ни того, ни другого, юные любовники, выбрав подходящий момент, ночью бежали из обители, свидетельницы их первой страстной любви.

Чтобы спастись от преследований, молодые люди с большими затруднениями перебрались в Англию, единственное место, где святая инквизиция еще не свила себе прочного гнезда. Пробыв так несколько лет и надеясь, что духовные власти, потеряв надежду разыскать беглецов, успокоились, любовники рискнули вернуться в Европу. Во Франции Агнесса участвовала в публичных диспутах, вызвав восторг герцогини Септиманийской, св. Анскара, «апостола северных народов», ученого монаха Бертрама и аббата Лу де Ферьера, имена которых являются поручительством за достоверность описываемых событий. После достигнутого успеха Агнесса отправилась дальше вместе со своим любовником. Посетив многие страны, познакомившись с их обычаями и нравами, что впоследствии оказало огромную услугу папессе, принявшей бразды правления католической церковью, прекрасная Агнесса поселилась в Афинах, где блестяще окончила философскую школу и где похоронила своего возлюбленного, скончавшегося от какой-то заразной болезни.

После потери любовника ничто уже не удерживало Агнессу в Афинах. Диплом, полученный в философской школе, открывал девушке широкое поприще. Но куда ей отправиться, чтобы она могла воспользоваться плодами своего многолетнего всестороннего образования? Конечно, в Рим, бывший в то время центром умственной жизни всей Европы. Будучи хорошо осведомленной о том, что женщине, какими бы талантами и способностями она ни обладала, никогда не удастся выбиться из унизительного состояния, в которое ее поставили феодализм и католичество, и не намереваясь стать куртизанкой, прекрасная Агнесса решила по-прежнему выдавать себя за мужчину.

Итак, Агнесса прибыла в Рим. Она тотчас же завязала знакомства с представителями папского двора, сумела очаровать их своими научными познаниями в вопросах религии и благодаря этому вскоре получила место нотария при римской курии, должность столь же ответственную, сколь и почетную. Обязанности нотария

были весьма многочисленны и разнообразны. Он заведовал папским кабинетом, его финансами, поддержанием сношений с иностранными дворами, принятием прошений, подаваемых на имя «святейшего отца», и т. п., словом, ни одно распоряжение, ни одно решение папы не проходило мимо его рук. Основательное образование Агнессы, владевшей свободно несколькими языками, дар слова, умение схватывать на лету даже плохо высказанные мысли вскоре создали ей самую лестную репутацию среди папского двора, где далеко не все были грамотны. Папа Лев IV неоднократно выражал нотарию свое благоволение «за безукоризненное исполнение» того или другого поручения, иногда очень щекотливого. Агнесса с честью выходила из всяких затруднений, и ее способности ценились всеми очень высоко. Своими научными познаниями она поражала всех римских философов, положительно преклонявшихся перед нею, а ученые всего мира толпами стекались в «Вечный город», чтобы присутствовать на ее философских беседах и слушать ее богословские поучения, в которых она не имела соперников. Кардиналы, да и сам папа в один голос восхищались молодым нотарием, и прекрасная Агнесса стала чудом целого Рима.

Успех превзошел все даже самые смелые ожидания необыкновенной женщины, неожиданно развив в ней жажду честолюбия. Должность нотария начала казаться ей слишком ничтожной, и когда немного спустя Иоанна Ланглуа возвели в сан кардинала, взоры прекрасной Агнессы все чаще и чаще стали останавливаться на золотой папской тиаре. Ведь и невозможное иногда бывает возможным. Рассказывают, что перед смертью Лев IV прямо указал на Иоанна Ланглуа, как на единственного кардинала, достойного занять папский престол, и когда папа умер, конклав единогласно избрал Агнессу, как теологическое совершенство. Да разных мнений и быть не могло — достоинства новоизбранного «наместника св. Петра» слишком громко говорили сами за себя. Если верить легендам, избранию папессы предшествовали всевозможные знамения, не предвещавшие ничего хорошего. В Италии землетрясения разрушали города и селения; в Брессе шел кровавый дождь; во Франции саранча, появившаяся в необыкновенном количестве, уничтожила нивы, но, согнанная южным ветром в море, между Гавром и Кале, и затем выброшенная на берег, гнила, распространяя зловоние, породившее эпидемиче-

скую болезнь, уничтожившую большую часть населения; в Испании тело св. Винченцо, украденное кощунственным монахом, желавшим распродать его по частям, и увезенное в Валенсию, явилось ночью на паперти церкви в небольшом поселке близ Монтабана, громко умоляя о погребении на прежнем месте. Мало этого. Рассказывают, что в момент объявления народу имени новоизбранного папы в июне 855 года черные тучи внезапно заволокли ясное небо, разразившись над Римом страшным громовым ударом. Суеверные люди сочли это дурным предзнаменованием и со страхом смотрели на будущее царствование Иоанна VIII. Сама Агнесса разделяла это убеждение, видя в странных явлениях природы небесную угрозу себе, обманом получившей престол св. Петра. Как бы то ни было, но мечты дочери миссионера осуществились.

Царствование папессы, к сожалению, очень недолгое, является лучшей страницей папской хроники, чего никак не могли перенести последующие «непогрешимые», разрешавшие женщинам открыто заниматься проституцией, но не допускавшие и мысли, чтобы эти «исчадия ада» могли умом и познаниями стать выше их, не говоря уже о том, что избрание папой одной из «вместилищ греха» — до которых главы римской церкви были весьма падки — роняло их собственное достоинство. Правление Агнессы, чисто женское, мягкое и гуманное, обходившееся без жестоких пыток и казней, без участия страшного инквизиционного трибунала, дало возможность измученному народу вздохнуть свободно. Буллы папессы, уничтоженные после того, как открылся ее пол, направленные против грабежей и развращенности духовенства и в защиту народных прав, полны глубочайшего ума и справедливости. Мартин Франк, секретарь двух пап, Феликса V и Николая V, в своем стихотворении описывая папессу, отзывается о ее научных и религиозных трудах с большой похвалой. Немудрено, что народ, видя в Иоанне VIII нечто совершенно противоположное предшествующим папам, благоговел перед ним и старался доказывать ему свое уважение при каждом удобном случае. В конце 855 года Агнессе удалось уговорить немецкого императора Лотара I постричься, чтобы искупить преступления, совершенные за его продолжительное царствование, и передать престол своему сыну Людвигу II Юному, получившему корону из рук Агнессы.

Первое время царствования папессы прошло вполне благополучно. Но вот однажды молодой, красивый кардинал, капеллан латеранского дворца (местожительство пап до переезда в Авиньон) каким-то образом проник в тайну, так тщательно скрываемую Агнессой. Необходимо было во что бы то ни стало воспрепятствовать ему разболтать секрет, иначе папессе не удалось бы так же счастливо, как в первый раз, избегнуть огненных объятий костра. Что предпринять?.. Как спасти свою жизнь? Заключение капеллана в темницу не поможет беде. Чем можно заставить его молчать? Бедная женщина тщетно подыскивала средства. Наконец, плохо обдумав последствия — в подобном критическом положении трудно, конечно, и требовать особой рассудительности, — Агнесса решила прибегнуть к способу, когда-то соблазнившему целомудренного монаха. Будучи на самом деле еще далеко не старой, она постарается увлечь капеллана и этим купить его молчание, а тогда бояться нечего. Проект удался. Опасный кардинал, превратившись в любовника папессы, стал самым преданным ее союзником. На этот раз гроза рассеялась. Казалось, все шло как нельзя лучше. Иоанн VIII всюду появляется, служит в соборе, принимает паломников, восхищая всех простотой обхождения и приветливостью. Римский народ в восторге от своего папы, предсказывает ему долгие годы царствования на радость всех верных сынов католической церкви. Увы, предсказаниям его не суждено было оправдаться.

Судьба готовила Агнессе жестокий удар. Однажды привели бесноватого, умоляя святейшего папу исцелить его. В те времена подобные церемонии обставлялись чрезвычайно торжественно. Когда после свершения обрядов, Иоанн VIII, обратившись к бившемуся у его ног с пеной на губах несчастному человеку, спросил вселившегося в него беса, скоро ли он его оставит, послышался громкий ответ: «После того, как ты, отец отцов, покажешь духовенству и народу ребенка, рожденного папессой». Окружающие не поняли намека, но Агнесса затрепетала, едва не лишившись сознания.

Вскоре папесса с ужасом убедилась, что должна стать матерью. Она растерялась. Будущее рисовалось ей в самых мрачных красках. Теперь-то уж ей не спастись! Но любовник, более хладнокровный, сумел успокоить ее. Пусть Агнесса под предлогом какой-нибудь болезни скроется в Латеране до рождения ребенка, когда же это

совершится, он хорошо спрячет малютку, и ни один человек в мире ничего не узнает. Зачем отчаиваться раньше времени? Волей-неволей папессе пришлось согласиться с доводами любовника. Широкие складки сутаны скрывали слегка пополневшую фигуру папессы, которая рассчитывала на благополучный исход. К несчастью, в начале девятого месяца ее беременности, когда уже невозможно было показываться публично, в Риме возникли смуты, к которым прибавились эпидемические болезни, и народ потребовал, чтобы папа совершил крестный ход по городу для прекращения беспорядков, надеясь всенародным молебствием умилостивить Творца. Отказаться от этого было бы полнейшим безумием; согласиться, ожидая со дня на день разрешения от бремени, — идти на верную смерть. Под всевозможными предлогами, чтобы выиграть время, Агнесса несколько раз откладывала уже назначенную церемонию, но ропот народа наконец заставил ее покориться обстоятельствам.

20 ноября 857 года с утра стояла чудная погода, и жители Рима высыпали на улицы, чтобы принять участие в духовном торжестве. Когда шествие тронулось из Латерана, все обратили внимание на измученный вид папы, который шел, поддерживаемый кардиналами, едва передвигая ноги. Что «святой отец» перенес, как говорили, трудную болезнь, никто не сомневался. Несчастная женщина в тяжелом папском облачении и тиаре двигалась машинально, почти ничего не сознавая. Начинались предродовые боли, заставлявшие Агнессу плотнее стискивать зубы, чтобы не кричать. Она дрожала в лихорадке, вся обливаясь холодным потом. По мере того как торжественная процессия приближалась к Колизею, густые тучи стали заволакивать небо. Издали уже доносились громовые раскаты, предшествуемые яркими молниями. Медленное движение шествия, заунывные мелодии покаянных псалмов и перезванивание церковных колоколов придавали общей картине какой-то зловещий оттенок. Процессия дошла благополучно до улицы, находящейся между Колизеем и церковью св. Климента, когда внезапно поднялся страшный вихрь и над Римом раздался оглушительный удар грома, заставивший задрожать землю. Словом, повторилось то же, что в день избрания папессы, два с половиной года назад. Произошло смятение. Духовенство, участвовавшее в церемонии, в испуге бросилось в противоположную

сторону, унося с собой церковные реликвии, а народ сплошной стеной окружил папу. Послышались крики негодования, брань и чьи-то стоны, болезненно отозвавшиеся в толпе, а затем все сразу смолкло. По-видимому, случилось что-то необыкновенное. Когда толпа расступилась, ужасное зрелище предстало перед глазами изумленных римлян: Иоанн VIII, со страдальческими стонами распростертый на земле, бился в предсмертных судорогах, с пеной на губах, а рядом с ним лежал окровавленный трупик новорожденного ребенка.

Толпа в ужасе окаменела. Не подозревая истины, народ решил, что это «дьявольское наваждение», и, чтобы оградиться от него, осенял себя крестным знамением. Однако истина вскоре открылась, и если благочестивое католическое духовенство предательски отвернулось от женщины, поставившей его на должную высоту, народ отнесся великодушнее к той, которая снискала его расположение, занимая, быть может, и не по праву, папский престол. Все удивлялись и жалели Агнессу. Римляне зарыли ее вместе с ребенком на том самом месте, где она умерла, построили часовню, положили надгробную плиту с подобающей надписью и воздвигли статую, изображавшую Агнессу в длинном облачении, с папской тиарой на голове, с пальмовой ветвью — знак мира — в одной руке и ребенком на другой. Так римляне, в отличие от духовенства, старавшегося запятнать память папессы, отблагодарили женщину за все доброе, что она сделала для них за свое короткое царствование. Трогательное отношение народа, много веков передававшего друг другу рассказы о чудесной женщине-папе, создало ей ореол, который не в силах опорочить никакие «ученые» исследования.

Конечно, папские архивы отрицают существование папессы Иоанны, однако до сих пор не дают положительного ответа, достаточно мотивированного, почему, начиная с 857 года, торжественные духовные процессии избегали улицу, где трагически скончалась Агнесса. Что заставило, «непогрешимых» пап позже окончательно застроить эту улицу? Зачем понадобилось папе Сиксту V в конце XVI столетия уничтожить статую, воздвигнутую на могиле папессы, если, как старалось уверить католическое духовенство, она изображала какое-то языческое божество? И, наконец, куда девалась могильная плита? Римский народ, глубоко чтивший память Агнессы, никогда не позволил бы себе так недостойно посту-

пить с местом последнего успокоения несчастной женщины, ни в чем не виновной перед ним.

Время, в которое произошло это любопытное событие, слишком далеко и не позволяет фактически проверить все от начала до конца, да к тому же католическое духовенство в течение многих веков прилагало все усилия, чтобы уничтожить малейшее воспоминание о царствовании Иоанна VIII, и, надо отдать справедливость, почти достигло цели, заставив историков всего мира тщетно ломать головы над разрешением этой загадки, признаваемой некоторыми прямо-таки неразрешимой.

Но если даже согласиться с тем, что папессы никогда не существовало, легенда о ней, составленная очень ловко, является превосходным протестом народа против унижения и порабощения женщин, о чем особенно старались духовенство и его достойные сподвижники — феодалы. Молодая, красивая, умная, образованная, добрая и великодушная Агнесса, контраст чудовищам, занимавшим до и после нее папский престол, сумела доказать, что женщина может быть вполне равноправной с мужчиной, а именно этого-то и не хотели власть имущие.

Иоанна д'Арк

Простая крестьянка, известная под именем Орлеанской девы *, освободившая Францию от векового английского ига, жестоко осмеянная Вольтером, опоэтизированная Шиллером и, наконец, недавно канонизированная папой Пием X, представляет одно из самых любопытных явлений средневековой эпохи, богатой всевозможными неожиданностями и курьезами. Кто, например, мог ожидать — да еще в то время, когда женщин всячески старались принижать, — что 17-летней полуобра-

* Вероятно, чтобы пояснить следующую главу, автор поместил в этой книге жизнеописание подлинной Иоанны д'Арк. (Прим. ИПО «Автор»).

зованной девушке выпадет честь освободить родину от нашествия иноземцев и утвердить на французском престоле законного короля, который и сам-то вряд ли рассчитывал на это? Разве не курьезно, что двор и рыцарство, погрязшие в разврате, только с появлением девственницы нашли в себе достаточно сил для победы над внешними и внутренними врагами отчизны?

История Орлеанской девы является заключительным эпизодом 100-летней войны между Англией и Францией, возникшей по вопросу о папском престолонаследии, ставшем спорным с 1328 года, после смерти последнего Капетинга — Карла IV Красивого. Английские монархи, считавшие родство с покойным королем более близким, чем с Валуа, утвердившимися на французском престоле, решили с оружием в руках добиваться законных прав. В начале XV века война возобновилась с особенным ожесточением вследствие настойчивости английского короля Генриха V Ланкастерского, с одной стороны, и слабоумия французского монарха Карла VI Безумного — с другой. Смуты и раздоры ближайших к трону представителей знатных домов: брата короля, герцога Людовика Орлеанского, и его дяди, герцога Филиппа Бургундского, из-за управления государством разделили всю Францию на две враждебные партии. Этим воспользовалась прославившаяся развратной жизнью супруга Карла VI — Изабелла Баварская, поспешившая выдать свою младшую дочь, красавицу Екатерину, за Генриха V, передав ему по позорному договору в Труа 20 мая 1420 года, вместе с ее рукою, французский престол по смерти мужа и регентство во время его жизни. Таким образом, эта чудовищная мать отрекалась от сына, впоследствии короля Карла VII Победителя, объявив его лишенным престола, для чего вынудила подпись у своего слабоумного супруга. Погребение несчастного Карла VI в Сен-Деги 21 октября 1422 года походило на погребение отчизны. Генрих V фактически оказался властителем Франции, но, скончавшись в том же году, завещал французский престол своему 9-месячному сыну — Генриху VI, который и был перевезен в Париж. Только незначительная горсть приверженцев дома Валуа признала дофина королем. Но что могли сделать несколько десятков добрых французов против английских полчищ, наводнявших их родину, разрываемую, кроме того, междоусобными войнами? В течение семи лет англичане господствовали во Франции полновласт-

но. Карл VII потерял все земли на север от Луары, а в 1429 году город Орлеан, ключ к южной части государства, уже был готов пасть перед англо-бургундской силой, когда совершилось чудо, изменившее, по-видимому, роковой исход и остановившее победоносное шествие врагов. Крестьянская девушка пробудила национальные чувства французов и вдохновила их настолько, что они смогли дать неприятелю достойный отпор, отбросив его позднее за пределы родины. Эту героиню, спасительницу Франции, звали Иоанной д'Арк.

Она родилась в крещенскую ночь 1412 года, в деревушке Домреми, расположенной на границе Шампани и Лотарингии. Родители Иоанны, Жак и Изабелла д'Арк, зажиточные крестьяне, кроме нее, имели еще двух сыновей, Жана и Пьера, и двух дочерей, Марию и Екатерину. Юность этой девушки, пасшей отцовские стада, не представляет ничего замечательного. Как верная дочь католической церкви, она была суеверна, склонна к мистицизму, набожна и очень богомольна, частенько претерпевая от окружающих массу насмешек за свою крайнюю религиозность, временами доходившую до экзальтаций.

Политические распри, проникавшие и в лотарингские местечки, поселяли вражду между деревнями. Домреми стояла за орлеанистов, поддерживавших Карла VII, и нередко вступала в драки с соседями, сторонниками бургундцев. Крестьяне, конечно, не понимали смысла борьбы двух могущественнейших партий, но ясно сознавали вред междоусобий. Частые вторжения англо-бургундских шаек в Шампань и Лотарингию, опустошавших поля, уводивших скот, сжигавших и грабивших деревушки, раздражали крестьян. Семейству д'Арк много раз приходилось спасаться бегством от их насилий, что, конечно, уменьшало благосостояние честных тружеников.

Под влиянием печальных для Франции обстоятельств Иоанна, страдавшая за родину, проникнутая убеждением в святости королевской власти и ненавистью к чужеземцам, горячо молила Бога о спасении отчизны и короля. Действительно, только чудо могло положить конец всем этим ужасам. Но Господь еще не покинул Францию. Неизвестно откуда, сначала робко, а затем все настойчивее стали распространяться слухи, мало-помалу переходившие в уверенность, что Францию может спасти только девственница, так как развратные

вельможи, очевидно, были неспособны это сделать. В подобное предсказание более других поверили орлеанцы, храбро защищавшие под командой графа Дюнуа, сына Людовика Орлеанского, свой город, осажденный англо-бургундцами, которыми предводительствовал граф Салисбюри.

Наконец, слухи достигли и Домреми. С этих пор Иоанну начинают преследовать видения. Когда она молится в церкви, архангел Михаил, св. Маргарита и Екатерина, голоса которых слышатся ей, объявляют, что Господь Бог именно ее призывает на трудный подвиг. Пусть она бросит дом и родных и едет туда, куда зовет ее Предвечный. На основании всего виденного и слышанного в ее сознании ясно обозначились цель и подвиг: освободить Орлеан и короновать дофина в Реймсе. Она рассказывает о своих видениях отцу и братьям, но те относятся с полнейшим недоверием к галлюцинатке. Никто не пророк в своем отечестве! Иоанна с каждым днем все сильнее и сильнее проникается мыслью спасти родину. Ее видения не прекращаются, принимая более реальную окраску, и когда однажды дошедшей до экстаза девушке явилась Богоматерь, потребовавшая от нее того же, что и святые, Иоанна уже не сомневалась в своем высоком назначении.

Осмеянная отцом и братьями, она сообщила обо всем случившемся с нею дяде, Дюрану Лассуа, прося помочь дойти до дофина. Поверил ли дядя или только притворился уверовавшим в чудеса, однако он привел племянницу к Роберту Бодрикуру, коменданту замка Вокулер, которому Иоанна откровенно рассказала о миссии, возложенной на нее божественным Промыслом. Бодрикур счел ниже собственного достоинства вступать в сношения с какой-то полоумной крестьянкой, а тем более представлять ее ко двору, но все-таки счел долгом уведомить дофина о девушке, мечтающей спасти Францию.

Дофин, женатый уже на Марии Анжуйской и предавшийся в кругу своих немногочисленных придворных позорному бездействию, не предпринимая ровно ничего для освобождения страны, отнесся довольно скептически к слухам о девственнице, желавшей увенчать его королевской короной. Мало ли кому чего не приходит в голову. Но Агнесса Сорель, которую несправедливо обвиняют в дурном влиянии на дофина, отнеслась к делу иначе. Заняв место потерявшей расположение фаво-

ритки ла Тремуйль, 19-летняя красавица поняла, что необходим лишь ничтожный толчок для воодушевления народа, и, как утопающий за соломинку, схватилась за чудную девушку, быть может, в душе и не доверяя ее божественному призванию. Видя упорство Карла VII, не желавшего даже и слышать о девственнице, Агнесса стала проситься в Англию, мотивируя свою просьбу предсказанием какого-то астролога, что будто бы «она долгое время будет властвовать над сердцем великого короля».

— Этот король, — прибавила фаворитка, — несомненно Генрих VII...

Хитрость удалась вполне. Дофин, безумно влюбленный в Агнессу, не мог допустить и мысли о разлуке с нею. Он сам будет великим королем, он жаждет быть им и приказывает представить себе Иоанну д'Арк. Ради любви Агнессы он готов на все.

23 февраля 1429 года крестьянская девушка из Домреми появилась в Шиноне. Весь двор и духовенство собрались взглянуть на небесную посланницу. Дофин стоял в толпе придворных, одетый ничуть не лучше их. Иоанна, никогда не видавшая Карла VII, однако, прямо обратилась к нему. Вот что она рассказала:

Раз, — всю ночь, с усердною молитвой,
Забыв о сне, сидела я под древом, —
Пречистая предстала мне... одета
Она была, как я, пастушкой, и сказала:
— Узнай меня, восстань, иди от стада,
Господь тебя к иному призывает...
Возьми мое святое знамя, меч
Мой опояшь...
И приведи помазанника в Реймс,
И увенчай его венцом наследным.
Но я сказала: мне ль, смиренной деве,
На подвиг гибельный такой дерзать?..
— Дерзай, — она рекла мне, — чистой деве
Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знает...
Возьми твой крест, покорствуй небесам;
В страдании земное очищенье;
Смиренный здесь, — возвышен будет там!..
И с словом сим Она с себя одежду
Пастушки сбросила и в дивном блеске
Явилась мне царицею небес,

И на меня с утехой поглядела,
И медленно на светлых облаках
К обители блаженства полетела...*

Бесхитростный рассказ Иоанны производит глубокое впечатление на присутствующих, большинство которых немедленно убеждается, что необыкновенная девушка действительно послана небом для спасения отечества, и умоляет дофина довериться ей. Однако нерешительный Карл VII все еще сомневается, опасаясь последствий, способных ухудшить и без того тяжкое положение страны. Наконец, та ли это, на которую народный голос указывает, как на освободительницу Франции? Тотчас же составили комиссию из теологов для испытания религиозности Иоанны. Ученые мужи удостоверили, что девушка — добрая католичка и вполне искренна, а дамский комитет под предводительством тещи дофина, Иоланды Аррагонской, в свою очередь засвидетельствовал ее девственную чистоту. Всякие сомнения должны были исчезнуть. Многие требовали от Иоанны чудес и знамений, но она скромно ответила, что предназначена для более серьезных подвигов.

Дофин вручил ей знамя с изображением двух ангелов, держащих лилии — герб французских королей, — и дал небольшой отряд войск, в котором находились знаменитые рыцари: ла Гир, барон Жилль де Рэ, впоследствии прозванный «Синей Бородой», его товарищи Бомануар и Амбруаз де Лора и другие, а также братья девственницы Жан и Пьер. 29 апреля отряду удалось проникнуть в осажденный Орлеан, отчаянно защищавшийся благодаря неустрашимому графу Дюнуа, и доставить городу съестные припасы, а также подкрепление гарнизону, с нетерпением ожидавшего деву.

— Я приношу вам, — объявила Иоанна орлеанцам, — высшую помощь Царя небес, тронутого молитвами святого Людовика и Карла Великого и сжалившегося над вашим городом...

Удача экспедиции окончательно убедила французов, что Иоанна д'Арк послана свыше, что она ангел Божий, призванный на спасение отчизны. Граф Артур III Ришемонтский, констебль Франции, брат герцога Бретанского, немедленно перешел на сторону дофина, его примеру последовали и другие, и под знаменем девственницы собралась внушительная сила. Узнав о прибытии

* Шиллер. «Орлеанская дева», перевод В. А. Жуковского.

необыкновенной женщины в Орлеан, англичане, как солдаты, так и полководцы, одинаково потеряли мужество, вспомнив одно из предсказаний астролога Мерлэна, что «дева изгонит англичан из Франции и что повсюду, где бы они ни встретились с французскими войсками, предводительствуемыми ею, последние останутся победителями». Объятые ужасом, они считали Иоанну демоном и колдуньей.

Прежде чем приступить к военным действиям, Иоанна дважды отправляла посланных с письмами в английский лагерь, предлагая снять осаду без кровопролития. Но англичане задерживали посланных и ничего не отвечали. Она решилась попытаться еще раз. «Англичане, — писала Иоанна, — вам, не имеющим никаких прав на французскую корону, Царь небес через меня приказывает снять осаду и вернуться на родину, иначе мне придется начать войну, о которой вы вечно будете вспоминать. Я пишу в третий и последний раз; больше вы не получите от меня никаких известий». Подписано: Иисус, Мария, Иоанна-девственница. Прикрепив письмо к стреле, ее пустили в неприятельский лагерь. Англичане, получив послание, начали кричать: «Орлеанская девка снова угрожает нам!» Иоанна, услышав это, горько заплакала и, видя, что слова не достигают цели, объявила сражение.

Укрепления, воздвигнутые вокруг Орлеана, падали одно за другим под натиском французов, руководимых чудесной девушкой. Уже 8 мая англичанам пришлось снять осаду Орлеана, а вслед за тем оставить большую часть крепостей, воздвигнутых по берегу Луары. 18 июня Орлеанская дева, как теперь стали называть Иоанну, разбила сильный отряд англичан, которым предводительствовал лорд Тальбот. Враги бежали в паническом страхе, и все среднее течение Луары было очищено от ненавистных британцев. В блестящих рыцарских доспехах, на вороном коне, со знаменем в руках, высокая, стройная Иоанна д'Арк, «благородная лотарингка, бледнолицая воительница с пышными волосами», производила на толпу, не привыкшую к подобного рода зрелищам, сильное впечатление. Когда воины колебались и нависала угроза отступления, она смело бросалась в середину свалки и с громким криком: «Владычица с нами, им не уйти теперь!» увлекала за собой солдат. Иоанна, совершенно не знакомая с военным искусством, постигла всю выгоду частых повторных атак, не даю-

щих неприятелю времени очнуться и оправиться, и постоянно прибегала к подобному приему. Разумеется, во всем этом главную роль играла ее собственная безусловная вера в победу, вера, двигающая горами, о которой говорит Евангелие. Свою женскую мягкость Иоанна сохраняла даже в пылу сражений: она отражала удары, но никогда не наносила их сама; единственное ее оружие, разившее врагов, — знамя, развевавшееся там, где ряды французов начинали колебаться; оно придавало им мужества и обеспечивало победу. Несмотря на все это, Орлеанская дева оставалась по-прежнему скромной, считая себя лишь орудием Господним. Ночью, после битвы, она со слезами на глазах молилась за всех убитых и раненых.

— Никогда, — наивно сознавалась она, — я не могла без ужаса видеть, как льется французская кровь...

Вдохновив армию, она требовала соблюдения всеми без исключения полнейшей нравственной чистоты, как единственного залога успеха, и на основании этого строго преследовала недостойных женщин, проникавших в войска. Являясь ангелом Божьим, разящим врагов родины, в воображении суеверной толпы Иоанна представлялась необыкновенной красавицей, но ее товарищи по оружию утверждают, что наружность Орлеанской девы не возбуждала даже мысли об ухаживании; она действительно была прекрасна, но только высшей, духовной красотой.

Счастливо складывавшиеся для Карла VII обстоятельства мало-помалу поселили и в нем самом убеждение, что дева внушает ему приказание Господне идти в Реймс и венчаться короной Франции. Однако ближайшие советники дофина называли его желание «положительно безумством», и лишь очень немногие понимали, что это народный крестовый поход, вся сила которого в энтузиазме, охватившем отечество, и что надо ковать железо, пока горячо, чтобы потом не раскаиваться, потеряв благоприятный момент. Дофин послушался меньшинства и не ошибся. Все попутные крепости сдавались почти без боя, и даже Труа, свидетель позорного договора, устроенного развратной матерью Карла VII, сдался после первого приступа, признав дофина своим законным королем.

16 июля, то есть спустя пять месяцев после появления в Шиноне Иоанны д'Арк, Карл VII торжественно, при ликовании народа и войск, вступил в Реймс. Во

время коронации Орлеанская дева стояла рядом с королем со своим знаменем. Она исполнила возложенную на нее божественным Промыслом миссию и по совершении обряда миропомазания, охваченная необыкновенным экстазом, бросилась, рыдая, к ногам Карла VII.

— О, благороднейший король, — вскричала она, — теперь свершилась воля Всевышнего, повелевшего мне привезти вас в ваш город Реймс и принять святое миропомазание, чтобы все узнали истинного властителя Франции!..

Она не требует никакой награды себе лично, она счастлива тем, что совершила для блага родины, и просила только освободить Домреми, разоренную неприятельским нашествием, от всех податей, что, конечно, и было исполнено.

Нравственный успех, достигнув огромных размеров, превзошел все ожидания. Мятежные города один за другим переходили на сторону законного короля; гнет, давивший нацию и лишавший ее сил, исчез; Франция начинала дышать свободно. И все это совершила простая крестьянская девушка, дочь народа, одушевленная единственной мыслью спасти родину. Необразованная пастушка, прислушиваясь к голосу собственного сердца, почерпнула в нем вдохновение для свершения подвига, не имеющего примера во всей истории. Если король и дворяне согласились видеть в Иоанне д'Арк посланницу небес, то только потому, что она могла послужить их целям, народ же, более чуткий к событиям, поверив в ее высокое призвание, отдал деве всю свою силу для совершения чуда. Юную героиню всюду сопровождали дивные легенды, поддерживая веру в нее. Уверяли, что группа воинствующих архангелов окружает ее в битвах и отводит направленные на чистую деву мечи; что рои белых бабочек следуют за ее знаменем, скрывая иногда Иоанну от взоров неприятелей; рассказывали, как однажды она привела крестьян, требовавших оружия, на сельское кладбище, где все кресты превратились в скрещенные шпаги, и много еще чудесного говорили об Орлеанской деве в тот век суеверий и предрассудков.

После коронации Карла VII Иоанна, считая свою миссию оконченной, просила отпустить ее домой.

— Пусть сражаются мужи, и Господь подаст им победу!.. — заявила она.

По другим сведениям, она сама вызвалась завершить борьбу за освобождение Франции. Однако это вряд ли

вероятно: энтузиазм не бывает продолжительным. Притом Иоанна не могла не заметить ослабления религиозно-политического воодушевления, упавшего по достижении известных успехов. Между приближенными короля началась глухая вражда; каждому хотелось приписать себе большее количество побед, отрицая заслуги других и даже Орлеанской девы. С этого времени начались неудачи. Вместе с королем Иоанна д'Арк выступила для освобождения Парижа. Компьен и Бовэ сдались без сопротивления, но при осаде столицы Франции героиня потерпела поражение в результате запоздавшего прибытия подкреплений и к тому же была ранена. Это сразу уронило ее значение. Чтобы утешить Орлеанскую деву, Карл VII возвел весь ее род в дворянство, с этих пор ставший именоваться д'Арк дю Лис. Весною следующего, 1430 года англичане, собравшись с силами, осадили Компьен. Иоанна д'Арк поспешила на выручку, но была разбита и взята в плен Иоанном Люксембургским, приверженцем герцога Бургундского, выдавшего ее за деньги своему сюзерену. Вера в нее при дворе окончательно пала. К стыду своему, ни сам Карл VII, ни окружающие его — если не считать горсточки храбрецов, во главе с Жиллем де Рэ, явившихся под стены Руана, где была заключена Орлеанская дева, — не сделали ни одной попытки к освобождению спасительницы Франции.

Английские войска видели в Иоанне только колдунью, знавшуюся с нечистой силой и одерживающую победы с ее помощью. Хотя британские вожди и не разделяли подобного суеверия, но для умаления успехов, достигнутых Орлеанской девой, охотно поддерживали солдат, выдавая ее за ученицу и пособницу дьявола. Именем малолетнего короля Генриха VI был начат процесс с заранее подготовленным приговором и объединенными усилиями богословов и юристов доведен до желаемого конца. На что же и существовали инквизиция и ученые мужи? Несмотря на то что суд велся в высшей степени возмутительно, даже он обнаружил в Иоанне д'Арк столько чистоты и прямодушия, что часть судей, известных своей подлостью и продажностью, оставили заседание, чувствуя слишком большое отвращение к порученному им делу. Составивший себе позорную известность епископ из Бовэ, Пьер Кошон, приверженец англо-бургундцев, с талмудической казуистикой вел прения, стараясь заставить Иоанну сознаться в преступ-

лениях, которые она не совершала, и отказаться от подвигов, действительно совершенных ею. Ее ответы были честны и прямы, но о своих видениях, даже под пыткой, она упорно молчала.

— Пусть отрубят мне голову, — твердо заявила она, — я ничего не скажу!

Чтобы запутать подсудимую, епископ допрашивает ее таким образом:

— Наг ли был святой Михаил, когда он явился тебе?

— Разве вы полагаете, что Господу не во что одеть своих слуг? — отвечает дева.

— Что тебе советовали голоса, которые ты слышала, находясь в тюрьме?

— Чтобы я отвечала без страха.

— Ну, а еще что?

— Я не могу это повторить... Мне страшнее не угодить им, чем вам...

— Разве Бог не любит, когда говорят правду?

— Голоса призывали меня на служение королю, а не вам.

К Карлу VII, бессовестно покинувшему Иоанну, она сохранила до конца самое безграничное обожание.

— Покровительствуют ли святые Маргарита и Екатерина англичанам?

— Они покровительствуют тем, кто угоден Господу, и ненавидят ненавидимых Им.

— Любит ли Бог англичан?

— Я этого не знаю; мне известно только, что они будут изгнаны из Франции, кроме тех, кто погибнет здесь.

— Веришь ли ты в свое призвание по милости Божией?

Этот коварный вопрос на мгновение смущает Иоанну. Ответить утвердительно — значит погрешить гордынею, отрицать — опровергнуть самое себя.

— Если нет, — ответила она просто, — да будет угодно Господу укрепить во мне эту веру, если же да, пусть Он ее поддержит во мне.

— Зачем ты внесла свое заколдованное знамя в святой собор во время коронации, когда другие оставались на площади?

— Оно побывало в самом пылу битв, и я считала справедливым дать ему почетное место.

Будучи не в состоянии уличить Иоанну в колдовстве, ее обвинили «в самовольном сношении с небесными

силами и ношении мужского костюма», запрещенного соборным постановлением. Ей постарались объяснить схоластическое различие между «торжествующей» (Бог, святые) и «воинствующей» (папа, духовенство) церковью, предлагая отдаться на суд последней.

— Я покорюсь воинствующей церкви, — ответила Иоанна, — если она не потребует невозможного, ибо я считаю самым главным служение истинному Богу.

Бедная девушка обратилась к папе, но пока от него шел ответ, у нее обманным путем выманили подпись под чем-то вроде признания, что она — впавшая в заблуждение еретичка, и, отказав в церковном утешении, сожгли живою в Руане 30 мая 1431 года.

Каковы бы ни были ее увлечения, несомненно одно: ее видения были вполне реальны. Эта мистическая экзальтация не мешала ей разумно всем распоряжаться; ее слова и поступки были полны здравого смысла и спокойной простоты. Мучительная смерть создала Иоанне д'Арк блестящий ореол и славную, неувядаемую память в потомстве. Она осталась жить в памяти народа как героиня, проникнутая сознанием совершенного подвига, на который не отважился ни один из ее современников.

Когда два века спустя Вольтер позволил себе изобразить национальную героиню Франции в таком грязном виде, что слово «pucelle» (девственница) стало неприличным, в своем отечестве он не возбудил ничьих антипатий, зато иностранцы отнеслись к его «Орлеанской девственнице» совершенно иначе. Пушкин приводит выдержку из статьи одного английского журналиста, характеризующую настроение лондонского общества:

«Судьба Иоанны д'Арк в отношении к ее отечеству поистине достойна изумления. Мы, конечно, должны разделить с французами стыд ее суда и казни. Но варварство англичан еще может быть извинено предрассудками века, ожесточением оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала подвиги юной пастушки действию нечистой силы. Но спрашивается, чем извинить малодушную неблагодарность французов? Конечно, не страхом перед дьяволом, которого исстари не боялись. По крайней мере, мы хоть что-нибудь да сделали для памяти славной девы: наш лауреат * посвятил

* Роберт Соутэй (1774—1843), английский поэт, написавший поэму «Иоанна д'Арк», творение простое и благородное, изящно переданное.

ей первые девственные порывы своего (еще не купленного) вдохновения... Как же Франция постаралась загладить кровавое пятно, замаравшее самую печальную страницу ее хроники? Правда, родственникам Иоанны д'Арк было пожаловано дворянство, но их потомство пресмыкалось в неизвестности... В новейшей истории нет примера более трогательного, чем жизнь и смерть Орлеанской героини; что же сделал из этого Вольтер, сей достойный представитель своего народа? Раз в жизни случилось ему быть истинно поэтом, и вот на что он употребляет вдохновение! Он сатанинским дыханием раздувает искры, тлевшие в пепле мученического костра, и, как пьяный дикарь, пляшет около своего потешного огня. Подобно римскому палачу, он надругался над смертными муками девы! Поэма лауреата не стоит, конечно, поэмы Вольтера в отношении силы вымысла; но творение Соутэя есть подвиг честного человека и плод благородного восторга. Заметим, что Вольтер, окруженный во Франции врагами и завистниками, на каждом своем шагу подвергавшийся самым ядовитым порицаниям, почти не нашел обвинителей, когда появилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней степени цинизма. Никто не подумал заступиться за честь своего отечества... Жалкий век! Жалкий народ!»

Шиллер не менее горячо вступился за поруганную память «Орлеанской девы»:

Твой благородный лик насмешка исказила!
Для целей площадных ругаясь над тобой,
Она прекрасное во прахе ног влачила
И образ ангельский пятнала клеветой...
Насмешка Момуса прекрасное бесславит
И лучезарное он по ланите бьет! —
Ум благороднейший людей сердцами правит
И в нем прекрасное защитника найдет:
Он снял уже тебя с позорной колесницы
И в славе выставил перед лицо денницы!*

* Перевод А. Струговщикова.

Лже Иоанна д'Арк

Слепая вера во все сверхъестественное и чудесное — до сих пор еще коренящаяся, в особенности среди простонародья, — в эпоху средних веков, когда инквизиция спутала все понятия, очень способствовала процветанию всевозможных искателей и искательниц приключений, пользовавшихся народной доверчивостью ради ловли рыбки в мутной воде.

Одна из подобных предприимчивых авантюристок, смело присвоившая героическое имя Иоанны д'Арк, внезапно появилась во Франции спустя шесть лет после сожжения Орлеанской девы в Руане. К сожалению, сведения об этой любопытной особе пока чрезвычайно скудны и ждут своего историка. Знают только, что самозванка в действительности называлась Клодиной и была прирожденной француженкой, родившейся приблизительно около 1411 года, то есть ровесницей своей предшественницы, на которую походила наружностью как две капли воды. Относительно же того, кто были ее родители, где она увидела Божий свет, как ее воспитали и, наконец, как, когда и где она окончила свою полную приключений жизнь — нет решительно никаких данных.

Едва минуло шесть лет с тех пор, как вдохновенная освободительница Орлеана, обвиненная англичанами в кощунстве и колдовстве, погибла на костре, французский двор во главе с королем Карлом VII, возведенным на престол отважной девственницей, поглощенный религиозными распрями, начинавшими волновать в ту эпоху весь мир, почти совершенно забыл о скромной пастушке из Домреми, пожертвовавшей жизнью за свою дорогую родину, раздираемую внешними и внутренними врагами. Вельможи, окружавшие короля, из зависти отрицали заслуги Иоанны, политики и дипломаты употребляли все усилия, чтобы уничтожить народную

память о ней, как о святой и пророчице, даже церковь отреклась от нее, как от еретички, и только небольшая горсточка крестьян и солдат признавала ее героиней, каковою она и была на самом деле.

Честные люди помнили, что дева Франции была доброй христианкой, глубоко верили в ее божественное призвание и не допускали мысли, чтобы англичане в самом деле были в состоянии взять ее в плен. Их наивная вера никак не могла примириться с тем, чтобы кто-либо дерзнул поднять руку на избранную Богом, охраняемую небесным Промыслом. Затем, когда казнь Иоанны стала совершившимся фактом, ее печальную участь стали объяснять предательством. Ведь и Сам Господь Иисус Христос был предан Иудой. К простым людям присоединилось несколько высших дворян, боготворивших Иоанну не ради приписываемой ей святости, а ради необыкновенного героизма, который во времена рыцарства высоко ценился всем миром. И действительно, подвиги Орлеанской девы прославлялись повсюду: в Испании, Германии и даже Константинополе. О них никто не писал, но они распространялись устно монахами, ремесленниками, паломниками и торговцами, которые переходили из замка в замок, из страны в страну, и подвиги Иоанны, необыкновенные сами по себе, в их передаче становились еще необыкновеннее. Знатным сеньорам — вопреки мнению духовенства, называвшего ее языческой амазонкой Пентезилеей, — она представлялась цветом христианского рыцарства, беспримерной героиней, бескорыстной служительницей отечества. Неужели же такая удивительная девушка в самом деле могла быть сожжена англичанами? Нет, подобной несправедливости Господь не допустил бы!

Слухи о том, что девственнице удалось счастливо спастись, укреплялись все сильней и сильней, и вскоре вся Нормандия стала повторять, что Иоанна жива, а англичане сожгли постороннюю, очень похожую на нее женщину. Этому много способствовала выписка из «Бретанской хроники», гласившая: «Англичане привезли какую-то девушку в город Руан, где она долгое время просидела в заключении. Ее допрашивали высшие власти и много мудрых клериков, старавшихся выпытать, не колдовством ли или какими-либо другими запрещенными способами она одерживала победы. Девушка на все давала ответы вполне логичные, так что долгое время никто не решался произнести над ней смертный при-

говор. Однако в конце концов было решено сжечь Иоанну д'Арк или ту женщину, которая на нее походила». Лотарингский хроникер еще таинственнее описывает конец Иоанны: «Орлеанская дева, приведя королевскую армию к руанским стенам, внезапно исчезла, и никто не знает, что с нею случилось. Одни уверяли, будто бы англичане взяли ее в плен и сожгли, другие — что несколько человек, состоявших под ее командой, убили деву, потому что она одна хотела воспользоваться славой». Из подобных разноречивых россказней видно ясно, что в то время мало кто знал истину.

Все эти сбивчивые сведения очень благоприятствовали распространению всевозможных легенд, и вот в начале 1436 года в Лотарингии вдруг действительно появилась Иоанна д'Арк, к великой радости прежних приверженцев девы и к сильной досаде ее недоброжелателей. Так как англичане еще наводняли страну, патриоты возликовали, надеясь с помощью возвратившейся героини окончательно изгнать врагов своей дорогой родины, не пытаясь проверить, настоящая ли это героиня или самозванка. Появившаяся 25-летняя девушка объявила, что она именно та, которую англичане намеревались сжечь, и рассказала довольно запутанную и туманную историю о своем чудесном спасении ангелом, похитившим ее из пламени костра. Люди, которым она открылась, поверили ей на слово и немедленно разгласили повсюду, что Орлеанская дева жива. Спросить о том, где и почему она пропадала все эти шесть лет, никому и в голову не пришло.

Тотчас же уведомили о столь неожиданном и радостном событии братьев Орлеанской девы, так как Лже-Иоанна выразила страстное желание увидеться с ними. Жан и Пьер, теперь кавалеры д'Арк дю Лис, конечно, прекрасно были осведомлены о несчастной судьбе их сестры. Старший, Жан, узнал об этом лично от Карла VII, взявшего его к себе на службу, младший, Пьер, — от сира де Вержи, друга англичан, находясь у него вместе с Иоанной в плену. Разумеется, братья не могли поверить наивной народной надежде, однако чутко прислушивались к молве и в конце концов решились увидеться с чудесно спасенной сестрой, для чего и отправились в Лотарингию.

Встреча произошла 20 марта 1436 года в деревушке Гранж-д'Орн, неподалеку от Меца. Лже-Иоанна явилась в женской одежде, сопровождаемая несколькими дво-

рянами из Меца. Встреча была самая трогательная, если поверить декану из Меца, Сен-Тибо, утверждавшему, что «как только братья дю Лис увидели девушку, выдававшую себя за Иоанну д'Арк, они немедленно признали в ней свою сестру». Те, которые еще сомневались, теперь должны были окончательно уверовать. Признание Жана и Пьера, несомненно, произвело сильное впечатление и оказало огромное влияние на толпу. Можно ли было допустить, чтобы самозванка решилась предстать перед братьями Иоанны д'Арк? Конечно, нет! Но тут невольно рождается вопрос: почему кавалеры дю Лис, обладавшие недюжинным умом и хорошей памятью, зная наверное, что видят перед собой самозванку, все-таки согласились признать в ней свою сестру? Очевидно, не без задней мысли. Дело в том, что Жан как раз в это время был избран цеховым старшиной в Вокулере и нуждался в известном престиже; Пьер же, чтобы выбраться из бургундского плена, уплатил за себя выкуп приданым своей жены и в данный момент его материальное положение было далеко не блестящим. Признанием самозванки они рассчитывали поправить собственные обстоятельства. Ларчик, как оказывается, открывался очень просто.

На следующий день братья вместе с сестрой отправились в Вокулер, где были очень хорошо приняты. Рыцарь Николь Ло подтвердил, что прибывшая с братьями дю Лис девушка — подлинная Иоанна д'Арк, которую он отлично узнал по маленькой родинке за левым ухом. Он тотчас же подал ей боевого коня и пару сапог с ботфортами; другой, по имени Николь Гранье, преподнес ей саблю; третий, Обэр Буллэ, — шлем, с пожеланием, чтобы для девы вновь наступили дни счастья и побед. Рыцарям доставило огромное удовольствие видеть ее восторг при получении коня, на которого она вскочила с ловкостью истого кавалериста. Авантюристка прежде всего объявила, что станет продолжать начатое, но что для новых подвигов ей необходим месячный отдых, так как небесная благодать осенит ее только после дня св. Иоанна Крестителя (24 июня). Это был как раз тот же самый срок, который назначила Орлеанская дева после битвы при Патэ, в 1429 году, для окончательного уничтожения англичан. По-видимому, самозванка до мельчайших подробностей изучила историю Иоанны д'Арк.

Однако в Вокулере нашлись люди менее легкомысленные, чем Николь Ло и его товарищи по оружию, но-

этому Лже-Иоанна, пробыв там всего неделю, сочла за лучшее перебраться в Марвилль, где и провела день св. Троицы, поместившись в доме некоего Жана Квэна. Там к ней явились несколько граждан Меца, признавших в ней истинную Орлеанскую деву и осыпавших ее всевозможными подарками, причем рыцарь Жоффру д'Экс подарил ей второго коня. Все эти сцены признания несколько подозрительны, если вспомнить, что многие рыцари из Меца присутствовали при коронации Карла VII в Реймсе и, стало быть, хорошо видели Иоанну д'Арк. Вероятнее всего предположить, что у них на этот счет имелись собственные соображения.

Из Марвилля самозванка отправилась к г-же де Лионс, называвшейся также г-жою де Лист, проживавшей в собственном замке близ Сент-Махкуль, у которой во время путешествий нередко останавливались короли Франции. Затем мнимая Иоанна отправилась в Арлон по приглашению герцогини Елизаветы Люксембургской, урожденной Герлиц, племянницы герцога Бургундского, особы уже довольно зрелых лет, вторично овдовевшей в 1436 году. В те времена ясновидение играло немалую роль, а Орлеанская дева действительно обладала этим даром, поэтому герцогиня, признав самозванку за сожженную героиню, пригласила ее именно ради этой цели. Мнимая Иоанна в середине августа прибыла в Арлон и отсюда отправила королю письмо с просьбой об аудиенции. Карл VII тогда был в Лионе на праздновании обручения своей дочери Иоланты с принцем Амедеем Савойским. Жан дю Лис в свою очередь в начале августа отправился в Орлеан оповестить, что его сестра жива, и, по-видимому, хорошо сумел убедить граждан в этом необыкновенном событии. Затем он отправился к королю, чтобы уведомить его о неожиданном спасении Иоанны, но неблагодарный Карл VII принял новость весьма равнодушно, приказав, впрочем, выдать кавалеру дю Лису 100 франков в награду, которых тот, кстати сказать, не получил, так как французская казна в этот момент была совершенно истощена.

В это время Лже-Иоанна, беззаботно наслаждаясь, проживала у герцогини Люксембургской. Там она встретилась с 25-летним графом Ульрихом V Вюртембергским, который сразу влюбился в нее, подарил ей блестящую рыцарскую кирасу и не расставался ни днем, ни ночью с предметом своего обожания. Немного спустя он увез «деву» с собой в Кельн, где вместе с братом, Люд-

вигом I, жил под опекой своей матери Генриэтты на правах суверена. Лже-Иоанна поселилась вместе с ним, одевалась по-мужски, принимала участие в кутежах и танцах, не переставая, однако, все еще величать себя Орлеанской девой и уверять, что находится под небесным покровительством. Ульрих V слепо верил в ее божественное призвание и хотел воспользоваться им к своему личному и своего народа благу. Он был большой интриган и сильно замешан в религиозных распрях. Узнав, что два кельнских архиерея спорят об епископской митре, Ульрих V пожелал, чтобы его любовница разрешила этот спор. Иоанне д'Арк также приписывали, будто она предсказала, кто из трех предполагаемых пап (Мартин V, Григорий XII и Бенедикт XIII, отлученный на Констанском соборе) будет избран конклавом, хотя она дала ответ не тотчас же, а спустя много времени. Мнимая Иоанна оказалась более смелой и самонадеянной: она назвала, кого изберут епископом, и даже выразила намерение принять участие в его избрании. Ее помощь, разумеется, ничему не могла помочь, но заставила обратить на себя внимание одного важного лица.

Это был генерал-инквизитор города Кельна, самый выдающийся в ту эпоху профессор теологии, Генрих Кальтейзен, уже отправивший на костер немалое количество колдуний и заслуживший от своих приверженцев искренние похвалы за освобождение церкви от еретичек. Генерал-инквизитор немедленно навел справки и узнал, что женщина, выдающая себя за Иоанну д'Арк, — что уже само по себе было преступлением — находится под покровительством молодого графа Ульриха V, носит мужскую одежду и ведет себя далеко не так целомудренно, как бы полагалось деве. Ему даже сообщили, что она занимается волшебством и недавно, будучи в одном обществе, разорвала пополам скатерть и снова ее соединила, бросила об стену стеклянный бокал, но он не разбился. Этого оказалось совершенно достаточно, чтобы вполне увериться в ее сношениях с нечистой силой, и за колдуньей тотчас учредили строжайший надзор. Если бы Генрих Кальтейзен успел захватить ее, самозванка, несомненно, окончила бы свои дни, по примеру истинной Орлеанской девы, на костре, но, очевидно, ее час еще не пробил. Граф Ульрих V, проведав о намерениях генерала-инквизитора, хорошо укрыл свою любовницу, а затем помог ей бежать из города.

Лже-Иоанна снова отправилась в Арлон, к герцогине Люксембургской, и там совершила то, что ей, как «деве», меньше всего следовало совершать. Она, недолго думая, вышла замуж за рыцаря, потомка известного дворянского рода Роберта д'Армуаз, сира Тишемонд. К этому времени фламандский дом д'Армуазов существовал в Лотарингии уже более столетия, где его представители занимали высшие государственные должности. Роберт д'Армуаз, вероятно, был сыном Ришара, бывшего в 1416 году губернатором герцогства Бара (старинная французская провинция между Лотарингией и Шампанью, орошаемая Маасом). Брачный договор «девы» и рыцаря, найденный в XVII столетии, — безусловно, фальшивый документ, сфабрикованный каким-то таинственным генеалогом, но существует настоящая запродажная запись от 1436 года, по которой супруги продали часть своих владений, и в ней авантюристка именуется уже «Иоанной дю Лис, девой Франции, г-жою Тишемонд, законной женой Роберта д'Армуаз». После венчания молодые немедленно отправились в Мец, в свой фамильный замок.

Однако и после брака авантюристка не отказалась от взятой на себя роли. В 1439 году она, наконец, посетила Орлеан, торжественно въехав в город в полном вооружении, при ликовании всего народа, тотчас же узнавшего свою освободительницу. Легенда успела пустить в их умах глубокие корни. Всем сказкам, которые она рассказывала о своем чудесном спасении, безусловно, поверили. Да и как было не поверить? Появление девы обещало полную победу над врагом, угнетавшим родину, а самозванка вдохновенным языком, хотя и довольно туманно, предсказывала скорое исполнение общих желаний. В это время в Орлеане проживала мать истинной Иоанны д'Арк, Изабелла, которая хорошо знала о смерти своей дочери, но в надежде поднять народный дух для окончательного изгнания из Франции англичан признала Лже-Иоанну, уверенная, что видит перед собой самозванку. Орлеанцы, ежегодно служившие в день мученической кончины своей освободительницы по восьми месс за упокой ее души, носившие в траурной процессии четыре свечи с ее гербами, меч и французскую корону, хранившуюся в местной церкви, теперь в знак радости преподнесли г-же д'Армуаз хлеб и мясо, как истинной их освободительнице, а 17 июля вручили «210 ливров за все хорошее, что она сделала

для них». Так значится этот расход в городских книгах.

Г-жа д'Армуаз провела две недели в кругу храбрых орлеанцев. В конце июля «дева», однако, внезапно покинула гостеприимный город и, по-видимому, очень спешила, так как, будучи приглашена на народный ужин, где ей собирались преподнести восемь бочонков вина, не соблазнилась подарком и бежала. Дело в том, что на этом ужине должен был присутствовать суконный торговец Жан Люилье, шивший наряды для настоящей Иоанны д'Арк по поручению Карла VII: Люилье въезжал в Орлеан в момент отъезда г-жи д'Армуаз. Авантюристка опасалась публичной встречи с ним.

Самозванка отправилась в Тур, где ее встретили с подобающей помпой, принимая за истинную Орлеанскую деву. Не успев, однако, появиться в Туре, она снова отправилась дальше, в Пуату, и там поступила на службу к знаменитому рыцарю Жиллю де Рэ, прозванному «Синяя Борода». Он был когда-то одним из самых горячих приверженцев Орлеанской девы и во время ее пленения вместе с ла Гиром осаждал город Лувье и даже, хотя и безуспешно, мечтал взять Руан, чтобы освободить Иоанну. Но блестящий полководец в эти годы превратился в ужасного вампира, терзая в своих замках невинных детей, произнося заклинания и вызывая демонов. Его кровавые оргии распространяли ужас на все окрестности замков Тиффож и Махкуль, и над ним уже простиралась карающая рука церкви. Жилль де Рэ передал самозванке команду над своим войском, от которой она, однако, вскоре отказалась, в свою очередь передав ее гасконскому рыцарю Жаку де Сикканвиллю.

В начале весны 1440 года она отправилась в Париж, что было большою неосторожностью. Парижский университет девять лет назад подтвердил руанский процесс и вполне одобрил его приговор, но за давностью можно было предполагать, что в умах ученых, управлявших важными церковными делами, успели изгладиться воспоминания о нем, так как ему никогда и не придавали особенного значения, раз дело шло только о колдунье. Зато простой народ не забыл храброй девушки, и когда пришла весть, что Иоанна жива, все заволновались. Радость еще больше усилилась, когда узнали, что освободительница находится на пути к Парижу. Университет и парламент не на шутку встревожились и приняли меры, чтобы воспрепятствовать ее вступлению в город. Навстречу самозванке были высланы вооруженные лю-

ди, которые ее схватили и под конвоем доставили в Париж, во дворец Правосудия.

Иоанну д'Армуаз уличили в самозванстве, в желании ввести в заблуждение народ и, по обычаю той эпохи, предложили покаяться добровольно, иначе угрожали пытками. Подсудимая покаялась в том, что вышла замуж, что у нее двое детей, что в молодости она однажды поколотила свою мать и что получила разрешение этого тяжкого греха от папы Евгения IV, для каковой цели ездила в Рим в мужской одежде, где принимала участие в качестве простого солдата в сражении и убила двоих. Несмотря на все это, она упорно утверждала, что она истинная Иоанна д'Арк.

Очень непонятно, почему женщина, обвинявшаяся в колдовстве, убийствах и ношении мужской одежды, не была предана во власть инквизиционного трибунала, а наоборот, ей даже вернули свободу. Вырвавшись из Парижа, она снова надела рыцарские доспехи и отправилась на новые похождения.

Овдовев, «дева» вторично вышла замуж в Анжере в 1457 году за некоего Жана Дулье, о чем свидетельствуют бумаги «доброго короля» Рене, в которых упоминается, что «Иоанна д'Армуаз, ныне Дулье, три месяца отсидела в тюрьме» и хотя была изгнана из Анжу, ей все-таки почему-то позволили там жить.

Такова отрывочная история этой «дважды замужней девы», очень похожей наружностью на Иоанну д'Арк, но не имевшей ни малейшего внутреннего сходства с героической освободительницей Орлеана.

Лукреция Борджия

Это имя, связанное с самыми ужасными, с самыми возмутительными преступлениями, заставляет невольно содрогаться при воспоминании о женщине, носившей его. Второй, подобной ей, не встречается во всей всемирной истории, богатой всевозможными женскими ти-

пами; она стоит особняком, окруженная кровавым туманом, из которого выступает ее роковая красота, стоившая жизни всем, кто неосторожно к ней приближался.

Дочь кровосмесителя и куртизанки, она была истинным детищем своего времени, отражая, как в волшебном зеркале, пороки развращенного до мозга костей общества, среди которого вращалась. Ее биография — яркая иллюстрация средневековых нравов, царивших в Риме в конце XV столетия, где благочестие, доходящее до суеверия, граничило с чудовищным кощунством и где высшие человеческие чувства утопали в гнуснейшем разврате. Щедро одаренная природой, чтобы стать «венцом создания», она оправдала на себе мнение католического духовенства, считавшего женщину «исчадием ада». Действительно, существо, подобное Лукреции, могло родиться только там. Языческие жрицы Венеры и сладострастные вакханки, прославившиеся своей безнравственностью, бледнеют перед этой белокурой испанкой, блудницей с видом девственницы, «Мессалины» с головкой Рафаэлевой Мадонны. Под божественной внешностью в ней таились дьявольские инстинкты. Отличаясь замечательной красотой, остроумием, образованием и любовью к искусствам, она могла бы сделаться одною из выдающихся женщин эпохи, но осталась только куртизанкой, не признававшей ничего святого, всегда готовой, ради удовлетворения своих порочных страстей, прибегнуть к самым нечистым средствам. Выражаясь словами поэта, она была:

Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла!..

Прежде чем приступить к биографии Лукреции, скажем несколько слов о ее семье, несомненно, повлиявшей на весь строй жизни героини настоящего очерка, унаследовавшей пороки своих родителей и доказавшей лишний раз, что «яблоко от яблони недалеко падает».

Ее отец, незначительный испанский дворянин Родриго Ленцуоли Борджия, впоследствии папа Александр VI, тщеславный, жадный к славе и богатству, проживая у себя на родине в Валенсии, еще юношей сошелся с молодою вдовою Еленою Ваноцци, подозреваемой в убийстве мужа, заставшего ее в объятиях любовника. В те времена подобные убийства, встречавшиеся чуть ли не на каждом шагу, считались делом весьма обыкновенным. Преступление Елены Ваноцци скорее возвысило,

чем унизило, ее в глазах Родриго, для которого цель всегда оправдывала средства. Елена имела двух дочерей: старшую, очень некрасивую, имя которой неизвестно, и младшую — Розу, в полном смысле слова красавицу, хорошо знавшую о материнском преступлении, но до поры до времени хранившую тайну, выжидая момента, чтобы отомстить за смерть обожаемого отца. Ждать пришлось не особенно долго. По мере того как Елена Ваноцци старела и теряла обаяние, Роза с каждым днем становилась прекраснее, и сластолюбивый Родриго, сравнивая двух женщин, разумеется, отдавал предпочтение последней. Не привыкший обуздывать свои желания, он однажды потребовал, чтобы Роза отдалась ему. Девятнадцатилетняя красавица, ничуть не поразившись подобному требованию материнского любовника, дала загадочный ответ: «До тех пор, пока жива моя мать, я не могу отдаться тебе», — объявила она с двусмысленной улыбкой.

Родриго, никогда не затруднявший себя разрешением загадок, поспешил уничтожить препятствие, не откладывая дела в долгий ящик. На следующий день Елена Ваноцци скоропостижно скончалась, отравленная своим любовником; старшую дочь насильно постригли в одном из монастырей, а младшая отдалась отравителю в награду за убийство матери.

Это случилось в 1448 году. В течение дальнейших семи лет любовники, связанные преступлением, наслаждались безмятежным счастьем, не тревожимые ни малейшими укорами совести. Более подходящую пару трудно было бы придумать. Но вот в 1455 году кардинал Альфонсо Борджия, дядя Родриго, воссел на папский престол под именем Каликста III и потребовал племянника к своему двору. Перед Родриго открывалась широкая дорога к достижению всех благ земных, в том смысле, как он их понимал. Он немедленно отправился в Рим, оставив Розу в Валенсии, не рискуя взять ее с собою, не зная, как отнесется дядя к подобной кровосмесительной связи. Мало-помалу, однако, ощутив под собою твердую почву, папский племянник, получив звание кардинала, перевез любовницу из Валенсии в Венецию, чтобы иметь ее ближе к себе, и все свободное время проводил там, тщательно скрывая от дяди свои похождения. Роза Ваноцци жила в великолепном дворце, окруженная необыкновенной роскошью, задавая пиры и устраивая оргии разврата и кощунства,

от которых покраснел бы сам сатана. Надо отдать справедливость, Родриго ничего не жалел, чтобы доставить Розе всевозможные удовольствия. К этому времени она подарила любовнику трех сыновей: Франческо, Цезаря, Джиованни и дочь Лукрецию. Какого потомства можно было ожидать от подобных родителей? Над родом Борджия недаром тяготело проклятие судьбы.

Лукреция родилась в 1480 году. Воспитанная матерью, она с младенческого возраста впитала в себя все отрицательные качества развратной Розы Ваноцци. Получив самое блестящее по тому времени образование, Лукреция в возрасте одиннадцати лет уже знала, что она красива, и в совершенстве изучила искусство кокетства. Она была превосходной комедианткой, способной свести с ума дюжину мужчин, оставаясь равнодушной, холодной, зато животная чувственность уже заставляла трепетать это нежное, как будто выточенное вдохновенным резцом Фидия тело. Родриго и Роза Ваноцци с восторгом глядели на очаровательную девочку, мечтая со временем воспользоваться ее неземною красотой для достижения известных целей. Присутствуя вместе с братьями на пирах, даваемых их матерью, на которые стекалось лучшее венецианское общество, Лукреция зорко присматривалась к окружающим ее мужчинам, отыскивая между ними поклонника, достойного ее красоты. Вскоре она заметила подолгу останавливающего на ней взгляды красивого юноши по имени Марчелло Кандиано и старалась улыбками поощрить скромного поклонника к дальнейшим шагам, которые должны были увенчать его молчаливую страсть. На этот раз, однако, дело дальше взглядов не пошло. Напрасно Лукреция на следующем пиру ожидала Марчелло. Неужели он не понял, что понравился ей? Что помешало ему прийти? Красавица негодует на глупца и досадует на себя за то, что потратила время на человека, не захотевшего или не сумевшего оценить ее кокетство. Немного спустя отсутствие Марчелло Кандиано объяснилось. Несчастный юноша пал от руки неизвестного убийцы, поразившего его в предыдущую ночь при выходе из дворца Ваноцци. Это известие не произвело почти никакого впечатления на молодую красавицу. Значит, такова была его судьба! Лукреция вздохнула и за ужином уже кокетничала со своим соседом по столу, феррарским дворянином Николо Дальберджетти, чуть не вдвое старше убитого Кандиано, но зато и вдвое богаче

его. Этот второй поклонник, умудренный годами и опытом, повел свое ухаживание более темпераментно, идя навстречу желаниям красавицы. В одну из следующих ночей он прокрался к ожидавшей его Лукреции, признался в своей страсти и умолял наградить его любовь. Весьма вероятно, что ему ответили бы взаимностью, но подозрительный шум в соседней комнате заставил влюбленного расстаться с предметом своей страсти. Очутившись на улице, Николо Дальберджетти столкнулся с замаскированным человеком, поразившим его насмерть ловким ударом кинжала. Завязки романов Лукреции постоянно оканчивались трагедией. Каждый, кто решался ухаживать за ней, умирал, пораженный чьей-то таинственной рукой. Кто же был этот убийца? Кто так ревниво оберегал целомудрие порочной дочери Родриго и Розы Ваноцци? Загадка открылась сама собой.

По уходе Дальберджетти Лукреция быстро разделась и села освежиться у открытого окна, разгоряченная объятиями и поцелуями, еще не остывшими на ее лице, вспоминая слова признания, снова переживая внезапно прерванную сцену, окончания которой она так жаждала всем своим страстно трепещущим телом. Поглощенная этими мыслями, Лукреция не заметила, как возле нее очутился ее брат Цезарь, и очнулась только тогда, когда он, схватив ее в объятия, стал покрывать поцелуями обнаженные руки, шею и грудь. Что это, сон, галлюцинация?.. Но нет, она не спит, объятия слишком жарки, поцелуи чересчур реальны... Перед нею Цезарь, ее родной брат! Молодая девушка собирает все свои силы и вырывается из объятий, пораженная его дерзостью. Цезарь бросается перед нею на колени, хватает ее ноги, умоляя выслушать. Он не может дольше таиться. Да, он любит, он обожает Лукрецию... ее красота сводит его с ума... это он убил Кандиано и четверть часа назад покончил с Дальберджетти. Так он будет поступать с каждым, на кого она ласково взглянет!.. Лукреция должна принадлежать ему, Цезарю, и только ему!.. Он ждет ответа, от которого зависит дальнейшая его судьба... Пусть сестра отдастся ему добровольно, иначе он прибегнет к насилию, пойдет даже на преступление, но добьется своего!.. Очень вероятно, что другая девушка в положении Лукреции согласилась бы скорее умереть, чем отдаться родному брату, но дочь Розы Ваноцци оказалась менее щепетильной. Узы крови ничего не говорили ее сердцу. К чему условность! Цезарь кра-

сив, силен, ловок и к тому же так страстно любит ее. И вот в темной комнате снова послышались звуки поцелуев. Опьяненная ими Лукреция уж не противилась ласкам Цезаря, когда совершенно неожиданно вошел старший брат — Франческо, подслушивший их объяснение. Причина его появления была настолько ясна, что не требовала объяснений. Оба брата преследовали одну и ту же цель, но Цезарь опередил Франческо. С этого момента молодые люди затаили глубокую ненависть друг к другу. Соперничество только сильнее разжигало их чудовищную страсть, и, пользуясь всевозможными способами, они тайно разделяли сестрины ласки. От позорной связи с обоими братьями Лукреция родила дочь, которую Роза Ваноцци немедленно отвезла на воспитание крестьянам в окрестности Вероны, а затем, чтобы избежать повторения подобного скандала, упросила Родриго отправить Цезаря в пизанский, а Франческо в падуанский университеты, подальше от соблазнительной сестры.

Таковы были первые шаги Лукреции на скользком поприще греха, указывавшие, что впоследствии она превзойдет развратом всех самых знаменитых куртизанок, каких только знает история. В конце концов так и вышло.

Чтобы зажать рты злословию и сплетням, уже ходившим по городу по поводу странной болезни дочери Розы Ваноцци и внезапного отъезда ее братьев, Родриго, достаточно крепко утвердившийся при папском дворе, перевез семью в Рим и стал хлопотать о замужестве своей обесчещенной дочери. Ведь нечасто встречаются красавицы, способные возбудить страсть в собственных братьях. Отсутствие Цезаря и Франческо, однако, не только не помогло делу, но повлекло за собой еще более ужасное преступление. Лукреция после родов чрезвычайно расцвела и невольно привлекала всеобщее внимание. Взоры сладострастного Родриго все чаще и чаще стали останавливаться на любовнице его сыновей. Этот 60-летний кровосмеситель забыл, что Лукреция — его дочь, и видел в ней только женщину, возбуждавшую его противоестественные инстинкты самца. Он превратился в самого нежного обожателя, осыпая подарками развратную девушку и исполняя малейшие ее прихоти и капризы. В данном случае Лукреция оказалась на высоте своего призвания и расточала свои ласки отцу, как настоящая куртизанка, оценивая их количеством и

ценностью подношений. Золото, драгоценности и наряды заменяли ей все! Приблизительно около 1492 года Родриго, чтобы соблюсти внешние приличия, обвенчал свою дочь с незначительным аррагонским дворянином доном Эстебаном. Разумеется, подобный муж был не Бог весть какой находкой, но зато служил отличной ширмой, скрывавшей от посторонних взглядов тайную связь отца с дочерью, так как, даже выйдя замуж, она больше принадлежала отцу, чем мужу. Правда, дон Эстебан был моложе Родриго, а молодость тоже имеет свою хорошую сторону, но второй владел властью и богатствами, которых не было у первого. Ну, что же, недостатки одного пополнялись достоинствами другого, и Лукреция превосходно пользовалась благами жизни, никого не обижая.

В 1492 году произошло событие, возведшее семью Борджия на недосягаемую высоту. Скончался Иннокентий VIII, и на папский престол воссел Родриго под именем Александра VI. Прежде всего он постарался обеспечить своих детей. Франческо получил герцогство Гандийское, Цезарь — Валентинуа, о Джиованне, вследствие его малолетства, пока еще не думали. Относительно Лукреции новый папа проявил особенную заботливость. Дочь кардинала Родриго Борджия могла, конечно, с грехом пополам быть женою дона Эстебана, но дочь папы Александра VI должна иметь мужа более родовитого, более состоятельного, более влиятельного, с чем вполне соглашалась и Лукреция. Чтобы укрепить свой политический кредит, «наместнику св. Петра» был нужен зять, достойный с честью поддерживать его проекты, и такового он нашел в лице Джиованни Сфорца, владельца Пезаро, внука Александра Сфорца, брата миланского герцога Франческо Великого. С доном Эстебаном быстро покончили, отравив его знаменитым «ядом Борджия», не оставлявшим никаких следов. Лукреция безмолвно следила за агонией мужа, умершего у ее ног, и с веселой улыбкой пошла оповестить достойного родителя о своем вдовстве. Похоронив дона Эстебана, его вдова почти тотчас же вышла замуж за Джиованни Сфорца (1493). Присутствовавшие на свадьбе сестры Франческо и Цезарь не знали истинного положения дел, полагая, что Лукреция по собственному желанию вступает во второй брак. Цезарь при первом же удобном случае напомнил ей об обещании убить каждого, кто захотел бы обладать ею. Двухлетняя разлука

с сестрой не охладила его страсти. Питала ли Лукреция ко второму мужу более нежные чувства, чем к первому, или ей и самой хотелось поскорее отделаться от него, но она в таких мрачных красках рассказала ему о готовящемся покушении на его жизнь, что Джиованни Сфорца счел за лучшее бежать, чтобы уж никогда больше не возвращаться в семью, где отравления и убийства были самым обыденным явлением.

Оставшись «соломенной вдовой», 15-летняя Лукреция, получая огромные средства от отца, жила совершенно свободно в собственном дворце на улице дель-Пеллегрино. Все самое дорогое, самое роскошное было собрано там, каждая безделушка являлась высокохудожественным произведением. Любовница Александра VI была способна разорить его, не имей он сокровищ, добываемых конфискацией имущества, широко практикуемой при помощи яда или кинжала.

Однажды вечером Цезарь, возобновивший прежние отношения с сестрой, отправился к Лукреции, надеясь застать ее одну, и был неприятно поражен, встретившись там с Франческо. Братья-соперники решили не выходить один без другого из комнаты сестры, когда явился соперник, которому они были вынуждены уступить поле действий. Это был их отец, Александр VI. Истина открылась. Официальная папская любовница Юлия Фарнезе, занявшая место стареющей Розы Ваноцци, была только «отводом глаз», так как на самом деле он не прерывал сношений с дочерью, которую обожал, видя в ней отражение всех своих страстей и пороков. Разумеется, Цезарю и Франческо не под силу было бороться с таким соперником, они понимали это и временно покорились обстоятельствам, втайне готовые уничтожить друг друга.

Но Лукреция думала об ином. Она мечтала только об одном герцоге Гандийском, который был так хорош, что на него заглядывались все женщины, и это придавало ему особую цену. Лукреция почувствовала к нему прилив такой страсти, какой раньше никогда и не знала. Она жаждала его объятий, чтобы сознавать себя единственной обладательницей красивого юноши, чтобы иметь право сказать себе: «Он мой и только мой!» Но как достичь этого? Лукреция никого не хотела посвящать в свое преступное счастье; на этот раз она хотела уберечь его от посторонних взглядов, как скряга скрывает свое золото. В собственном дворце она

не могла быть спокойной: подозрительный Цезарь постоянно следил за ней; у этого Аргуса, казалось, сотни глаз; Ватикан слишком ненадежное место для любовных свиданий, кроме того, там и отец, которому может не понравиться близость дочери с сыном. Как быть? Но Лукреция не была бы дочерью Борджия, если бы не нашла способа удовлетворить свою порочную прихоть во что бы то ни стало! И вот в июне 1497 года она вдруг пожелала на время уйти от суеты мирской и скрылась в монастыре св. Сикста, чтобы постом и воздержанием искупить свои прегрешения. Напрасно Цезарь умолял ее отложить этот искус до его отъезда в Неаполь: благочестие, охватившее сестру, было настолько сильно, что она не хотела ждать ни минуты. Но если нашлись наивные люди, поверившие в искренность Лукреции, Цезарь, хорошо знавший свою лукавую любовницу, видел в ее намерении нечто другое, не имевшее ничего общего с благочестием. Он почувствовал, что она охладела к нему, и, терзаемый муками ревности, учредил за нею строжайший надзор. Вскоре ему донесли, что Франческо ежедневно посещает монастырь св. Сикста, обставляя свои путешествия туда необыкновенной таинственностью. Значит, подозрения Цезаря справедливы? Лукреция избегала его, предпочитая Франческо? Она издевается над его любовью!.. О, он жестоко отомстит герцогу Гандийскому! В один из следующих вечеров, когда Франческо спешил на свидание с Лукрецией, Цезарь предательски убил его и бросил труп в Тибр. Свершив преступление, убийца, опасаясь отцовского гнева и уверенный, что Лукреция употребит все возможное, чтобы отомстить за смерть своего брата-любовника, бежал в Неаполь. Но на этот раз он ошибся. Убийство Франческо как громом поразило всю семью Борджия, ни минуты не сомневавшуюся, кто был его убийцей. Александр VI пролил искренние слезы над трупом герцога Гандийского, смерть которого влекла за собою крушение многочисленных папских проектов, способных поколебать его политику. Это настолько подействовало на него, что в течение трех суток, запершись у себя, он отказывался от пищи и оставался равнодушным к мольбам Юлии Фарнезе. Лукреция, забыв о своем благочестии, покинула монастырь св. Сикста, где теперь ей не было причины оставаться, и поспешила утешить отца. Очевидно, ей это удалось, так как уже на четвертые сутки после братоубийства Александр VI

разрешил Цезарю вернуться в Рим и не только простил, но даже передал ему все права и имущество герцога Гандийского. Лукреция и Цезарь были любимыми детищами его сердца и вместе с отцом составляли порочное трио, в течение 11 лет господствовавшее на папском престоле, являясь кощунственной пародией небесной Троицы. Только одна Роза Ваноцци до самой смерти не простила убийцу своего первенца.

Необходимость породниться, по политическим причинам, с аррагонской династией, царствовавшей в Неаполе, заставила Александра VI обратить внимание на 17-летнего Альфонса, герцога Бишельи, побочного сына короля Альфонса II Аррагонского. Папа вызвал юношу в Рим, обласкал его и при помощи Лукреции без труда завладел его рассудком и волей. Герцог Бишельи безумно влюбился в распутную женщину, употребившую все силы своих чар и кокетства для его порабощения, на что не потребовалось много времени. «Новая Арахнея» быстро захватила доверчивую мушку в свои сети. В сентябре 1497 года Александр VI формально развел дочь с бежавшим Джиованни Сфорца, объявив главной причиной его неспособность к брачной жизни, и повенчал Лукрецию с юным Альфонсом, который недолго наслаждался супружеским счастьем, так как Александр VI под благовидным предлогом отправил его с важной миссией в Неаполь, продержав герцога в разлуке с обожаемой женою около двух лет. На основании брачного договора Лукреция стала правительницей Сполето и получила в пожизненное владение город Сермонетто со всеми угодьями. Обладая состоянием, которому бы позавидовала любая принцесса крови, Лукреция поселилась в Ватикане, в великолепных апартаментах, окруженная царской роскошью, деля свою любовь между отцом и братом и собирая вокруг себя развратных женщин со всего Рима, устраивая оргии, напоминавшие времена Тиберия, Нерона и Гелиогабала. Днем она развлекалась охотами, боями быков и беганьем женщин взапуски на призы от замка Св. Ангела до площади Св. Петра, ночью давала балы, маскарады и пиры в присутствии «его святейшества» папы, постоянно оканчивавшиеся убийствами. Чтобы поддержать всю эту неслыханную роскошь, требовалось золото, много золота, и поэтому достойное трио Борджия приглашало на свои вечера знатных вельмож, которые, выпив кубок вина, поднесенный им прекрасной Лукрецией, умирали, не

успев встать из-за пиршественного стола, или поражались Цезарем, владевшим кинжалом в совершенстве, а их имущество моментально конфисковывалось. Трагическая смерть одного из присутствующих нисколько не портила настроения общества, продолжавшего веселиться и забавляться, не обращая внимания на присутствие трупа. Чтобы иметь понятие о том, что творилось на этих пирах, достаточно рассказать об одном, происходившем в последнее воскресенье октября 1499 года в апартаментах герцога Валентинуа. Во время ужина 50 куртизанок, молодых и красивых, из числа подруг Лукреции, сперва одетые, а затем совершенно обнаженные, исполняли с папскими конюхами и мелкими служащими пляски, от которых с отвращением отвернулись бы древние вакханки. Этим, однако, не ограничились. Убрав столы, на полу симметрично расставили зажженные канделябры, разбросав между ними большое количество диких каштанов, и полсотни нагих женщин, двигаясь на четвереньках, должны были подбирать их ртом. Борджия с возвышения наблюдали за представлением, поощряя аплодисментами более ловких, которые получали в награду вышитые подвязки, бархатные башмаки или чепцы из золотистого сукна, отделанные кружевами. Иногда и Лукреция, к общему восторгу, принимала участие в подобных забавах. Оканчивались эти вечера кощунственным нарушением седьмой заповеди. Могло ли быть что-нибудь ужаснее! И все эти мерзости разврата творились с одобрения главы католического духовенства, всячески поощрявшего их!

Охотами, балами, маскарадами, пирами-оргиями с отравлениями и убийствами в виде десерта далеко не исчерпывались развлечения Александра VI, Цезаря и их любовницы. Устраивались зрелища более интересные. Так, например, в том же 1499 году папа, чтобы развлечь свою дочь, заскучавшую от однообразия ватиканской жизни, придумал следующую дьявольскую «шутку». В одной из тюрем томилась женщина, по имени Корсетта, имевшая любовником испанского мавра, посещавшего ее, переодеваясь в женское платье. Мавр за это был приговорен к сожжению... Однако прежде чем казнить его, Александр VI приказал провести преступников через весь город, чтобы подобным примером устрашить народ. Корсетта шла совершенно нагая, мавр — в женском платье, в котором он посещал любовницу, поднятом выше талии, чтобы все видели его пол.

К сожалению, «шутка» удалась не вполне. Начавшийся дождь, несмотря на все старания палача, заливал огонь костра, на котором должны были сжечь мавра. Народ счел это чудом и требовал помилования, Лукреция же вернулась к себе очень огорченная, лишившись самой интересной части зрелища. Чтобы вознаградить ее, Александр VI 11 ноября устроил дочери другое представление. Во двор Ватикана привели двух кобыл и пустили к ним четырех жеребцов... Мы отказываемся описывать дальнейшие подробности, доставившие Лукреции и ее отцу истинное удовольствие.

В это время Лукреция приобрела неограниченное влияние на Александра VI, полностью подчинив его себе. Она давала аудиенции кардиналам, принимала участие во всех политических и церковных делах, вскрывала отцовскую переписку, подписывала приказы, наказывала и награждала и довела свое нахальство до того, что появлялась со своими товарками по разврату в базилике Св. Петра, где лики Мадонн и святых были точными копиями лица Розы Ваноцци. Осенью 1499 года она обратила внимание на красивого миланца Фабриция Баглиони. Молодой человек, не имевший никаких богатств, кроме здравого смысла, думал, что ничем не рискует, отвечая на любезности Лукреции. В течение недели он пользовался ее расположением, не видя к этому ни малейших препятствий. Но ревнивый Цезарь не мог допустить продолжения романа, отнимавшего у него его любовницу. Он предложил сестре расстаться с Баглиони, однако на этот раз Лукреция наотрез отказалась повиноваться, предупредив, что никогда не простит брату, если с Фабрицием что-либо случится. Опасаясь предательства, она окружила нового любовника своими слугами, отвечавшими головой за его жизнь, сама наливала ему вино и подавала кушанье за ужином. Однако ее заботы не спасли Баглиони от мстительности Цезаря. Однажды на охоте герцог Валентинуа угостил своего соперника долькой апельсина, и красивый юноша через час скончался. Лукреция в течение нескольких дней дулась на брата, но празднества, устроенные папой по случаю приезда герцога Бишельи, «благородного супруга недостойной дочери Александра VI», заставили ее забыть несчастного Фабриция.

Вступив в союз с королем Франции, Карлом VIII, семье Борджия пришлось нарушить дружественные отношения с неаполитанской династией и, стало быть,

следовало порвать брачные узы Лукреции. И вот 2 января 1500 года на лестнице храма Св. Петра четверо замаскированных напали и смертельно ранили герцога Бишельи. Целый месяц Лукреция выхаживала и охраняла тяжело больного мужа. Это не понравилось Цезарю. Раздраженный тем, что герцог недостаточно быстро умирает, он посетил больного и произнес роковые слова: «Что не успели сделать за обедом, то можно сделать за ужином». Через несколько дней герцог Бишельи был задушен в своей постели.

После третьего вдовства Лукреция родила мальчика. От кого? В двух буллах, хранящихся в моденском архиве, Александр VI в одной признает ребенка сыном Цезаря, в другой — своим собственным. Эта откровенность не нуждается в комментариях.

Едва прошел год со смерти герцога Бишельи, Лукреция соединила свою судьбу с четвертым супругом, Альфонсом д'Эстэ, герцогом Феррарским, вместе с которым уехала в свои новые владения. Удалившись от безумных оргий папского двора, она вела в Ферраре более скромный образ жизни, окруженная блестящим двором, художниками, учеными и поэтами, поощряя искусства. Последним ее любовником был известный поэт той эпохи Пьетро Бембо, которого, если судить по сохранившимся письмам, она очень любила. В числе ее поклонников был и знаменитый Людовико Ариосто, посвятивший дочери Александра VI октаву в XIII песне своего «Неистового Роланда», считая при этом нравственным долгом, по понятиям той эпохи, воспроизвести высокопарную ложь, хотя был хорошо осведомлен об истинном положении дел. В его поэме волшебница Мелисса, перечисляя храброй воительнице Брадаманте славных женщин ее потомства, говорит: «Но что сказать о Лукреции Борджия? Как цветок, который растет и поднимается на плодородной почве, так и ее красота, ее добродетель, ее счастье и высокая слава, все увеличиваясь, заставят восхищаться ею. Она еще не родилась, а между тем я уже почитаю ту, подле которой другие женщины будут как олово в сравнении с серебром, медь в сравнении с золотом, темный мак в сравнении с розой, бледная ива с вечнозеленым лавром и раскрашенное стекло с драгоценными каменьями. Однако из всех похвал, какие ей будут расточаться при жизни и даже после ее смерти, самым лестным будет воспоминание о добродетелях и благородных чувствах, кото-

рые она сумеет передать своим сыновьям, одинаково знаменитым в церкви и в военном деле» *. Наивные восторги поэта не смогли, однако, восстановить запятнанной репутации Лукреции.

Ужасная смерть Александра VI (1503), кончина Розы Ваноцци (1504) и Цезаря (1507) мало тронули сердце холодной женщины. Она отнеслась совершенно равнодушно к печальным событиям, не пролив ни одной слезинки в память людей, давших ей жизнь и деливших с нею объятия.

Однако перед смертью она вспомнила о дочери и, под предлогом путешествия в Венецию, отправилась в окрестности Вероны. Прибыв ночью в деревушку, она разыскала семью Маццнтелли и, не называя своего имени, справилась о девочке по имени Джулия, девятнадцать лет назад отданной им на воспитание. Крестьяне с грустью сообщили ей, что их воспитанница умерла скоропостижно в прошлый четверг, в 9 часов вечера.

Это был именно тот час, в который Лукреция впервые вспомнила о дочери. Не только прикосновение, но даже мысль этой порочной женщины убивала все, к чему прикасалась. Что сталось с ее сыном — неизвестно.

Лукреция скончалась 39-ти лет в Ферраре. Природа, наделив ее красотой, забыла вложить в это дивное тело хоть частичку души; воспитание не внушило ей никаких нравственных понятий, не развило в ней сознания женского достоинства и чувства стыдливости, а жизнь сделала рабою отца и брата.

Известное двустишие поэта Джакомо Санназара оправдывает обвинительный приговор потомства над Лукрецией:

Здесь покоится Лукреция по имени,
По поведению — Таиса, дочь, жена,
и невестка Александра.

* Л. Ариосто. «Неистовый Роланд», перевод под редакцией В. Р. Зотова.

Форнарина

«Один раз человеческой душе было подобное откровение; дважды случиться оно не может»... Это писал В. А. Жуковский, посетив в 1821 году дрезденскую галерею, где любовался «Сикстинской Мадонной» Рафаэля. «Час, который провел я перед этой Мадонной, — откровенно сознается наш поэт, — принадлежит к счастливейшим часам моей жизни». Этому можно поверить. Все мы, конечно, не раз восхищались — если не оригиналом, то хотя бы приблизительно схожими копиями — гениальным творением величайшего мирового художника, в этой картине превзошедшего самого себя; но, может быть, не всем известно, что небесные черты Непорочной Девы списаны с существа далеко не идеального, явившегося главной причиной безвременной кончины того, кто обессмертил недостойную девушку, кто обожествил обыкновенную куртизанку, погубившую его своими ненасытными ласками в самом расцвете молодости и таланта. Напрасно некоторые пытаются оправдать ее. Вина Форнарины не подлежит теперь никакому сомнению. Она совершила величайшее из преступлений — убийство гения в то время, когда им начинал восторгаться весь мир.

Это случилось в эпоху, именуемую «Возрождением», в первые годы XVI века, в Риме, при папе Льве X из дома Медичи, своим покровительством ученым, артистам и поэтам как бы воскресившим блестящие времена Перикла и Августа. За его восьмилетнее царствование Рафаэль обогатил Ватикан своими шедеврами и занялся перестройкой базилики Св. Петра, к сожалению, не успев окончить начатого. В это же время в Риме проживал богатейший банкир Агостино Чиги, соперничавший с папой в любви к искусствам. Построив в Трастеверо, одном из красивейших кварталов «Вечного города», на правом берегу Тибра дворец, названный «Вил-

лой Фарнезино», он задумал создать из него чудо. И вот, когда в 1514 году Лев X назначил Рафаэля главным архитектором собора Св. Петра, Агостино Чиги, воспользовавшись пребыванием знаменитого художника в Риме, предложил ему разрисовать главную галерею «Фарнезино». Так как Рафаэль не мог поселиться в Ватикане, банкир отвел ему роскошное помещение в своем дворце, выходившее окнами в очаровательный парк, и не скупился на расходы в восторге от согласия художника украсить его жилище своим несравненным талантом.

Повинуясь желаниям владельца, Рафаэль принялся за работу на мифологические сюжеты. Уже стены галереи украсились знаменитыми фресками «Три грации» и «Галатея», когда художнику пришлось остановиться за неимением модели для изображения «Амура и Психеи». Однажды, прогуливаясь по аллеям роскошного парка в сопровождении одного из своих многочисленных учеников, Франческо Пенни, он очутился на берегу Тибра, где увидел девушку, наружность которой заставила учащенно забиться его сердце. Незнакомке, прекрасной, как Мадонна, на вид было лет 17—18; она стояла, прислонившись к дереву, освещенная лучами яркого полуденного солнца, проникавшими сквозь листву. Восхищенный Рафаэль тотчас же узнал, что ее зовут Маргаритой Лути, что она дочь хлебопека и живет неподалеку. Оказалось, что Маргарите очень бы хотелось хоть разок прогуляться по чудесному парку «Фарнезино», но она боится позволить себе такую смелость. Рафаэль ответил, что очаровательной девушке все позволено, и, взяв за руку, повел скромницу в парк.

— Я нашел наконец Психею!.. — шепнул он по дороге Франческо Пенни, который, найдя свое присутствие лишним, исчез.

По осмотре парка художник привел Маргариту в мастерскую. Прекрасная дочь хлебопека с любопытством рассматривала этюды и эскизы, развешанные по стенам, наивно восхищаясь искусством своего нового знакомца. На предложение Рафаэля нарисовать ее портрет Маргарита, не имевшая ничего против, побоялась согласиться без разрешения отца и жениха. Итак, она невеста! Это обстоятельство несколько смутило художника, хотя красавица сейчас же откровенно призналась, что выходит замуж совсем не по любви, а просто потому, что в 17 лет стыдно оставаться в девушках. Да и

жених-то ее не особенно важная персона, он — пастух в Альбано, принадлежащем Агостино Чиги. Рафаэль возмутился, находя, что такой жених недостоин Маргариты, что с ее чудными глазками, дивным ротиком и великолепными волосами она должна принадлежать по крайней мере принцу крови. Простодушная дочь хлебопека и сама, по-видимому, разделяла подобный взгляд, но уже поздно было думать о принце, когда она просватана за пастуха. В благодарность за посещение художник предложил Маргарите превосходное золотое ожерелье, купленное им накануне для куртизанки Андреа, уже несколько недель бывшей его любовницей, но девушка, покраснев до ушей, не приняла подарка, найдя его слишком роскошным. Тогда Рафаэль предложил ей купить его всего за десять поцелуев. Маргарита взглянула на продавца. Рафаэлю шел 31-й год, и если его нельзя было назвать красавцем, во всяком случае, он был очень интересным мужчиной. Осмотр, очевидно, произвел благоприятное впечатление, так как покупка состоялась, да не за десять, а за сто, за тысячу поцелуев! Вырвавшись, наконец, от ненасытного торговца, Маргарита, убегая, крикнула, что если он хочет увидеться с ней завтра, пусть поговорит с отцом.

Рафаэль вошел в пекарню Лути почти одновременно с девушкой и при помощи 50 золотых монет получил согласие отца нарисовать сколько угодно портретов с его дочери. Кроме того, покладистый родитель взял на себя заботу объясниться со своим будущим зятем-пастухом и, в случае чего, обещал образумить малого.

После этого приключения Рафаэль не спал целую ночь. Страстно влюбленный в прекрасную Форнарину, как он мысленно прозвал Маргариту по профессии ее отца (forno — печь, fornaj — пекарь), художник считал часы и минуты, ожидая завтрашнего свидания.

А что делала в эту ночь Форнарина? Думала ли она о Рафаэле? Да, и вот при каких обстоятельствах.

В полночь, когда пекарь с помощниками месил тесто, Маргарита, запершись в своей комнате наверху, сидела с молодым мужчиной. Это был ее жених Томазо Чинелли, тайно посещавший свою будущую жену каждую ночь в течение месяца. Что делать, по разным причинам свадьба молодых людей все откладывалась, и нетерпение заставляло их раньше времени изведать то счастие, которое должен был принести с собою брак.

Значит, Маргарита обманула Рафаэля, заявив, что выходит замуж не по любви? И да, и нет. Бедный художник! Вместо того чтобы лежать с открытыми глазами в роскошных апартаментах «Фарнезино», мечтая о будущем свидании с Форнариной, он хорошо бы сделал, если бы с помощью какого-нибудь услужливого демона мог перенестись в комнату дочери хлебопека. То, что происходило там между Маргаритой и Томазо, наверное, отрезвило бы его.

Пастух тотчас же заметил драгоценную обновку, которую его невеста, по забывчивости или с умыслом, не сняла с шеи, и поинтересовался, от кого она ее получила. Молодая девушка не скрыла от жениха ни одной подробности, дерзко прибавив, чтобы он и не думал вмешиваться в дела, ничуть его не касающиеся. Однако Томазо, пользуясь правами жениха, стал горько упрекать Маргариту в измене, находя ее поведение гнусным. Уж не хочет ли она уподобиться куртизанкам, которых содержит Рафаэль, славящийся своим легкомыслием? Девушка, пересиливая боль, так как раздраженный Томазо слишком крепко сжимал ее руки, ответила, что готова сделаться куртизанкой, чтобы иметь горы золота, благодаря которому она избавится от диких сцен, вроде теперешней. Томазо опомнился и, искренно любя Маргариту, бросился перед ней на колени, умоляя о прощении. Хорошо, она простит его, но с условием являться к ней не иначе как по приглашению. Пастуху ничего не оставалось, как согласиться, однако он потребовал, чтобы она тотчас же в церкви Санта-Мария дель Пополо торжественно поклялась выйти за него замуж. Маргарита уже направилась к двери, когда Томазо удержал ее. До рассвета оставалось еще часа четыре, и эту последнюю ночь они должны провести вместе. Маргарита молча повиновалась, не препятствуя любовнику ласкать себя, а затем стала отвечать на его ласки с такою горячностью, что, казалось, в ней вместо крови течет лава. Частые любовные излишества, ничуть не повлиявшие на здоровье грубого пастуха, оказались впоследствии роковыми для гениального художника, не нашедшего в себе достаточно сил для удовлетворения чудовищной страсти прекрасной Форнарины. На рассвете Томазо и Маргарита были в церкви, где девушка спокойно принесла клятву, требуемую женихом, не постеснявшись вскоре там же поклясться Рафаэлю никогда не принадлежать никому, кроме него.

Теперь мы достаточно хорошо знаем Маргариту Лути, которую некоторые писатели стараются изобразить «наивным ребенком», не способным стать причиной смерти выдающегося художника. Увы, этот «наивный ребенок» в действительности была наглой и порочной куртизанкой. Когда, почти накануне венчания с пастухом, случай открыл перед нею дорогу, усеянную удовольствиями и радостями, о которых она, быть может, мечтала, никогда не надеясь иметь, она без колебаний, без малейших угрызений совести, только что освободившись из объятий жениха, тотчас же охотно бросилась в объятия другого. К несчастью, эта недостойная девушка была первой и единственной любовью Рафаэля, избалованного женщинами, но отдавшего ей все восторги своего счастья.

В 10 часов утра, согласно обещанию Маргариты, художник ждал ее у калитки парка, выходившей на берег Тибра. Она не опоздала, превосходно разыграв роль наивной девушки, впервые идущей на свидание. Надо сознаться, что в большинстве случаев влюбленные слепы и любят своих пассий за кажущиеся достоинства, а не за действительные, поэтому и Рафаэлю хотелось видеть в этой девушке, не постеснявшейся при первом знакомстве уплатить ему поцелуями за драгоценность, олицетворение целомудрия, и самому повести ее к сладчайшему из грехов. Ведь она откровенно созналась, что не любит своего жениха, значит, пока еще не споткнулась. Доверчивый Рафаэль был введен в заблуждение ангельским выражением прелестного личика дочери хлебопека. Сколько раз в порыве своей любви великий художник изображал эту очаровательную головку! С 1514 года он уже не ограничивается созданием ее портретов, являвшихся шедеврами из шедевров, он создал из нее дюжину Мадонн и столько же святых, которым будут поклоняться, и черты Форнарины, преображенные кистью гения, никогда не надоедят!

В первый сеанс Маргарита позировала для Психеи, до сих пор украшающей виллу «Фарнезино». Странная и благородная сила искусства! В течение сеанса мужчина уступал место художнику. Восторг заставлял замолкнуть желания, и, оставаясь наедине с Форнариной четыре часа, он страстно отдавался работе.

— О, как ты прекрасна!.. — повторял артист при каждом взмахе карандаша.

Обнажая бестрепетной рукой чудную шею и плечи красавицы, он делал это, как истинный артист, а не как любовник. Напрасно Форнарина старалась краснеть; рука, распоряжавшаяся ее одеждой, была так же чиста, как и мысль, водившая ею. Развратная девушка, не привыкшая к подобному восторженному обращению, уже думала, что ошиблась в расчете, являясь для Рафаэля только моделью, и дивилась щедрости художника, заплатившего ее отцу 50 золотых за такие пустяки. Она притворилась утомленной, намекнула о возвращении домой, напомнив, что в это время привыкла обедать, а он, увлеченный работой, забыл, что все живущее на земле должно питаться. Приказав подать обед, Рафаэль сам прислуживал дорогой гостье. Можно, конечно, догадаться, что за столом речь шла вовсе не об искусстве, хотя Форнарина до конца разыгрывала роль невинности, опьянив, обезумив влюбленного. Она делала вид, что у нее насильно требуют ласки, которые на самом деле она отдавала сознательно... Сумерки застали любовников в объятиях друг друга, но приглашение Рафаэля в Ватикан заставило их расстаться. Они простились долгим поцелуем, и Рафаэль уехал, взяв с Маргариты обещание прийти завтра.

Но великий художник не отличался терпением. Выйдя из Ватикана, он повстречал Франческо Пенни, и учитель с учеником, отпустив носилки, отправились... нетрудно догадаться куда: к дому хлебопека Лути. Форнарина еще не спала. Она была не так глупа, чтобы заснуть, предчувствуя этот визит. Девушка сидела у открытого окна, когда заметила Рафаэля и Франческо Пенни, остановившихся напротив. Не желая встречаться с хлебопеком, они, очевидно, искали способа незаметно проникнуть к его дочери. Девушка тотчас же указала им дорогу, проторенную Томазо Чинелли, и молодые люди, не заставив дважды повторять приглашения, перелезли через стену и спустя несколько минут уже были в саду, где их встретила Маргарита. Забыв о присутствии ученика, художник, увлеченный моделью, прошел в ее каморку, показавшуюся ему алтарем невинности. В течение пяти часов, вплоть до рассвета, Франческо Пенни терпеливо ожидал учителя. Наконец тот явился — восторженный, взволнованный, готовый отдать хлебопеку все, чего бы тот ни пожелал, лишь бы только Маргарита всецело принадлежала ему одному. Франческо Пенни, искренно любивший Рафаэля, возможно,

предчувствовал катастрофу от этой связи и осторожно намекнул на опасность своему учителю.

— Ах, да разве ты не знаешь, — воскликнул великий артист, — что художник становится талантливее, когда так любит или бывает так любим!.. Любовь вдохновляет гения!.. Ты увидишь, какие картины я напишу с Маргариты!.. Само небо послало мне ее!..

Франческо Пенни был вынужден замолчать.

Во все времена и во всех странах с помощью золота нетрудно было побеждать родительские предрассудки, а в Италии, особенно в описываемую эпоху, низший класс за деньги соглашался на все. Если за 50 золотых монет хлебопек разрешил Рафаэлю нарисовать сколько угодно портретов с его дочери, за 3000 он позволил художнику увезти Маргариту куда ему вздумается, даже не определив срока. Положим, в Альбано и проживал человек, несколько беспокоивший папашу, но его ловкая дочка брала на себя хлопоты поладить с женихом.

Рафаэль нанял для своей любовницы красивую виллу в одном из римских предместий, одел развратницу с ног до головы и осыпал драгоценностями. У нее появились лошади и экипажи, словом, дочь хлебопека жила, как настоящая принцесса.

В течение года любовники не расставались ни на один час. Рафаэль никого не хотел видеть, никуда не выходил, пренебрегая работами и занятиями с учениками. Папа начинал раздражаться, а Агостино Чиги, огорченный приостановкой работ по украшению своего дворца, предложил Рафаэлю, если уж он не может обходиться без очаровательной девушки, перевезти ее в «Фарнезино», для чего уступал помещение рядом с мастерской художника. Рафаэль, наивно предполагая, что Маргарита не захочет оставить их «любовное гнездышко», был несколько удивлен ее быстрым согласием на переезд. Ловкая интриганка, оправдываясь тем, что была бы в отчаянии, если бы из-за нее Рафаэль отказался от своей славы и заработка, на самом деле преследовала совершенно другую цель. Томазо Чинелли, недовольный поведением Маргариты, посылал ей письмо за письмом, очень беспокоившие молодую девушку, ей было необходимо оградить себя от его гнева, а быть может, и мести. Могла ли дочь хлебопека отыскать лучшего защитника, чем Агостино Чиги, хозяина пастуха? Оставалось только найти способ приобрести его покровительство, и Форнарина нашла его.

Однажды, по уходе Рафаэля в Ватикан, Маргарите подали новое письмо от ее бывшего жениха, в котором он серьезно угрожал — если в течение трех суток она не назначит ему свидания — явиться и лично рассказать художнику про свой роман. «Я хочу, чтобы твой любовник знал, чего ты стоишь» — так оканчивалось послание Томазо. Подобный оборот дела вовсе не входил в расчеты дочери хлебопека. Приходилось ковать железо, пока горячо, теперь не оставалось времени для размышлений. К счастью Форнарины, ей доложили о приходе Агостино Чиги. На ловца и зверь бежит! Пока камеристка пошла его пригласить, любовница Рафаэля быстро расстегнула ворот своего утреннего капота, обнажив роскошные плечи. При виде туалета красавицы, слишком нарочито приведенного в беспорядок, банкир понял, что настал самый удобный момент убедиться, смеются над ним или нет. Он сел возле Форнарины, обнял ее гибкий стан и прикоснулся губами к беломраморной груди. Сопротивления не последовало. Это придало мужества старому селадону, крепко поцеловавшему Форнарину прямо в чудесный алый ротик. Интриганка не мешала ему насладиться первым самым сладким поцелуем. Банкир обезумел от радости и страстно клялся ей в любви, умоляя о взаимности. Форнарина потребовала доказательств. О, он исполнит все, что она прикажет! Тогда неверная любовница Рафаэля рассказала ему о своем недоразумении с Томазо, умолчав, конечно, о связи с ним, и просила избавить ее от дальнейших преследований жениха, которого она не любит и никогда не любила. Разумеется, влюбленный банкир, обрадованный, что от него не требуют большего, немедленно обещал все устроить. В тот же вечер, когда ничего не подозревавший пастух гнал домой свое стадо, четверо замаскированных людей схватили его, связали, бросили на мула и доставили в Судьяко, в монастырь Санто-Козимо, настоятель которого, двоюродный брат и друг Агостино Чиги, за малую толику «презренного металла» должен был продержать Томазо в темнице до тех пор, пока не поступит приказание освободить его.

В течение шестилетней связи с Рафаэлем Форнарина обманывала его довольно часто. Однажды дело окончилось даже трагедией.

В годы расцвета славы Рафаэля не проходило месяца, чтобы из Неаполя, Болоньи, Модены и других городов Италии, Испании и даже Голландии какой-нибудь

молодой художник не приезжал в «Фариезино» к Рафаэлю с просьбой приинять его в число учеников. Надо отдать справедливость этим юношам, которые, восхищаясь очаровательной любовницей знаменитого артиста, без зазрения совести кокетничавшей с ними, настолько уважали своего учителя, что никому из иих и в голову не приходило воспользоваться доступностью его подруги. Перино дель Вага, один из самых выдающихся учеников Рафаэля, в разговоре с Джулио Романо выразился так: «Если бы я нашел ее в своей постели, то скорее перевернул бы матрац на другую сторону, чем лег рядом с ней». Но иашелся молодчик, державшийся иных взглядов. В 1518 году Рафаэль принял в число учеников юного болонца по имени Карло Тирабоччи, который почти тотчас по приезде в «Фарнезино» сошелся с Маргаритой. Вскоре все, за исключением самого Рафаэля, узнали истину, так как дочь хлебопека и болонец не особенно скрывали свои отношения. Считая, что Тирабоччи совершил проступок, почти преступление, остальные ученики порвали с ним всякие сношения. Сначала это его мало беспокоило. Он считал, что ему завидуют, и только. Форнариия, с своей стороны, поддерживала в нем подобную иллюзию. Одиако Тирабоччи волей-неволей пришлось объясниться с товарищами. Слово за слово, дело дошло до дуэли, и болонец пал, пораженный ударом шпаги Перино дель Вага. От Рафаэля скрыли истинную причину поединка, а Фориарина нашла другого любовника. Этим все и кончилось.

Жажда любви, жажда жарких поцелуев и объятий куртизанки, умышленно вызывавшей порывы страсти Рафаэля и никогда не отказывавшей ему в ласках, чтобы не внушить подозрений в своей иевериости, вскоре расшатали здоровье гениального художника. Общее недомогание организма врачи объяснили простудой, так как Рафаэль скрыл от них злоупотреблеиие любовью, и пустили больиому кровь, ослабив его, вместо того чтобы укрепить. Ошибка врачей и невежество любовницы, до последнего вздоха чрезмерно возбуждавшей эту пылкую душу, помещавшуюся в слишком хрупком теле, приблизили день смерти Рафаэля. Одиажды, почувствовав себя немного лучше, великий художник поверил в возвращеиие здоровья и опьянел от сладострастия иа груди Форнарины, не иашедшей в себе ума помешать безумству. Уж лучше бы она поднесла ему чашу с ядом! Это окончательио погубило его. Узнав о тяжкой болез-

ни художника, Лев X послал умирающему свое благословение. Вошедший кардинал, увидев стоявшую на коленях у постели больного женщину, приказал удалить ее, так как не решался передать Рафаэлю папское напутствие в присутствии особы, жившей с ним в преступной связи. Форнарине предложили уйти, но комедиантка, схватившись за ножки постели, превосходно разыграла отчаяние. Она рыдала, била себя в грудь, и только силой ее смогли удалить. Убедившись, что конец близок, Рафаэль почувствовал отвращение и ужас к предмету своего предсмертного безумства и умолял не пускать к нему Форнарину. Франческо Пенни и Джулио Романо не отходили от его постели. Напрасно развратница просила, умоляла, она увидела любовника, только когда его глаза навеки закрылись. Великий Рафаэль скончался в Великую Пятницу, 6 апреля 1520 года, в день своего рождения. По завещанию он оставил своей любовнице достаточно средств, чтобы она могла вести честную жизнь, но не таков был ее характер. Она продолжала пользоваться покровительством Агостино Чиги и считалась в Риме одною из самых шикарных куртизанок. Однако, боясь неприятностей со стороны учеников Рафаэля, она, по совету банкира, на несколько дней скрылась в доме своего отца, где от Томазо Чинелли, просидевшего, благодаря ей, пять лет в заточении и теперь бежавшего из монастыря, получила то, чего заслуживала. Вначале, испуганная его появлением, Маргарита приготовилась к смерти, но увидев, что бывший жених не имеет грозного намерения, бесстыдно предложила ему свои объятия. Честный малый с презрением отвернулся и, схватив горсть земли, бросил ее в лицо развратнице.

Маргарита Лути окончила свою позорную жизнь в монастыре, но когда — неизвестно. Такова была эта гнусная женщина, идеальные изображения которой в виде Мадонн украшают дворцы и музеи. Пронизанная в жизни земными пороками, она смотрит на нас с полотна, полная небесных добродетелей, обожествленная любовником, обожавшим ее. «Один раз человеческой душе было подобное откровение; дважды случиться оно не может».

РЕФОРМАЦИЯ

Екатерина Медичи

Елизавета Тюдор

Габриэль д'Эстрэ

Маркиза Рамбулье

Марион де Лорм

Вступление

В то время как римские первосвященники легкомысленно утопали в бездне утонченного разврата, упоенные собственной неограниченной властью, не видя пределов своему могуществу, судьба готовила им страшный удар, отвести который они были не в состоянии. Таинственная рука уже начертала на стенах Ватикана роковые слова: «Мани, факел, фарес», Вальтасаров пир подходил к концу!

Если попытки Джироламо Савонаролы (Италия), Иоанна Гусса (Богемия) и Джона Виклеффа (Англия), являвшихся предтечами реформации, добивавшихся ниспровержения папского произвола и восстановления религии истинного Бога, не увенчались желанным успехом, причину неудачи следует приписать, во-первых, недостаточно ясно мотивированным протестам, плохо воспринятым народом, а во-вторых, правящим классам, вполне удовлетворенным существующим порядком вещей, несомненно, очень выгодным для них. Слов нет, эти попытки не прошли бесследно. Под их давлением тяжелый кошмар начинал рассеиваться, и женщина — особенно в эпоху Возрождения, завершившую собою средние века, — сумела отрешиться от заблуждений, навеянных на нее стараниями не в меру услужливого рыцарства с его романтизмом, развенчанным Сервантесом, и поспешила реабилитировать свою репутацию. Женщины, названные католическими догматами «вместилищем греха», основывали знаменитые впоследствии школы (Арль, Пуатье), придали больше выразительности церковной музыке, появлением на театральных подмостках внесли новую жизнь в сценическое искусство, вдохновляли художников, поэтов и ваятелей и, что самое главное, парализовали феодализм, тщетно старавшийся вернуться к прежнему. Песенка его была спета.

В таком положении находились дела, когда в Вюртенбургском университете на Эльбе возникли духовные споры между монахами, в которых приняло участие и высшее духовенство. В то время никому и в голову не пришло, что подобное ничтожное внешне обстоятельство окажет влияние на европейское общество. Однако именно оно дало толчок последующим событиям, разыгравшимся с поразительной быстротой.

В одном из тюрингских монастырей учился юноша по имени Мартин Лютер, принимавший очень близко к сердцу дела христианства. Чутко прислушиваясь к духовным спорам и зорко всматриваясь в окружающее, молодой августинский монах, сознавая все недостатки католицизма, решил совершить переворот и, смело выступив против злоупотреблений религий, нанес решительный удар католичеству, этому колоссу на глиняных ногах, доказав его полнейшую несостоятельность в удовлетворении насущных духовных потребностей времени. Доступность его речей привлекала народ, с восторгом слушавший своего защитника. Посетив в 1510 году Рим, Лютер воочию убедился в греховности «непогрешимых» и ревностно восстал против церковных кощунств, продажи индульгенций, вымогательства и поголовной развращенности духовенства. За эту дерзость в 1517 году он был отлучен Львом X от церкви, а четыре года спустя сам отрекся от папы и вместе со своим другом и единомышленником Филиппом Меланхтоном основал в Германии новую религию — протестантскую, позднее названную его многочисленными последователями лютеранской. Пример не остался без подражаний. Он прокатился громким эхом по всей Европе, гулко отдавшись в Швейцарии (Ульрих Цвингли), Франции (Иоанн Шовен-Кальвин), Швеции, Англии (Томас Кранмер) и Шотландии (Джон Нокс). Религиозный раскол породил целую плеяду всевозможных реформаторов: явились пресвитериане (Вильгельм Фарель), пуритане, анабаптисты (Шторх), верившие в единого Бога, но имевшие различные обряды поклонения Ему. Вспыхнули бесконечные религиозные войны, напомнившие эпоху первых веков христианства, освободившие почти половину Западной Европы от чудовищной опеки пап. Если в духовных делах они еще и сохранили коекакой авторитет, их светская власть была подорвана в корне. Этому освободительному движению немало способствовали выдающиеся ученые, философы и поэты

(Галилей, Коперник, Паскаль, Спиноза, Декарт, Эразм Роттердамский, Рабле и др.), видевшие в реформации зарю новой эры, способную повлиять не только на церковные дела, но и на весь строй жизни, сразу изменившийся к лучшему. Эта эпоха, справедливо называемая «эпохой великого переворота в умах и понятиях людей», была неутомимой поборницей новых идей и прогресса. Протестантизм явился естественным переходом к политической свободе, находясь в связи со всеми событиями XVI века, самого выдающегося в новейшей истории.

Реформация не проклинала и не отвергала женщин, подобно лицемерному католицизму. Лютер смотрел на них весьма благосклонно. «Кто не любит вина, песен и женщин, — говорил он, — тот навсегда останется дураком», но и он все-таки обрекал их на служение мужчине. Жена обязана неустанно работать на мужа, во всем ему повиноваться и стараться украшать его жизнь. От жен начали требовать, чтобы они были добрыми христианками, разумными матерями, верными супругами, экономными распорядительными хозяйками и послушными помощницами мужа. Гуманисты вполне соглашались с подобными взглядами на прекрасный пол. Так, например, Ульрих фон Гуттен писал своему другу: «Дай мне жену молодую, воспитанную, жизнерадостную, целомудренную и терпеливую, которая заботилась бы обо мне и с которой я мог бы играть, шутить и вести приятную, легкую беседу». В данном случае лютеранство не особенно далеко отошло от католичества; если последнее опиралось на учения отцов церкви, чтобы поставить женщину в зависимость от мужчины, первое утверждало, что жена подчинена во всех отношениях власти мужа по естественному праву, осужденная самой природой в брачном союзе служить продолжению потомства.

Обновив запятнанную католицизмом религию, лютеранство ополчилось против нелепостей его доктрин, уничтожило монастыри, эти рассадники разврата, дозволило духовным лицам вступать в браки — сам Лютер показал пример, женившись на монахине Екатерине фон Бора, — не признавало постов и насмехалось над самоистязаниями. Краеугольным камнем реформации явилась Библия, и, ссылаясь на нее, реформаторы всеми силами старались восстановить патриархальное семейство в чисто библейском духе. На первых порах их старания были не бесплодны, но мало-помалу старые

привычки взяли верх над новыми. Лютер требовал чистоты нравов, всей душой ненавидя «жриц свободной любви», вследствие чего строгие законы против прелюбодеяний, почти забытые, стали приводиться в исполнение. Чистоту брачного ложа старались охранить страхом наказаний, но этим, увы, только испортили дело. Быть может, брачное ложе иногда и оставалось чистым, но лишь потому, что существовали другие, отнюдь не претендовавшие на подобную привилегию. Правда, фундамент прежнего общества рушился: авторитет католицизма заменился авторитетом разума, отвлеченная теология уступила место положительной науке, эпикурейство заменило аскетизм, свобода мысли стала главным принципом гуманистов, но, к сожалению, все благие начинания, созидающие много хорошего, в то же время приносят и много дурного. Средства осчастливить сразу всех еще не придумано. Пока врачи ищут способ избавиться от одной болезни, появляется другая. Эдиа, спасший фивян от сфинкса, занес к ним чуму.

В этом религиозном движении женщины, по обыкновению, приняли горячее участие, надеясь, благодаря ему, добиться равноправия, осуществить свою вековую мечту, но убедившись, что новая религия относится к ним по-старому, уподобились Пенелопе, которая, выражаясь словами нашего А. Е. Измайлова:

Что днем ни сделает,
То перепортит в ночь.

Это было большой ошибкой с их стороны, тотчас же вызвавшей целый ряд ядовитых насмешек со стороны выдающихся писателей. Преступление праматери Евы снова было поставлено в вину женщине, а припомнив происхождение ее от Адамова ребра, еще раз подчеркнули ее подчиненность мужчине. «Ничтожность, женщина, твое название!» — вложил Шекспир в уста Гамлета, а Свифт доказывал даже, что женский пол — нечто среднее между человеком и обезьяной. Другие отстаивали права мужа бить и наказывать жену. Так, например, в книге «О злых женщинах» откровенно проповедывалось, что «осел, женщина и орех нуждаются в ударах». Разумеется, при таких взглядах на женщину ее положение в патриархальном семействе было не из приятных. Ее старались по возможности удалить от общества, чтобы удержать от ложных шагов, но это было невозможно. Законы, обычаи, общественное мнение тре-

бовали от женщины гораздо больше добродетелей, чем от мужчины, ее несравненно строже карали за нарушение правил, но эти требования и кары только озлобляли прекрасный пол, смотревший на вещи иными глазами.

Судьбы женщин поистине чрезвычайно печальны. Стремясь к высокому, женщина в конце концов неминуемо впадала в разврат. Что этому причиной: ненормальность положения, окружающая обстановка или то, что скрыто в ней самой и при известных обстоятельствах, даже помимо ее желания, вырывается наружу? Без сомнения, встречались, встречаются и будут встречаться исключения, но... но они только подтверждают общее грустное правило. Мы видели это на протяжении трех эпох, увидим и в дальнейшем.

Однако католицизм не хотел сдаться без боя и предпринимал последние усилия, чтобы не дать восторжествовать лютеранству, прибегнув ради этой цели к способу, если и не особенно достойному, то достаточно испытанному. С легкой руки Игнатия Лойолы, его сподвижники-иезуиты восстали на защиту католичества. Пользуясь ошибками противника, они без труда нашли слабую струнку, на которой с ловкостью настоящих виртуозов разыграли свои преступные мелодии. В качестве «духовных отцов» они стали пропагандировать свободу разврата во всех классах общества, оправдывая и поощряя всевозможные половые пороки, совершаемые в интересах католичества. Аристократия тотчас же встретила их проповеди распростертыми объятиями, потянув за собою буржуазию и крестьянство. Дворы и высшие классы недолго могли подчиняться лютеранскому ригоризму, совершенно несовместимому ни с их обстановкой, ни с характером. Любовь и наслаждение попрежнему составляли главную цель их жизни. В этом отношении Франция всегда стояла во главе остальной Европы. Средневековые идеи о несовместимости брачной жизни с любовью снова воскресли во французском обществе. Любовь потеряла последние остатки романтизма, превратившись в чисто животное опьянение. Брак не удовлетворял ни мужчин, ни женщин, его заключали по расчету, в силу обстоятельств и немедленно заводили любовные связи. Первое место в этом отношении принадлежит коронованным особам. «История королей, — говорит Шерр, — есть история страдания королев». Если холостые папы делали вид, что не имеют любовниц, женатые короли открыто хвастали фаворитками,

унижавшими королев и разорявшими государственную казну, и узаконивали их детей. Безнравственность дошла до того, что над целомудрием открыто издевались, а супруги, ни разу не изменившие один другому — таких, впрочем, встречалось немного, — считались прямо-таки опозоренными! Театральные представления стали пропагандистами порока: актеры и зрители взаимно развращали друг друга; в уста актрис влагались самые циничные речи; поэты не хотели видеть в женщине ничего, кроме внешних достоинств, описывая с необыкновенным восторгом ее тело; в романах, стихотворениях, драматических пьесах — всюду насмехались над браком и супружеской верностью, проповедуя, что «если ближнего должно любить, как самого себя, то, следовательно, жену ближнего следует любить, как свою собственную», хотя именно свою-то и не полагалось любить. Роскошь и изнеженное воспитание развили в женщине до высшей степени кокетство и жеманство, в особенности в политических салонах, устроенных по образцу времени Аспазии, где образованные женщины, занимавшиеся разрешением серьезных вопросов, впервые получили прозвище «синих чулков». Неумеренность как в словах, так и в действиях перешла границы возможного. Роскошью нарядов и щегольством модницы, в особенности венецианские, спорили одна перед другой. Их тяжелые наряды, сплошь шитые золотом и осыпанные драгоценными каменьями, в то же время позволяли любоваться прелестями, сквозившими в особых прорезях, названных реформаторами «окнами ада».

Так мстило католичество своему противнику, поселив в его пастве идеи, не имевшие ничего общего с проповедуемой религией, и настолько спутало понятия новообращенных, что для их полнейшего отрезвления потребовалось несколько столетий.

Екатерина Медичи

Честолюбивая, хитрая и суеверная, как все итальянки, Екатерина Медичи, супруга французского короля Генриха II, в течение двадцати восьми лет управлявшая

судьбами своего второго отечества при помощи всевозможных козней и интриг, долженствовавших, по ее мнению, возвысить престиж дома Валуа, под конец жизни принуждена была убедиться в бесплодности всех своих стараний и полном разрушении надежд. Узкий эгоизм, жестокость и неразборчивость в выборе средств при желании отделаться от своих политических противников, постоянные колебания в вопросах религии, потрясенной реформацией, повлекшие за собой страшную «Варфоломеевскую ночь», предали ее имя вечному позору.

Екатерина, дочь племянника папы Льва X Лоренцо II Медичи, герцога урбинского и флорентийского, и Мадлены де ла Тур, графини Булонской, родилась во Флоренции 15 апреля 1519 года. Спустя несколько дней после ее появления на свет сперва мать, а затем и отец отошли в лучший мир. Детство Екатерины, совпавшее с бурными годами политической жизни Флоренции, было окружено всевозможными опасностями. Вступивший в 1523 году на папский престол, по смерти Адриана VI, кардинал Джулио Медичи, принявший имя Климента VII, пожелал неограниченно управлять из Рима республиканской Флоренцией, прибегнув к средствам, противоположным тем, которые когда-то создали популярность дому Медичи. Возмущение Флоренции, вызванное этими действиями, окончилось все-таки торжеством папы, уничтожившим ее политическую свободу и независимость. В течение смутных лет Екатерина безвыездно оставалась на родине, заключенная, по приговору временного правительства, в монастыре Санта-Лючии. Флорентийцы смотрели на нее, как на заложницу, непременно желая удержать в стенах города. За нею строго наблюдали, не позволяли сделать ни одного свободного шага вне стен монастыря, а однажды предложили даже выставить под неприятельские пушки или отдать в распоряжение грубых солдат. В то время Екатерине шел всего 9-й год. Таким образом, с юных лет она привыкла видеть вокруг себя борьбу политических партий, и страх перед ними сделался в ней постоянным чувством.

Но вот Флоренция пала, и, по приказанию Климента VII, молодую герцогиню урбинскую и флорентийскую перевезли в Рим, где она попала в руки дяди, смотревшего на нее только как на орудие для расширения своих политических связей. С этой целью он занялся поис-

ками приличной для нее партии. Вскоре, по его желанию, она была помолвлена с молодым принцем Оранским, Филибером Шалонским, в вознаграждение за преданность дому Медичи, но гибель его в одном из сражений помешала осуществлению папского проекта. Тогда Иоанн Стюарт, герцог д'Альбани, дядя Екатерины с материнской стороны, пользовавшийся милостями французского короля Франциска I, предложил руку племянницы его второму сыну, герцогу Генриху Орлеанскому. При этой комбинации папа Климент VII обещал Франциску I свою поддержку для завоевания миланского герцогства. Вопрос о браке был решен, и Екатерина отправилась во Францию в сопровождении герцога д'Альбани и большой свиты. В Порто-Венере их ожидала блестящая флотилия. Галера, предназначенная для будущей герцогини Орлеанской, сверкала драгоценными украшениями; паруса были вытканы из шелка; на драпировках, мебели, коврах, покрывавших палубу, виднелись гербы Медичи с девизом: «Свет и покой»; весь экипаж был роскошно обмундирован. Казалось, Клеопатра спешила на свидание с Антонием! В Ливорно к флотилии присоединился Климент VII, занявший галеру герцога д'Альбани, сплошь задрапированную золотистым сукном, подбитым пурпуровым атласом. Эскадра вошла в марсельскую гавань утром 11 октября 1535 года. Все французские суда были украшены флагами, портовые и крепостные пушки салютовали, сливаясь с гулом церковных колоколов, приветствовавших невесту королевского сына. Франциск I приехал в Марсель на следующий день с блестящей свитой, затмившей роскошью папскую, а следом за ним прибыла его вторая супруга, королева Элеонора Австрийская, окруженная цветником молодых фрейлин.

Свадебная церемония торжественно совершилась 27 октября. Новобрачные были так еще юны — Екатерине шел 14-й год, Генрих был несколькими месяцами старше, — что король с королевой решили разместить их по разным комнатам, но папа запротестовал и соединил супругов на одном ложе. В приданое мужу Екатерина принесла 100 000 золотых дукатов, на такую же сумму нарядов и графства Овернское и Лорагэ. Празднества продолжались 34 дня и отличались необыкновенным великолепием. Генрих Орлеанский, немного смуглый, стройный и любезный, привлекал все взгляды, как и Екатерина, обладавшая прелестной фигурой, живы-

ми глазами и несколько бледным цветом лица, не лишавшим, однако, его приятности. Хотя она часто меняла наряды и куафюры, они все так шли ей, что затруднялись определить, которые ей больше к лицу. Кроме этого, у нее были удивительно миниатюрные ноги, и она при всяком удобном случае любила щегольнуть ими. Современники единогласно восхищались блестящим образованием молодой герцогини Орлеанской, принесшей в свое новое отечество действительно много любви к искусствам и природного вкуса, долгое время бывших как бы наследственными качествами дома Медичи. Кроме них, Екатерина унаследовала и добродетели, и пороки своих предков. Она обожала золото, как старый Козимо I, и расточала его, как Пьетро I и Козимо II, ее прапрадеды; она была великолепна, как ее прадед, Лоренцо I, и так же, как он, знала толк в политике, хотя ей недоставало ни его великодушия, ни щедрости; ее честолюбие ни в чем не уступало честолюбию ее деда, Пьетро II, и при желании властвовать она, подобно ему, не делала разницы между законными и незаконными способами для достижения известных целей; по примеру своего отца, Лоренцо II, она любила развлечения, но ценила их сообразно размерам расходов. Основное содержание всей своей жизни Екатерина выразила несколькими словами: «Будь что будет, я хочу царствовать!» Двумя веками позже Людовик XV повторил этот знаменитый афоризм, несколько изменив редакцию: «После нас — хоть потоп!»

Пользуясь случаем, следом за Екатериной потянулась длинная вереница ее земляков: художников, архитекторов, врачей, алхимиков, комедиантов, наконец, просто искателей приключений, которых Франция приняла очень радушно и которые вскоре, почувствовав себя в ней как дома, посеяли немалое количество недоразумений, служа и повинуясь только одной дочери Медичи. По ее повелению всевозможные Ренэ и Руджиери готовили ядовитые напитки, кушанья, перчатки, цветы и проч. Суеверная Екатерина никогда ничего не предпринимала, не посоветовавшись с астрологами, причем наибольшей ее доверенностью пользовался знаменитый Нострадамус — впоследствии лейб-медик Карла IX, — с поразительной точностью предсказавший, помимо многого другого, смерть Генриха II и ужасы «Варфоломеевской ночи».

С первого появления при французском дворе Екатерина выказала необыкновенную изворотливость в умении уживаться среди всевозможных партий и завоевывать расположение лиц, относившихся явно враждебно к ее интересам. Прежде всего, разумеется, было необходимо понравиться своему тестю. Окруженный красивейшими дамами двора, охотясь вместе с ними на оленей, он не обращал ни малейшего внимания на свою хорошенькую невестку. Самолюбие флорентийки сильно страдало. О, она заставит его обратить на себя внимание! Франциск I воображал, что он необыкновенно искусный политик и дипломат, — хотя трудно было найти второго государя, совершившего столько самых грубых ошибок, — и хитрая Екатерина ловко воспользовалась его тщеславием. Она стала восхищаться его гениальностью, одобряла все проекты, приходившие ему в голову, и старый король, поддавшись на удочку, с этих пор почти не расставался с невесткой, на праздниках и охотах уступая ей первое место, на зависть другим. Поладить с мужем было значительно труднее, но и тут Екатерина не потерялась. Генрих Орлеанский, храбрый солдат и превосходный наездник, но лишенный всякой самостоятельности, отличавшийся удивительной леностью и неповоротливостью ума, мало занимался женою.

В это время французский двор был разделен на две партии: герцогини д'Этамп, фаворитки короля, и любовницы супруга Екатерины, годившейся ему в матери, Дианы де Пуатье. Первая партия не представляла опасности, но со второй приходилось считаться по двум причинам. Диана была единственной женщиной, которой все уступали, перед которой открывались все двери, которая осмеливалась приказывать Екатерине, чтобы она оставила ее наедине с Генрихом, и та должна была повиноваться. «Фаворитка, — утверждает один из современников, — овладела сердцем Генриха до такой степени, что, когда герцогине Орлеанской хотелось побыть со своим супругом, ей приходилось испрашивать разрешения у Дианы, и той достаточно было сказать: «Сегодня вы должны отправиться к жене», чтобы Генрих безропотно подчинился ее приказанию». Кроме того, вокруг этой фаворитки группировались слишком влиятельные вельможи: Гизы, коннетабль Монморанси и др., мечтавшие стать во главе управления Францией с воцарением хилого и слабовольного дофина. Но Екатерина сама хо-

тела царствовать, и в ней они приобрели скрытого врага, хотя наружно она и казалась их доброжелателем. Страсть Генриха к отцветшей любовнице в глазах жены являлась оскорблением, которого женщины никогда не прощают. Но молодая флорентийка, вместо того чтобы разразиться упреками, подавила в себе чувство ревности и удвоила любезности с соперницей, вскоре сделавшись самым близким ее другом, в то же самое время настолько хитро ведя себя с мужем, что тот откровенно сознавался, что нигде так хорошо себя не чувствует, как в постели своей жены. Таким образом и волки были сыты, и овцы целы.

Из всех окружавших молодую герцогиню Орлеанскую в эту эпоху наибольшее влияние на нее имели: Гонто-Гонди, будущий воспитатель Карла IX, позднее пожалованный Екатериной в маршалы с титулом де Рец, и кардинал лотарингский, герцог Карл Гиз. Последний сначала пользовался даже исключительным ее расположением, о чем свидетельствует записка Екатерины к коннетаблю Монморанси. «Он сегодня приедет ко мне, — пишет она, — но завтра мы расстанемся. Ах, мне так бы хотелось, чтобы дела позволили ему отложить свой отъезд и он мог бы подольше побыть со мною». Впрочем, кардинал — единственное пятно на ее репутации как супруги.

Будучи веселого нрава, Екатерина охотно смеялась — искренно или неискренно, это другой вопрос — и любила позлословить в кругу придворных дам, прилежно занимаясь вышиванием, в совершенстве владея иглой. На праздниках, балах, каруселях и разнообразных увеселениях герцогиня Орлеанская казалась всей душой отдающейся развлечениям. Никто и не предполагал, что в это время она уже обдумывала средства к достижению престола. Единственным препятствием являлся дофин. И вот после трехлетнего лицемерия и интриг она, наконец, поборола его, не возбудив ничьих подозрений: в 1536 году дофин внезапно скончался, и Генрих Орлеанский неожиданно стал наследником престола. Естественно, что преступление, задуманное Екатериной, было исполнено ее верными флорентинцами, которых она щедро вознаграждала, а иногда даже назначала на важные государственные должности, не вызывая к себе этим симпатий со стороны французов.

Франциск I умер, да здравствует Генрих II! Казалось, все честолюбивые мечты Екатерины осуществи-

лись, а между тем она чувствовала себя далеко не спокойно. Со дня венчанья прошло уже 10 лет, а королева оставалась бездетной. При дворе, бывшем у ног Дианы де Пуатье, не шутя поговаривали о разводе, считая Екатерину виновницей бесплодия. Дому Валуа необходим наследник. Радужное будущее, о котором дочь Медичи когда-то мечтала, теперь рисовалось ей в самых мрачных красках. Наконец, в 1544 году королева вздохнула свободно: Франция торжественно праздновала рождение дофина Франциска, и Екатерина была спасена. Через год она одарила мужа дочерью Елизаветой (Изабеллой), впоследствии супругой испанского короля Филиппа II, а затем еще пятью детьми: Клавдией (1547), вышедшей замуж за Карла Гиза и умершей в родах, Карлом Орлеанским (1550), Генрихом Анжуйским (1551), Маргаритой (1552), будущей супругой Генриха Наваррского, и Франциском Алансонским (1554). Позднюю плодовитость королевы одни объясняли наследственностью, присущей всем женщинам дома Медичи, другие — советами королевского лейб-медика и в то же время астролога Фернеля. Рождение дофина вдохновило и окрылило Екатерину. Теперь она считала себя вправе вмешиваться в дела правления, от которых ее отстраняли.

А дел было немало. Реформация шла быстрыми шагами, увлекая за собой огромное количество народу. Часть французского населения, примкнув к протестантам, или, как их тогда называли, гугенотам, угрожала безопасности государства, требуя исключительных мер. Приверженцы старой религии: Диана де Пуатье, Гизы и коннетабль Монморанси восстановили Генриха II против гугенотов, и он решил дать хороший урок еретикам. С этой целью в 1552 году король во главе огромной армии отправился в карательную экспедицию, утвердив Екатерину на время своего отсутствия регентшей государства. Тут-то флорентийка и показала себя в настоящем виде, прибегая к хитростям и уловкам, свойственным ее натуре. Едва успевала составиться какая-нибудь партия, враждебная регентше, как она почти моментально рассеивала ее, одних привлекая милостями, других запугивая угрозами. Ее государственная мудрость сводилась лишь к заботам об уравновешивании сил различных политических партий, чтобы ни одна из них не взяла верха и не стала опасной для нее самой. Интрига была главной пружиной политики Ека-

терины. Имея повсюду шпионов, она зорко следила за всеми выдающимися лицами и перехватывала частную корреспонденцию. Недаром сочинение Макиавелли «Il Principe» королева называла своей библией. С католической партией она держала себя ревностной приверженицей папы, с гугенотами превращалась в горячую поклонницу Кальвина, в сущности не признавая никакой религии, кроме собственного безграничного честолюбия. Считая увлечение страстью одним из надежнейших средств для поддержания своего влияния, она с этой целью была постоянно окружена толпою фрейлин-красавиц, остроумно названных Брантомом «летучим эскадроном королевы». Сохраняя собственную добродетель, Екатерина поощряла разврат даже в собственных детях. Лицемерие ее не имело пределов. Те, кого она называла «мой друг», считали себя погибшими.

— Государыня, — взмолилась однажды г-жа Буа-Феврье, которую королева только что так назвала, — сделайте особую милость, зовите меня лучше «своим врагом».

Победно завершившаяся карательная экспедиция сделала имя Гизов еще более популярным в ущерб Генриху II, ставшему как бы номинальным королем. Разумеется, такой оборот дел не нравился Екатерине. Она возненавидела Гизов и до самой смерти сохранила к ним это чувство. Задумав укрепить свой престиж выгодными связями, она выдала вторую дочь, Клавдию, за Карла Гиза, главного руководителя и наставника юного, слабого телом и духом дофина Франциска (1558), который поспешил женить воспитанника на своей родной племяннице, молодой шотландской королеве Марии Стюарт, с детства жившей во Франции под покровительством тетки Марии Лотарингской, а старшую, Елизавету, вылитый свой портрет, обвенчала с только что вторично овдовевшим испанским королем Филиппом II, яростным гонителем протестантов. Свадьба дочери состоялась 30 июня 1559 года. Роскошные празднества, к несчастью, омрачились печальным финалом. Рыцарски вежливый Генрих II пожелал в конце праздника «преломить копье» в честь присутствующих дам, выбрав себе в противники храброго кавалера Монгомри. При первой же схватке копье Монгомри, ударившись о забрало золотого королевского шлема, сломалось и вонзилось Генриху II в глаз. Рана оказалась смертельной, врачи с минуты на минуту ожидали рокового исхода.

Менее озабоченная безнадежным положением мужа, чем собственными интересами, Екатерина послала «своему близкому другу» Диане де Пуатье суровый приказ: немедленно вернуть королевские бриллианты, которыми умирающий король Франции когда-то любил украшать седеющие кудри своей фаворитки, и тотчас же оставить двор.

— Разве король уже умер? — спокойно спросила Диана.

— Нет, сударыня, — ответил посланный, — но он вряд ли доживет до вечера.

— В таком случае я отказываюсь повиноваться. Пусть мои враги знают, что, пока король жив, я их не боюсь! Если, к несчастью, мне суждено пережить его, мое сердце слишком переполнено горем, чтобы могло почувствовать оскорбления, которые хотят ему нанести!

Фаворитка до самого конца не изменила себе, оставшись такой же гордой и надменной. Как же поступила королева, когда умер Генрих II? Она постаралась разыграть трогательную роль неутешной вдовы, запершись в своих апартаментах, задрапированных очень эффектно черным сукном. На всех видных местах красовались девизы: «Ее страсть переживет пламя». Эта иезуитская надпись окружала изображение горы негашеной извести, орошаемой обильным дождем. Как просты были речи любовницы и сколько театральности сквозило в притворной печали супруги! Со дня смерти мужа Екатерина постоянно носила глубокий траур, но никого этим не обманула: не одежда делает монаха, и королева вполне олицетворяла собой волка в овечьей шкуре.

Гугеноты, никогда так не нуждавшиеся, как теперь, в смелом руководителе, торопили короля наваррского Антуана, избранного их главою, поспешить в Париж, чтобы принять опеку над молодым королем Франциском II. Он имел на это все законные права, но Гизы и королева-мать решили обойтись без него. Король наваррский получил от двора официальный приказ прибыть на погребение Генриха II. Гугеноты торжествовали, введенные в заблуждение этим приказом, и с нетерпением ждали Антуана. Очевидно, они плохо знали тех, с кем имели дело. Как ни торопился король наваррский, однако все-таки приехал слишком поздно, — встречая на всем своем пути массу препятствий, предусмотрительно расставленных Екатериной, — Генрих II был уже погребен, а новый король, 16-летний Фран-

циск II, жил в Сен-Жермене. Чтобы задержать Антуана и его брата, принца Людовика Конде, подольше в Париже и не допустить в королевскую резиденцию, флорентинка, зная их склонность к прекрасному полу, возложила это щекотливое поручение на двух представительниц дамского «летучего эскадрона», девиц де Лимейль и де Руэ, оказавшихся на высоте своего призвания. Опека над королем выскользнула из рук гугенотов.

Покончив с этим делом, Екатерина принялась за другое. Изгнанная фаворитка, не потерявшая своего влияния, продолжала собирать вокруг себя людей, недовольных новыми порядками. Ее партия представляла известную опасность для королевы-матери. Поставив себе задачей «ослаблять, чтобы усилиться», она немедленно изменила тактику. Екатерина утвердила за Дианой де Пуатье все земли, подаренные фаворитке покойным королем, а та, в свою очередь, не желая остаться в долгу, подарила королеве часть собственных поместий. Мало этого, флорентийка вернула свою бывшую соперницу из изгнания. Вновь приобретя в ней союзницу, Екатерина с ее помощью отвлекла коннетабля де Монморанси от братьев Шатильонских — адмирала Колиньи и Дандло, самых ревностных гугенотов, имевших огромное влияние на массы. Эта лицемерка никогда не стеснялась, становясь всегда на сторону сильного, а таковыми в данный момент были Гизы, и, конечно, она, несмотря на всю свою ненависть, искала у них поддержки.

Франциск II и Мария царствовали только номинально, всеми делами государства распоряжались королева-мать и католики Гизы, ставшие почти властителями Франции, что, наконец, возмутило гугенотов. Желая отделаться от непрошеных опекунов короля, флорентийка втайне поддерживала их врагов. И вот в 1560 году составился так называемый «амбуазский заговор» с целью истребления ненавистных вельмож. Гизы, узнав об этом, иначе повернули дело, в свою очередь обманув Екатерину заверениями, что ее жизни, как и жизни Франциска II, угрожает опасность, и на основании этого ради спасения монарха Франции вырвали разрешение действовать сообразно обстановке. Заговорщики тотчас же были арестованы, а главные руководители, король наваррский и адмирал Колиньи, приговорены к казни. Их жизнь висела на волоске, когда внезапная смерть Франциска II (5 декабря 1560 г.) — как говорят, отравлен-

ного Гизами при желании проявить свою самостоятельность — спасла несчастных.

Смерть старшего сына не произвела особенного впечатления на Екатерину, имевшую еще троих. О, дом Валуа не погибнет! При вступлении на престол несовершеннолетнего Карла IX королева-мать была объявлена регентшей, но поставлена под контроль так называемого триумвирата герцога Франциска Гиза, коннетабля Монморанси и маршала Сент-Андрэ. Не имея смелости открыто бороться с триумвиратом, королева-мать положилась на судьбу, поддержанная предсказаниями астрологов.

Глухая вражда между католиками и гугенотами, грозившая спокойствию страны, заставила Екатерину для предотвращения междоусобий обнародовать в январе 1562 года «Сен-Жерменский эдикт», которым отменялись прежние кары против исповедующих протестантскую религию. Страсти как будто поулеглись, когда герцог Франциск Гиз без всякого повода устроил в Васси, близ Жуанвилля, кровавую бойню гугенотов, отправлявших свое богослужение. Гугеноты возмутились, и первая религиозная война вспыхнула с ужасающей жестокостью с обеих сторон. Екатерина бесстрастно следила за ходом событий. В угоду Гизам она притворялась католичкой, а чтобы отделаться от них, была готова превратиться в гугенотку. События, решившие ее судьбу, обнажили весь секрет политики королевы-матери. Когда в разгар битвы при Дрё прискакал первый курьер, привезший печальные вести о смертельной ране коннетабля Монморанси, смерти маршала Сент-Андрэ и победе гугенотов, весь двор затрепетал, только одна Екатерина осталась спокойной.

— Ну, что ж, — сказала она, — теперь мы будем молиться Богу по-французски!..

Второй курьер известил о полнейшем поражении гугенотов благодаря безумной храбрости Франциска Гиза, и Екатерина тотчас же выразила живейшую радость и глубокую преданность победителю. Это ни к чему не обязывало королеву-мать: триумвирата, бывшего у нее бельмом в глазу, больше не существовало! Судьба, видимо, еще покровительствовала ей. При осаде Орлеана погиб и последний из триумвирата, предательски убитый фанатиком-гугенотом. Екатерина торжествовала, она властвовала единолично! Однако последствием этого религиозно-политического убийства явилось желание

дать спокойствие стране, ради чего королева-мать вошла в новые переговоры, и в марте 1563 года был издан «Амбуазский эдикт», повторявший в главных чертах прошлогодний «Сен-Жерменский». Таким образом, казалось, что флорентийка берет сторону гугенотов, жаждавших поверить ее искренности, на самом же деле теперь, когда католическая партия лишилась лучших своих предводителей, Екатерина не находила нужным поддерживать гугенотскую, сохранившую своих членов несмотря на поражение. Это прежде всего почувствовалось при дворе. Было объявлено, что королева тотчас удалит всех, кто не пойдет постом на исповедь. По-видимому, она стремилась сделаться главою католической партии, что выразилось с особенной рельефностью в путешествии, предпринятом ею совместно с Карлом IX, объявленным совершеннолетним (1564), и со всем двором по Франции: повсюду она выражала сочувствие интересам католического населения и недоброжелательство протестантам. После свидания в Байонне (июнь 1565 г.) со своим зятем Филиппом II и дочерью Елизаветой (Изабеллой), настаивавшими на энергичных действиях против все более распространяющейся ереси, на что Екатерина дала согласие, гугеноты поняли, что их обманули, и стали готовиться к новой войне.

Эта вторая религиозная война вспыхнула 27 сентября 1567 года, охватив всю Францию. Двор бежал в Париж, население которого крепко держалось старой веры. Сражение при Сен-Дени окончилось новым поражением гугенотов, но подкрепления, спешившие к ним из Германии, вынудили Екатерину прибегнуть к своей постоянной уловке и заключить мир, подтвердив «Лонжюмонским договором» (28 марта 1568 г.) постановления «Амбуазского эдикта». Но такие меры теперь уже не могли помочь беде. Пламя должно было само собой вспыхнуть из раскалившейся почвы; двор, увлеченный фанатизмом парижан и успехами испанцев в Голландии, совершил непоправимую ошибку, заменив «Лонжюмоский договор», по требованию папы Пия V, другим, идущим вразрез с домогательствами гугенотов.

Снова разгорелась война — третья, — снова гугеноты потерпели поражение при Жарнаке и Монтокуре (1569) и снова заговорили о примирении. 8 августа 1570 года в Сен-Жермен-сюр-Лэ был подписан мир, по заключении которого произошло сближение между Карлом IX, погрязшим в постыдном разврате, к которому тайно

подстрекала его Екатерина Медичи, и предводителями протестантской партии. Почти безграничное влияние, приобретенное при этом адмиралом Колиньи над слабовольным королем, только усилило беспокойство противной партии. Храбрый адмирал сумел убедить Карла IX в необходимости войны с Испанией, что шло вразрез с нерешительной, изменчивой, двойственной политикой Екатерины, а Гизам, ужасавшимся с каждым днем возрастающему влиянию Колиньи, война с Филиппом II, главным защитником всех интересов католичества, казалась нападением на религию. Видя, что целый ряд войн не смог сокрушить силы протестантов, и убедившись, что их политические учения — смесь республиканских и феодальных теорий — грозили серьезной опасностью королевской власти, Екатерина, быть может, первый раз в жизни растерялась. Католики, раздраженные действиями протестантов, под влиянием страстных воззваний, ежедневно делаемых духовенством, ожидали только сигнала, чтобы броситься на своих врагов. За этим дело не стало.

Видя своего вождя в почете при дворе, гугеноты беспечно прибывали в Париж на бракосочетание Генриха Наваррского, сына покойного Антуана, когда-то их главного предводителя, с Маргаритой Валуа, младшей дочерью королевы (18 августа 1572 г.).

Неужели в самом деле Валуа обвенчается с Бурбоном? Католичка с еретиком? Что за странная идея пришла Екатерине, ратовавшей за католицизм, выдавать Маргариту за гугенота, когда та была безумно влюблена в своего кузена Генриха Гиза, по прозвищу «Балафрэ», убежденного паписта, и пользовалась взаимностью? На первый взгляд, конечно, все это казалось очень курьезным, но королева-мать, в голове которой зародился адский план, позднее ужаснувший весь мир, коварно надеялась убить двух зайцев. Ненавидя Гизов, она не хотела еще теснее сближаться с ними; выдавая дочь за короля наваррского, она привлекала на свою сторону гугенотов, с которыми решила покончить раз и навсегда.

Свадебные празднества при дворе хорошо маскировали приготовление к резне. Сначала, впрочем, предполагалось устранить только одного Колиньи, но неудавшееся покушение на него (22 августа) решило судьбу гугенотов. Бесспорно, одной Екатерине принадлежит позорная честь того, что в уме Карла IX зародились со-

мнения насчет честности и порядочности предводителей гугенотской партии и что из его уст было вырвано согласие на преступление, разыгравшееся в ночь с 23 на 24 августа 1572 года, накануне дня св. Варфоломея, когда в Париже и провинции началась бойня, не имевшая себе подобной в истории, во время которой погибло около 30 000 гугенотов. Ненавистный адмирал Колиньи принял мученическую смерть, как и большинство протестантских вождей. Немногие из них успели спастись бегством, по примеру Генриха Наваррского, спасенного своею молодой супругой. Говорят, что сам Карл IX в яростном исступлении стрелял из окна Лувра в народ, а Екатерина, стоя рядом, спокойно наблюдала за ним, поощряя сыновнюю охоту на людей. Однако страшная «Варфоломеевская ночь», иначе называемая «Кровавой свадьбой», так подействовала на короля, что 24-летний, преждевременно состарившийся юноша потерял сон и покой. Ему всюду слышались нестройный гул голосов, крики и вопли, проклятия и вздохи. Хилое тело не вынесло подобного потрясения, и 30 мая 1574 года ничтожного Карла IX не стало.

Французская корона перешла к третьему, самому любимому сыну Екатерины — Генриху, герцогу Анжуйскому, уже в течение целого года бывшему королем польским, который, узнав о смерти брата, спешно вернулся на родину. В течение его несчастного царствования королева-мать постоянно вмешивалась в дела и подавала советы, которых, впрочем, он не желал слушать. Если прежде она преследовала интересы государственные, теперь заботилась только о династических. Франция должна иметь законного наследника. После неудачного проекта женитьбы любимчика на английской королеве Елизавете Генрих III, вопреки желанию матери, сочетался браком с Луизой Лотарингской (1575), дочерью графа Водемона из дома Гизов. Свадьба не оправдала ничьих надежд: новый король, окруженный своими «миньонами», не нуждался в женских ласках... Находясь всецело под влиянием родственников своей жены, Генрих III продолжал политику Карла IX, решив попробовать силу своего оружия на гугенотах, снова сплотившихся. Но эта пятая, включая и «Варфоломеевскую резню», религиозная война замедлилась собранием государственных чинов в Блуа (в декабре 1576 г.), да и вообще велась очень вяло, закончившись новым мирным договором в Пуатье, никого не удовлетворив-

шим — ни католиков, ни гугенотов. Дело, видимо, клонилось к тому, что борьба должна была неминуемо возобновиться, к ней уже начали готовиться, когда в июне 1584 года пришло известие, что четвертый, самый младший сын Екатерины Медичи и Генриха II — Франциск, герцог Алансонский и Брабантский, скончался. Это окончательно сразило флорентийку. Король оставался бездетным, и, значит, дом Валуа должен был неминуемо угаснуть. Ближайшим наследником французского престола являлся некто иной, как Генрих, король наваррский, супруг Маргариты, Бурбон, гугенот, еретик! Вот чего не предвидела Екатерина, выдавая за него свою дочь! Траур, который она постоянно носила, теперь получал глубокий смысл.

Мирный договор в Пуатье имел последствием образование «Священной лиги», обязавшейся поддерживать католицизм во что бы то ни стало (январь 1585 г.), во главе которой встали испанский король Филипп II — с одной стороны, и Гизы — с другой. Шестая религиозная война длилась почти два года. Генрих III, утопавший в разврате в кругу своих «миньонов», казалось, совсем забыл о том, что он — король, поэтому столица Франции объявила своим королем Генриха Гиза — «Балафрэ» и не шутя угрожала законному владыке. Распутный и ничтожный Генрих III со всем двором бежал в Блуа. Будучи от природы мстительным и жестоким, он заманил туда «короля парижского» и предательски убил его (24 декабря 1588 г.).

— Нынче утром, — похвастал последний Валуа в тот же день своей матери, лежавшей в постели от болезни, которая свела ее в могилу, — я снова сделался королем Франции, приказав умертвить «короля Парижа!»...

Екатерина ужаснулась. С усилием поднявшись на своей постели, она печально улыбнулась.

— Дай Бог, государь, — пророчески сказала она, — чтобы эта смерть не отняла у вас вовсе королевского титула... Ты хорошо скроил, мой сын, но сумеешь ли так же хорошо сшить?

События последнего времени, в которых все обвиняли королеву-мать, так подействовали на 70-летнюю женщину, что она серьезно захворала и 5 января 1589 года скончалась в Блуа. Один из астрологов когда-то предсказал ей, что «Сен-Жермен первый узнает о ее смерти». С тех пор она постоянно избегала мест, носящих такое название, но слепой случай оправдал пророчество:

Екатерина Медичи скончалась на руках королевского проповедника по имени Сен-Жермен. Генрих III равнодушно отнесся к смерти обожавшей его матери и даже не позаботился о ее погребении. Население Франции тоже не особенно огорчилось, а парижане насмешливо спрашивали друг друга:

— Кто же теперь будет заключать мирные договоры?

Такова была эпитафия вдове Генриха II. В течение двадцати восьми лет над Францией пронеслось три царствования — три царствования, душою и жизнью которых была женщина, вначале супруга, а потом мать властелинов, своей двуличной политикой и лицемерием отвратившая от себя всех. Тело ее было брошено, как падаль, на барку и зарыто в обыкновенной могиле. Только в 1609 году, при Генрихе IV, прах коварной флорентийки перенесли в роскошный склеп, построенный ею же в Сен-Дени для себя, своего мужа и детей. Воздавая посмертные почести женщине, ненавидевшей его, бывший король наваррский как бы отблагодарил ее за корону Франции. Лишь в одном отношении Екатерина Медичи сохранила о себе добрую память: покровительствуя изящным искусствам, она много способствовала процветанию их во Франции, двор которой, обязанный ей изысканностью манер, славился на всю Европу. Постройка Тюльери и Суассонского отеля, теперь не существующего, была предпринята ею, да и кроме них во Франции сохранилось много других замков, построенных по планам вдовы Генриха II.

Елизавета Тюдор

В то время как разоренная Франция под правлением ничтожных Валуа разрывалась гугенотскими войнами, которым и конца не предвиделось, на престоле Англии восседала Елизавета, последний отпрыск дома Тюдоров, — «царственная Весталка», по выражению Шекспира, — сумевшая примирить религиозные страсти своих

поддаиных. В течение ее сорокапятилетиего царствования укрепилась иародиая сила и воспиталась иациональиая гордость, упрочившие первое место за Великобританией в ряду европейских держав и заложившие основы того политического могущества, которому предстояло блестящее развитие в будущем. Эпоха Елизаветы заиимает видное место в истории мореплаваиия, промышлеиности, торговли, иауки, искусства и литературы «золотого века», связаииой с имеиами Спеисера, Фреисиса Дрейка, Марло, Бэкоиа, Шекспира, Вальтера Рэли и др. Среди царствеииых особ Аиглии едва ли найдется второе лицо, пользовавшееся бо́льшей популяриостью при жизии и оставившее столь славиую память по смерти. А между тем при ближайшем знакомстве с дочерью Аииы Болейн — второй супруги развратиика и жеиоубийцы Геириха VIII — невольио бросается в глаза сходство ее политических убеждеиий, да, пожалуй, отчасти и характера, с флореитиикой Екатериной Медичи. Обе стремились, ие преиебрегая иикакими средствами, к упрочению собствеииой власти; как та, так и другая ие отличались ни прямодушием, ии искреииостью и запятиали себя почти одииаковыми преступлеииями. Но если мать последиих Валуа была только королевой, последияя Тюдор вместе с тем оставалась и жеищиной завистливой, ревиивой, злопамятной и жестокой. Почему же в таком случае имя фраицузской королевы покрыто вечиым позором, тогда как британской окружеио ореолом? Причины следует искать прежде всего в разнице взглядов Екатерины и Елизаветы иа свои государствеииые права: первая желала во что бы то ии стало навязать иароду собствеиные политические прииципы, иесимпатичные ему; вторая, будучи комедианткой с иог до головы, проделывая в сущиости то же самое, старалась показать, что ищет с иим сближеиия, покорная его желаниям. Суевериая дочь Медичи открыто отвергала и преследовала протестаитов; трезво смотревшая иа вещи дочь Геириха VIII сама шла им иавстречу, в глубиие души оставаясь католичкой. Проводя молодость вдали от двора, Елизавета под руководством миогих выдающихся ученых того времеии приобрела блестящее образоваиие и в течеиие своего долголетиего правлеиия воочию доказала, что за годы изгнаиия хорошо изучила искусство царствовать, но, к иесчастью, забыла воспитать собствеииое сердце, ииаче, быть может, ей удалось бы уиичтожить в ием жестокие иистиикты, печальиое

иаследие отца, н завистлнвое тщеславне, раздражавшееся прн малейшем соперннчестве, иногда делавшнм ее смешной и даже преступной. Чума престолов — лесть, ннзкое раболепство, осквернявшне английские иравы, и постоянные опасения за свою жизнь развилн в Елизавете черствость, скрытность, хнтрость и лицемерие, и еслн она н поступала, как великая королева, то еще чаще являлась только злой женщнной!

Воцарению Елнзаветы предшествовали важные событня. Реформацня, охватнвшая в начале XVI века почтн всю Европу и свнвшая прочное гнездо в Англии еще прн Генрихе VIII, — прнзнавшем протестаитизм по прнчннам, ннчего не нмевшнм общего с релнгией, — вела упорную борьбу с католнцнзмом. Елизавета родилась в разгар ее, 7 сентября 1533 года, в Грннвиче, и торжественным актом, обнародованным королем в следующем году, была объявлена наследницей престола по смерти ее матери Анны Болейн, если бы та не оставнла мужского потомства. Старшая дочь Генриха VIII, Марня, от первой жены Екатерины Аррагонской, в счет не прнннмалась. Когда же, два года спустя, сластолюбнвый король, увлеченный красотою Иоанны Сеймур, женился на ней, казнив несчастную Анну, он объявил первые свон бракн недействительными, а детей от иих, Марию и Елнзавету, незакоиными и лишенными прав престолонаследня. Однако в 1544 году, нмея сына уже от третьей жены, впоследствнн англнйского короля Эдуарда VI, он снова восстановнл права дочерей иа случай смерти его бездетиым. Разумеется, подобиое положение вещей порождало массу недоразумений, тем более что внучки Генриха VIII, Марня Стюарт н Иоанна Грэй, также обладалн правамн на корону Брнтании. Каждый нз иаследннков нмел н прнверженцев, и аитагонистов, волновавшнх страну своимн воззваннями. Кратковременное царствованне Эдуарда VI, не оставившего потомства, открывало престол, согласно желаииям Генрнха VIII, Марни, ярой католичке. Протестантская партня возмутнлась н провозгласнла королевой Иоаииу Грэй, но католнкн на этот раз одержалн верх, н Мария была увенчана аиглнйской короиой, иачав свое царствованне жестоким гоненнем на реформатов и казиями, за что получила прозвище «Кровавой». Брак ее с испанскнм ннфантом, позднее королем Фнлнппом II, вызвал ропот народа, так как этот союз вовлекал страиу во всевозможные внешнне осложнения, шедшне вразрез

с национальными интересами. Позорная казнь Томаса Кранмэра, главы реформатского движения, еще более уронила «Кровавую» Марию в общественном мнении, перенесшим все свои симпатии на Елизавету, в которой королева тотчас же увидела врага. Отчасти это было и справедливо. Наследница престола ясно сознавала, что протестантская партия сильнее, и, надеясь царствовать после сестры, не имевшей потомства, поддерживала реформатов, чтобы впоследствии опереться на них. Когда по поводу брака Марии с Филиппом произошли беспорядки, королева обвинила в них сестру, и хотя доказательства ее непричастности к движению были налицо, Елизавете все-таки пришлось отсидеть два месяца в Тауэре (1554). Это только подлило масла в огонь. В день освобождения наследницы престола из государственной тюрьмы народ встретил невинно пострадавшую таким взрывом восторга, какого в течение всего своего царствования не видела королева. Мария вышла из себя и отослала сестру подальше с глаз, сперва в Вудсток, а затем в Гатфильд. Насилие, учиненное над Елизаветой и послужившее увеличению ее популярности, окончательно погубило королеву, и Бог знает, что ожидало ее, если бы смерть не освободила тиранку от народной мести.

«Кровавая» Мария скончалась 17 ноября 1558 года, и Елизавета беспрепятственно вступила на престол. Воспрявший духом народ возлагал на нее все свои упования. При первом ее появлении в Лондоне население с непритворной радостью приветствовало двадцатипятилетнюю белокурую, статную королеву, освободительницу страны от деспотизма и испанского хозяйничания. Однако, прежде чем войти во дворец, Елизавета сочла нужным посетить Тауэр, чтобы помолиться о благополучном царствовании в той самой темнице, где некогда была заключена. Эта трогательная комедия еще сильнее возбудила народный восторг. Да и мог ли народ не приветствовать королеву, перенесшую столько несправедливостей и с воцарением которой исчезало ужасное иго фанатичной «Кровавой» Марии?

Тотчас по вступлении на престол Елизавета назначила Вильяма Сесиля, впоследствии лорда Берлэя, государственным секретарем, а Николая Бэкона — хранителем печати, людей известных своею приверженностью к протестантизму, и нация с нетерпением ожидала, какую позицию займет новое правительство в отношении

религии. Ожидания длились недолго: общественное мнение так твердо было убеждено в торжестве реформации, что испанский посланник Мендоза и все католические епископы, за исключением одного, отказались присутствовать на коронации Елизаветы. Это, впрочем, не остановило события, и спустя десять дней, 25 января 1559 года, открылись заседания парламента, окончившиеся утверждением в стране «англиканской церкви».

Пока шли заседания парламента, как на континенте, так и в самой Англии произошли события, сразу определившие политику Елизаветы. Молодая шотландская королева Мария Стюарт, только что вышедшая замуж за дофина Франции Франциска II, при первом известии о смерти Марии Тюдор отправила в Эдинбург, столицу Шотландии, своих герольдов с соединенными гербами Ирландии, Шотландии и Англии, чтобы напомнить о собственных правах на престол. Папа Павел IV высказался в пользу этих притязаний и издал буллу, в которой объявлял незаконным воцарение Елизаветы, основываясь на акте Генриха VIII от 1536 года. К этому прибавилось и другое обстоятельство, явившееся прямым соблазном к продолжению той же самой системы правления, какая существовала до сих пор. Попытки герцога Савойского, а затем принца датского, вступить в брак с Елизаветой не увенчались успехом; молодая королева не спешила ни с кем связывать свою судьбу, потому что претенденты казались ей недостаточно солидными в смысле занимаемого ими положения, но теперь эта причина должна была отпасть сама собой. Опечаленный вдовец Филипп II Испанский предложил руку сводной сестре своей покойной жены, всеми силами домогаясь сохранить близкую связь с Англией для поддержки в ней католицизма. Вот тут-то и открылось, что жадная к власти Елизавета с удовольствием выслушивала выражения безграничной преданности, любила внушать страсть, но одна мысль разделить с кем бы то ни было престол заставляла ее отступать назад. Помимо этого, в данный момент имелись и другие причины, более интимного свойства. По воцарении Елизавета вернула ко двору всех изгнанных «Кровавой» Марией, в числе которых находился молодой и красивый лорд Роберт Дудлэй, впоследствии граф Лейчестер, честолюбивый и дерзкий, но, кроме эффектной наружности и умения льстить, не обладавший ровно никакими достоинствами. Елизавета поверила его искренности и безум-

но влюбилась. Согласиться на предложение Филиппа II, как влюбленная женщина, она, конечно, не могла, как королева резко отказать ему — не находила возможным, опасаясь, что, убедившись в потере своего влияния в Англии, испанский монарх заключит союз с Францией и станет угрожать ей; к тому же, придерживаясь своеобразных воззрений на реформатское движение, она не желала явно склоняться на сторону католицизма, в особенности после того, как папа на извещение об ее восшествии на престол ответил наглым посланием. На основании всего этого Елизавета послала сказать Филиппу II, что очень польщена его предложением, но не может согласиться, «желая соединиться брачными узами только со своим народом», слабости которого она хорошо знала, но который, не подозревая ее лицемерия, прославлял мудрость своей королевы-девственницы.

Однако дальнейшие события складывались не особенно благоприятно для Елизаветы. Филипп II, не встретив сочувствия в Англии, обратился к Франции, женившись на Елизавете, дочери Генриха II и Екатерины Медичи, и таким образом то, чего так опасалась королева-девственница, стало совершившимся фактом: союз Испании с Францией не оставлял сомнений, тотчас же отразившись на отношениях к Британии. Несчастный случай с Генрихом II на свадьбе дочери возвел на французский престол Франциска II и Марию Стюарт, которая, будучи поддержана своим зятем и «святейшим отцом», немедленно заявила свои притязания на английскую корону. Шотландские католики поднялись, к ним прибыли на подмогу французские войска, и началось междоусобие, так как протестанты держали сторону Елизаветы. Для подавления восстания, угрожавшего спокойствию Англии, королева-девственница отправила в Шотландию несколько полков, которые, соединившись с протестантской партией, одержали победу над мятежниками. По договору, заключенному с ними 6 июля 1560 года, Марии Стюарт было предложено навсегда отказаться от притязаний на английский престол, но пока она медлила с его ратификацией, в ее судьбе произошел резкий переворот. Франциск II скончался, и его вдове, в силу различных политических соображений, пришлось возвратиться на родину. С этих пор между дальними родственницами, но близкими соседками началась упорная борьба, в которой легкомыслие и на-

стойчивость одной, противопоставленные лицемерию и жестокости другой, предвещали печальный финал.

Мария Стюарт, бесспорно, была красивее Елизаветы, и уже одно это служило основанием, что ревнивая королева-девственница не допускала ее не только к своему необыкновенно блестящему двору, где вообще женщинам не было места, но даже на английскую территорию, боясь чар воспитанной во Франции шотландской королевы. Наиболее гибельным для Марии условием было то, что она обладала наследственным правом на английский престол. Красота и право! Могло ли быть еще что-нибудь страшнее для завистливой Елизаветы!

Распоряжения Генриха VIII о престолонаследии не простирались далее его дочери от Анны Болейн, а между тем она, по-видимому, желала остаться незамужней. Кто же наследует ее престол? По закону — одна Мария. И вот она стала упорно добиваться признания и узаконения своих прав самой Елизаветой, но убедившись в тщетности домогательства, оспариваемых королевой-девственницей, легкомысленно обратилась к политике, явно враждебной Елизавете. Выйдя в июле 1565 года замуж за Генриха Дарнлэя, Мария стала искать сближения с Филиппом II, чем тотчас же возбудила против себя сильную оппозицию шотландского дворянства во главе с Джоном Ноксом, стоявшего за протестантизм. Убийство мужа, от которого Мария уже имела сына — впоследствии короля Великобритании Иакова I, — и желание снова выйти замуж за его убийцу, Джемса Ботвэля, повлекли за собой возмущение дворян. Очутившись в их власти, Мария была отвезена на остров Лок-Левэн, где ее и принудили отказаться от шотландской короны в пользу своего сына. Свергнутая королева не могла примириться со своей судьбой. Имея приверженцев, она бежала и еще раз увлекла за собой войска, но проигранная битва при Лонгсайде заставила Марию, чтобы спасти свою жизнь, скрыться в Англии, и 17 мая 1568 года она вступила на землю, где властвовала Елизавета. Надеясь найти в ней защитницу, она нашла в ней, как когда-то прекрасная супруга Менелая в Поликсе, только жестокого палача.

Положение английской королевы на самом деле было очень затруднительно. Наказывать Марию за случившееся она не имела никакого права; оттолкнуть несчастную и предать в руки врагов было бы не королевским поступком; освободить, чтобы она могла бежать

во Францию или Испанию, значило бы дать ей в руки оружие против Англии. Как поступить, чтобы не возбудить нежелательных политических осложнений и в то же время окончательно обезвредить врага? На помощь королевской мудрости пришла женская хитрость. Под благовидными предлогами Елизавета отказалась от свидания с Марией, уступив ей замок Фотрингэй, ставший впоследствии для изгнанницы тюрьмой, куда и отправила ее, окруженную вооруженным эскортом, как подобает коронованной особе, — в сущности же просто под конвоем, — приказав не спускать с нее глаз. Мария Стюарт стала пленницей Елизаветы. Последствия этого насилия не замедлили сказаться. Католическое население северных провинций Англии, считая Марию единственной законной королевой, подняло мятеж, который едва удалось подавить, а папа Пий V, узнав, что «верная дочь его паствы» захвачена «еретичкой» и томится в заключении, издал громовую буллу против Елизаветы, проклял ее и угрожал тем же ее подданным, освободив их от данной королеве присяги.

В самой Англии не придали особого значения гневу «наместника св. Петра», и парламент ответил на буллу тем, что верховное управление всеми духовными и светскими делами государства перешло в руки Елизаветы: Британия отреклась от папы. Однако этот переворот не прошел без колебаний со стороны королевы-девственницы, на которую католицизм имел еще сильное влияние: в ее дворцовой капелле постоянно находилось Распятие, окруженное зажженными свечами, но лицемерно идя навстречу желанию большинства, она сумела примирить крайности. Новая «англиканская церковь», родственная по своему учению протестантизму, а по обрядностям и внутреннему строю — католицизму, удовлетворила всех (1571), за исключением пуритан, но правительство зажало им рты, издав закон, грозивший смертной казнью всякому, кто осмелится называть королеву «еретичкой», оспаривать ее права на корону или «приписывать эти права другому лицу». Все было предусмотрено, ничто не забыто.

Однако строгости не смущали врагов «царственной весталки», и вскоре против нее составился огромный заговор во главе с герцогом Томасом Норфольком с целью свержения Елизаветы с престола. Папа одобрил этот план, а Филипп II обещал высадить свои войска в Англии, как только «девственница» будет захвачена

заговорщиками. Если во Франции католики одолевали протестантов, тут выходило наоборот. Правительство не дремало, и пока Рим и Испания ожидали известий от Норфолька, он был схвачен, уличен в государственной измене и казнен. Елизавета никому не прощала посягательств на свою власть. В Англии отлично видели, что нити последнего заговора находились за границей, и поэтому королева вынуждена была обратить свою политику против папы и Филиппа II. Как раз в это время (1575) завязались переговоры о бракосочетании Елизаветы с французским королем Генрихом III. «Царственная весталка», и не помышляя даже выходить замуж, сочла нужным посоветоваться о предложении с членами своего «Тайного Совета», чтобы в случае отказа он исходил не от нее, а от имени нации. Расчет был верен, и королева продолжала оставаться — «для блага своего народа» — девственницей. Ах, если бы народ знал не лицевую, блестящую сторону медали, а обратную, тогда бы он, конечно, не с таким благоговением смотрел на женщину, нагло обманывавшую его.

Явный фаворит и скрытый любовник очень некрасивой «королевы-девственницы», граф Лейчестер, льстивший себя фантастической надеждой стать мужем своей государыни, на что она сама несколько раз довольно прозрачно намекала, увидел, наконец, истину и в 1576 году тайно женился на красавице графине Эссекс, предварительно отравив ее мужа. Елизавета узнала об этом браке спустя восемь лет. Ее ревности и злобе не было границ. Сама она могла обманывать решительно всех, вплоть до самой себя, но быть обманутой другими ей казалось чудовищным преступлением, на этот раз усиленным красотою графини Лейчестер. Королева резко порвала всякие отношения, кроме официальных, с коварно изменившим ей любовником, который, опасаясь последствий и желая вернуть расположение «царственной весталки», решил уничтожить причину раздора. Графиня пала жертвой подлости собственного мужа. Смерть ее, однако, не помогла делу. Чтобы хоть как-нибудь вернуть расположение Елизаветы и окончательно не потерять влияния, бывший фаворит не нашел ничего лучшего, как превратиться в сводника. Его место было уже занято неким Карлом Блунтом, соперничавшим с графом Монтимэром, которым королева одинаково симпатизировала. И вот в конце 1584 года он представил ко двору своего пасынка, Роберта Деверё, графа

Эссекса, 17-летнего очень красивого юношу. Отчим не ошибся в расчете: 50-летняя любовница Лейчестера приняла под свое покровительство мальчика, подсунутого ей убийцей его родителей. Ловкий малый быстро вошел в роль фаворита, тотчас же возбудив против себя всех окружающих. Действительно, его мальчишеская заносчивость, нравившаяся только одной Елизавете, не знала границ. Однажды на совете он, разойдясь во взглядах с «царственной весталкой», надулся и повернулся к ней спиной. Оскорбленная подобным нахальством королева не сдержалась и дала ему звонкую пощечину, прибавив, что он может убираться от нее «ко всем чертям». Эссекс моментально схватился за шпагу, поклявшись, что не простит никому такой дерзости, а когда его заставили просить прощения у Елизаветы, исполнил это далеко не в подобающих выражениях. Народ, разумеется, об этом не знал, те же, которые знали, притворялись, что ничего не видят, преследуя собственные, эгоистические цели.

Время шло, а желанного спокойствия все еще не было. Из Рима распространялась сильная католическая пропаганда. Сперва в Дуэ, а затем в Реймсе были основаны коллегиумы, в которых воспитывались молодые англичане для пополнения рядов папского духовенства; такие же семинарии открылись и в «Вечном городе»; эмиссары «святейшего отца» проникали переодетыми в Англию и разжигали фанатизм, указывая на Марию Стюарт, лишенную свободы британской королевой, как на законную наследницу престола, и предсказывали, что в самом близком будущем испанцы вторгнутся на территорию, несправедливо захваченную Елизаветой. Успехи Филиппа II в Голландии делали предсказания достаточно правдоподобными. Дольше медлить было нельзя. На помощь голландцам отправили войска под командой графа Лейчестера, а Фрэнсис Дрэйк, только что совершивший кругосветное путешествие, овладел Сан-Доминго. Таким образом, военные действия открывались одновременно на суше и на море. Враждебная Елизавете партия тотчас же воспользовалась удобным моментом и целым рядом заговоров пыталась низвергнуть «девственницу», но протестантская Англия, видя в опасностях, угрожавших монархине, угрозу себе, сплотилась на защиту престола, и никогда еще чувство преданности королеве не выражалось так ясно, как теперь. Это, однако, не смутило врагов Елизаветы. При рев-

ностном содействии Мендозы, тогда испанского посланника в Париже, составился заговор, во главе которого стояли два англичанина: Севэдж и Бэбингтон. На этот раз и Мария Стюарт знала о нем, находясь в переписке с главарями, и вполне одобряла их проекты. Но заговор открылся. 20 и 21 сентября 1586 года заговорщики были казнены, а против бывшей шотландской королевы начали процесс. Наконец-то королева-девственница имела возможность рассчитаться с соперницей!

С процессом, видимо, спешили. Парламент в угоду государыне признал Марию виновной и достойной смертной казни. Очень довольная Елизавета не решалась, однако, подписать приговор, боясь упреков в жестокости, опасаясь дать оружие в руки своих многочисленных врагов.

— Но я должна отделаться от нее!.. — объявила она своему бывшему фавориту.

— Почему бы вам, государыня, не попробовать сделать это несколько иным способом, с соблюдением внешнего благоприличия?.. — предложил граф Лейчестер, всеми силами старавшийся заслужить расположение Елизаветы.

— А именно?.. — заинтересовалась королева-девственница.

— Почему бы не послать в Фотрингэй вместо палача аптекаря?..

Мысль была недурная, и Елизавета тотчас же воспользовалась ею, послав намекнуть сэру Амиасу Поулэту, которому был поручен надзор за несчастной шотландской королевой, не возьмется ли он отыскать молодца, чтобы привести в исполнение смертный приговор над заключенной, не дожидаясь формального приказа. Но сэр Поулэт, как истинный христианин и пуританин, с негодованием отверг подобное предложение, заявив, что если жизнь и достояние его в руках монархини, то чести и совести его никто не может отнять.

Убийца и к порогу не посмеет
Приблизиться, пока она моими
Пенатами хранима. Жизнь ее
Священна для меня, — священна так же,
Как голова британской королевы.
Вы — суд ее! Судите! Осуждайте!
Ударил час — пускай приходит плотник
С пилою, с топором, — подмостки строит...

Шерифу, палачу — ворота настежь...
Но знайте, что пока под этой кровлей
Ей суждено быть узницей моей, —
Нет хода злу ни от нее, ни к ней! *

Ответ честного сэра Полуэта смутил Елизавету, не нашедшую в своей черствой душе великодушия, — так украшающего королей, а тем более королев, — чтобы помиловать Марию. Правда, на заседаниях «Тайного Совета» она лицемерно присоединилась к меньшинству, стоявшему за пожизненное заключение подсудимой, но не протестовала, когда большинство, как она и ожидала, отнеслось к этому отрицательно. Новое покушение на жизнь Елизаветы, к счастью для нее вовремя обнаруженное, показало, что, несмотря на 19-летнее заключение в Фотрингэй, обаяние узницы было еще очень велико, с каждым днем привлекая на ее сторону все больше и больше приверженцев. Могла ли с этим примириться надменная Елизавета? Хотя Мария Стюарт на этот раз и не была причастна к заговору, королева-девственница придралась к удобному случаю, обвинила ее и решила разом все покончить. Недоброе чувство водило ее рукой, когда она под смертным приговором подписала свое имя, а вместе с ним и свой собственный позор. Но и тут она не нашла в себе мужества действовать открыто. Вручив кровавый документ государственному секретарю Дэвисону, она в таких туманных выражениях объяснила значение его, что тот не знал, как поступить. У Шиллера эта сцена воспроизведена удивительно правдиво.

Дэвисон (взглянув на бумагу, в испуге).
Королева!..
Подписано уже... Так ты решилась?..

Елизавета

Обязана была я подписать.
Я так и поступила. Лист бумаги —
Еще ведь не решение, а подпись —
Еще не казнь...

Дэвисон

Ты для того ль вручаешь мне бумагу,
Чтоб я ее немедленно исполнил?..

Елизавета

Как ваше разуменье вам подскажет...

---

* Шиллер. «Мария Стюарт», перевод В. С. Лихачева.

Дэвисон

Скажи определенно мне и ясно,
Что делать с этим смертным приговором?

Елизавета

Ответ в его названье.

Дэвисон

Значит, надо
Исполнить поскорей?

Елизавета (нерешительно).

Я не сказала —
И эта мысль меня приводит в трепет.

Дэвисон

Так хочешь ты, чтоб я сберег его?

Елизавета (быстро).

На собственный ваш страх! И вы в ответе.

Дэвисон

В ответе? Я? О, Боже мой! Скажи,
Чего же ты желаешь?

Елизавета (нетерпеливо).

Я желаю,
Чтоб мне о злополучном этом деле
Не приходилось думать, чтоб в покое
Оставили меня — и навсегда...

Дэвисон (хочет отдать ей бумагу).

Возьми ее! Возьми ее обратно!
Она мне руки жжет. Пускай послужит
Другой тебе в ужасном этом деле.

Елизавета

Исполните служебный долг. (Уходит.)*

Очевидно, что даже высшие государственные сановники надеялись на великодушие королевы и растерялись, получив позорный документ. Коварная женщина, не желая брать на себя ответственность за преступление, по примеру Пилата, умывала руки, предоставив Дэвисону разрешить заданную загадку. Посоветовавшись с Берлэем и другими членами «Тайного Совета», приговор послали в Фотрингэй...

---

* «Мария Стюарт», перевод В. С. Лихачева.

Мария Стюарт встретила смерть с твердостью, искупив ею все заблуждения (1587). Елизавета же, как леди Макбет, всю свою дальнейшую жизнь не смогла смыть кровавых пятен со старческих рук, страстно обнимавших молодого любовника. В деле Марии Стюарт она до конца вела себя подобно площадной комедиантке. С плохо скрываемым нетерпением она ждала известий и, когда ей доложили о свершившейся казни, притворилась огорченной. Лицемерка плакала, уверяя, что ее приказания были ложно истолкованы; несчастного Дэвисона посадили в темницу и заставили заплатить 10 000 фунтов стерлингов пенни. Иуда, по крайней мере, не скрывал, что предал Христа, женщина превзошла его! Елизавета могла успокоиться: соперница ее красоты и власти исчезла с лица земли. В Лондоне известие о казни Марии Стюарт приняли с ликованием: повсюду были зажжены потешные огни, и церковные колокола с утра до ночи радостно звонили, торжествуя преступление. Королева-девственница и тут не нашла в себе порядочности, чтобы прекратить возмутительное издевательство над еще не остывшим трупом шотландской королевы и, убаюкиваемая колокольным звоном, сладко дремала на груди своего фаворита. Но это не все. На представления французского посла Обепина, заявившего протест, она старалась свалить вину на других.

— Никогда, — уверяла Елизавета, — я не решилась бы исполнить смертный приговор иначе, как в случае восстания или высадки неприятельских войск. Я не прощу своим министрам этого несчастья. Если бы они не поседели на моей службе, то лишились бы голов!

Казнь Марии Стюарт подала повод Риму и Испании открыть враждебные действия против Англии. Шотландская королева завещала свои права на английский престол Филиппу II, если ее сын Иаков, воспитанный вдали от матери в духе «англиканской церкви», не обратится к католичеству. Надежды на это было мало, да к тому же испанский монарх и без того стремился завладеть Британией, которую «щедрый» папа Сикст V дарил ему. Подарок был очень ценный, но чтобы получить его, приходилось прибегнуть к силе оружия. И вот в испанских и голландских гаванях закипела работа, и уже в июне 1588 года так называемая «Непобедимая Армада», состоявшая из 130 судов, имея на бортах 2000 орудий и около 30 000 войска, вышла в море. Папа вручил вождям этого гигантского флота свое духовное

оружие — грамоты и воззвания против Елизаветы и ее государства, являвшихся главной опорой реформатов. Англия со своей стороны мужественно приготовилась к отпору. Чувство ненависти к иноземному владычеству настолько одушевило все классы общества, что перед ним замолкли религиозные антипатии, и католические лорды объединились вокруг королевы.

— Только тиран, — сказала Елизавета на военном смотру в Тильбери, — может опасаться своих подданных, что же касается меня, то именно в их привязанности я черпаю главнейшее свое могущество!..

Речь, достойная Перикла, в устах лицемерной женщины теряет свое обаяние, но подданные королевы-девственницы приняли ее за чистую монету и ответили восторженными криками.

31 июля англичане завидели вдали, перед Плимутом, грозную испанскую флотилию, которой не суждено было оправдать свое название «непобедимой». Страшная морская буря разметала «Армаду». Часть судов потерпела крушение у берегов Шотландии, с остальными справились британцы. Грандиозное предприятие испанцев потерпело полное поражение. Гибель колоссального неприятельского флота усилила убеждение протестантов, что Господь, «всемогущим дуновением Своим рассеявший врага, как прах», несомненно, на их стороне. С этих пор Англия стала «царицей морей», упрочив свою силу и славу Елизаветы.

В связи с испанско-английской распрей в Ирландии вспыхнули беспорядки на религиозной почве. Против мятежников стареющая королева послала войска под предводительством своего любимца, графа Эссекса, к несчастью, успевшего восстановить против себя престарелых советников Елизаветы, которые только и искали случая, чтобы его погубить. Случай этот вскоре представился. Поход Эссекса оказался неудачным: ему пришлось вступить в переговоры с мятежниками. Понадеявшись на свое влияние на королеву, он, не испросив ее согласия, заключил договор с ирландцами в их пользу. Он сознавал, какой подвергался за это ответственности, и решился на отчаянный поступок. Внезапно, без позволения, он прискакал в Лондон и прямо с коня, не переодевшись, весь в пыли, ворвался к Елизавете и упал к ее ногам. Изумление королевы, соблюдавшей при дворе чопорный этикет, было так велико, что у нее не достало духа для упреков. Эссекс во всех подробностях изло-

жил ей ход переговоров и молил о прощении. Как женщина, она была готова простить любовника, но долг королевы обязывал ее отдать под суд полководца, превысившего свои полномочия в ущерб государству. Скрыть проступок было невозможно. Через несколько дней «Звездная камера» осудила графа Эссекса к лишению должностей, звания члена «Тайного Совета», чина фельдмаршала и монополии, составлявшей главный источник его доходов. Пораженный этим ударом, фаворит не терял надежды личным объяснением с Елизаветой восстановить свои права, но враждебная ему партия не допустила свидания. Тогда в нем зародилось безумное намерение с оружием в руках двинуться во дворец и заставить королеву сместить всех ее советников, которых он считал своими врагами. 8 февраля 1601 года, собрав друзей, он пытался привести свой план в исполнение, но был схвачен и уличен в государственной измене.

Рука Елизаветы сильно дрожала, подписывая смертный приговор человеку, в течение 17 лет пользовавшемуся ее исключительным расположением. Как говорят, причиной этого было следующее обстоятельство. Несколькими годами ранее Елизавета подарила Эссексу в знак своего особенного к нему благоволения драгоценный перстень.

— Что бы с тобой ни случилось, в чем бы ты ни провинился передо мной, — уверяла она, — пришли мне перстень... Он мне напомнит сегодняшний день, и я все тебе прощу.

Эссекс не забыл обещания и передал перстень графине Ноттингэм с просьбой передать его королеве, но муж графини, «победитель Армады», личный враг фаворита, не позволил жене исполнить поручение. Елизавета колебалась, ожидая перстня. Не получив его и узнав, что ее любовник еще в 1589 году по примеру своего отчима тайно женился на вдове Филиппа Сиднэя, подписала роковую бумагу. Эссекс взошел 25 февраля 1601 года на эшафот, уверенный, что королева обманула его, Елизавета плакала, убежденная, что он пренебрег ею.

Его казнь не прошла бесследно для нее: она впала в меланхолию, беспрестанно вспоминая «своего Роберта», образ которого, как тень Банко, преследовал ее повсюду. Она часто упрекала себя в жестокости, его — в неблагодарности. Годовщины его казни Елизавета проводила в совершенном уединении. Угрызения совести

до такой степени терзали ее, что она решилась умереть. Королева проводила целые дни, лежа на подушках, устилавших пол ее комнаты, в глубоком молчании, отказываясь от лекарств. 13 марта 1603 года ее положение значительно ухудшилось. Граф Ноттингэм вместе с хранителем печати Эджертоном и Робертом Сесилем ни на минуту не покидали ее. Потеряв последнюю надежду на выздоровление королевы, Ноттингэм 23 марта рискнул заговорить о престолонаследии.

— Я не хочу иметь преемником куклу, — ответила Елизавета. — Кто может следовать за мною, как не король?..

Сесиль попросил высказаться яснее.

— Когда я говорю о короле, — сказала она, — то подразумеваю Иакова, короля Шотландии... Оставьте меня в покое.

На следующий день 70-летняя королева Англии, последняя Тюдор, скончалась, процарствовав 45 лет, уступив престол Великобритании сыну казненной ею Марии Стюарт.

В течение своего долголетнего царствования Елизавета, несмотря на любовь, даже страсть, к роскоши и удовольствиям, не надоедала парламенту просьбами о деньгах, предпочитая заложить или продать собственное имущество, но смотрела сквозь пальцы на расхищение народной казны своими фаворитами и любовниками. Одно из редких свойств ее состояло в умении избирать себе советников. Деятельной и ловкой политикой она сделала свое имя дорогим для англичан; она подняла британскую промышленность, впервые установив сношения с иностранными государствами и даже с далекой Русью; покровительствовала мореплаванию, основывала колонии в Новом Свете; помогала голландцам, так же как и Генриху IV французскому, в их долгих войнах с Испанией; Лондон обязан ей первыми благотворительными учреждениями. Все это указывает на ее редкие качества и объясняет восторженное поклонение народа. Услуги, оказанные родине, оправдывают снисхождение англичан к ее слабостям женщины и деспотизму королевы. Но ничто не сможет оправдать казни Марии Стюарт и того бесконечного лицемерия, которое заставило страдать несчастную шотландскую королеву, павшую жертвой жестокости своей завистливой соперницы. Смерть Елизаветы, вернее, самоубийство, вызванное казнью любовника, говорит о том, что она была спо-

собна к искренней привязанности. Добровольно умирая, она, быть может, надеялась искупить этим кровь, поднимавшуюся вплоть до ступеней ее престола.

Слава подвигов, которыми было ознаменовано это царствование, отразилась с особой силой в литературе. Сочинения Эдмунда Спенсера наполнены прославлениями «королевы-волшебницы». Творчество гениального Шекспира ясно доказывает, что образ Елизаветы, его покровительницы, производил на него огромное обаяние. В своем «Генрихе VIII» он вкладывает в уста Томаса Кранмэра по поводу крестин дочери Анны Болейн такое предсказание:

...Для счастия отчизны
Она до лет преклонных доживет;
И много дней над нею пронесется,
И ни один не минет без того,
Чтоб подвигом благим не увенчаться.
О, если бы я больше ничего
Не мог прозреть! Но умереть ей должно
Когда-нибудь: святые ждут ее;
И девою сойдет она в могилу,
Как лилия чистейшая, и мир
Оденется глубокою печалью *.

Такие мысли внушала поэту величественная Полигимния, но последнее слово принадлежит ее сестре, беспристрастной Клио.

Габриэль д'Эстрэ

В глубокой тишине старинного дворца,
Вдали от шума битв, она ждала отца,
Который, королям служа всю жизнь без лести,
С Великим Генрихом ушел на поле чести.
Она звалась д'Эстрэ; природа на нее
Без меры излила могущество свое:
Так не блистала встарь, красою поражая,

* Перевод П. И. Вейнберга.

Преступная жена Атрида Менелая!
Без гордых помыслов царицы египтян,
Что обольстить смогла властителя римлян,
Которой на Кидне, — узрев ее галеру,
Курили фимиам, принявши за Венеру,
В том возрасте была теперь д'Эстрэ, когда
Все чувства одному покорствуют всегда;
Но сердце, полное надежд и упований,
Еще не слышало влюбленного признаний...

В таком идиллическом виде Вольтер в своей «Генриаде» представил женщину, внушившую безумную страсть французскому королю Генриху IV, отличавшемуся необыкновенным волокитством, имевшему громадное количество любовниц — числом 56 — и своим поведением много способствовавшему развращению нравов. Но так как поэты не всегда бывают согласны с истиной, то и «фернейский философ» в данном случае, не желая считаться с фактами, не остался безгрешным. Он не сгустил красок, рисуя физический портрет Габриэли д'Эстрэ, прозванной «прекрасной», но, воспевая ее нравственные качества, покривил душой. На самом деле старинный дом д'Эстрэ, давший Франции двух выдающихся фельдцейхмейстеров, нескольких храбрых маршалов, талантливых академиков, духовных проповедников и кардиналов, быть может, никогда не получил бы известности, если бы блестящая проститутка, воспетая Вольтером, происходившая из этой крепкой, здоровой и изящной породы, которая появилась как нельзя более кстати, чтобы составить двор Валуа, не создала ему популярности.

Маркиз Антуан д'Эстрэ, отец Габриэли, родившейся в 1571 году, был хороший солдат, честный гражданин и добрый католик, проведший большую часть своей жизни в походах. Реформатское движение не смогло поколебать ни его религиозных убеждений, ни веры в законные права монарха, будь тот гугенотом или папистом. Супруга маркиза, Франсуаза, урожденная де ла Бурдезьер, принадлежала к семье, женщины которой исстари славились на всю Францию своим легкомыслием. В этом достойном роду насчитывают 25 или 26 особ прекрасного пола, частью замужних, частью посвятивших себя служению Богу, которые, не стесняясь ни положением, ни саном, имели открыто по нескольку любовников. Например, одна из де ла Бурдезьер откровен-

но хвастала, что разделяла ложе с папой Климентом VII в Риме, с императором Карлом V в Ницце, при проезде его через Францию, и с королем Франциском I, где только случалось. Теперь мы ужасаемся подобному чудовищному разврату, не находя ему никаких оправданий, но по понятиям людей, переживших эпоху беспокойного и утонченного Возрождения, сменившуюся бурной Реформацией, поколебавшей умы, эти дамы считались настоящими женщинами. Будучи пропитаны испанской гордостью, итальянской страстностью и французской грацией, жаждавшие «любить и умереть», равнодушные к наукам, пренебрегавшие властью и чуждые тщеславию, они — как ни странно это звучит — создали в королевстве семью, оживившую новыми побегами обессиленный ствол династии, и окружили престол рядом прекрасных детей.

Антуан и Франсуаза д'Эстрэ имели многочисленное потомство: двух сыновей и шесть дочерей. Старший сын был убит при осаде Лана, а младший, Франсуа-Аннибал, готовившийся к духовному званию и уже назначенный лионским епископом, неожиданно сбросил сутану и перешел на военную службу; что касается дочерей, то ловкая мамаша, торговавшая их красотой, как собственным телом, хорошо сумела пристроить молодых девушек: старшая, Диана, жила на содержании у любимца Генриха III, герцога д'Эпернона, «вельможного сводника», а остальные, за исключением Габриэли, красота которой готовила ей в будущем еще более блестящую карьеру, вышли замуж за маркиза Виллара, г-на де Ноа, графа Сансэ и г-на де Баланьи, что ничуть не мешало им вести самую беспорядочную жизнь. Сестер вместе с братом не называли иначе, как «семью смертными грехами» — прозвищем, тогда настолько же оскорбительным, насколько и лестным, хотя относительно Габриэли это было совершенно несправедливо; она пока еще ничем не проявила себя. Стройная, с чудесным цветом лица, густыми белокурыми волосами, большими голубыми глазами, грудью, которой позавидовала бы сама дочь Леды, изящными руками и миниатюрными ногами, Габриэль в 16 лет вполне оправдывала название «прекрасной». Отсутствие глубокого ума искупалось чарующей улыбкой, а в образовании, обладая божественной наружностью, она не нуждалась, имея в своей библиотеке всего одну книгу — «Часослов», да и ту перелистывала не особенно усердно. Несомненно, судьба

предназначала ее не простому смертному, и вот мать, при посредстве герцога д'Эпернона, предложила «прекрасную Габриэль» самому Генриху III. «Вельможный сводник» такими яркими красками описал красоту молодой девушки, что возбудил в хладнокровном к женским ласкам короле желание обладать ею. Маркизе д'Эстрэ через другого королевского «миньона», маршала Монтиньи, было послано 6000 экю, из которых посланный, найдя эту цену слишком высокой, удержал 2000 в свою пользу, и, таким образом, невинность Габриэли оказалась проданной всего за 4000! Но развратный Генрих III недолго наслаждался объятиями своей юной любовницы.

— Мне незачем искать худобы и белизны тела у других женщин, — сказал он, — этого добра в достаточном количестве имеется и у моей жены!

Чтобы не терять времени даром, огорченная маркиза д'Эстрэ тотчас же предложила свою дочь, удостоившуюся королевского внимания, что, несомненно, увеличивало ее престиж, известному финансисту и тайному агенту герцога тосканского, итальянцу Себастьяну Замету, но, не сойдясь с ним в цене, показала «прекрасную Габриэль» кардиналу лотарингскому, герцогу Людовику Гизу, который влюбился в красавицу и, не торгуясь, уплатил требуемую сумму. Его страсть длилась около года и, быть может, продолжалась бы дольше, если бы мамаше не понадобились деньги, ради чего она тайно от кардинала свела дочь с герцогом де Лонгвилем. Узнав об этом, Гиз оставил Габриэль за три или за четыре дня до «Баррикад» (12 мая 1588 г.). Переходя из рук в руки, молодая девушка случайно стала любовницей «великого конюшего» Генриха III, красавца герцога Белльгарда, к которому и сама не оставалась равнодушной. Король, только и думавший, как бы угодить любимцу, осыпал любовников своими милостями: одевал их в одинаковые цвета, заставлял на балах танцевать вместе и очень гордился, имея возле себя такую очаровательную пару. Внезапная смерть Генриха III, убитого Жаком Клэманом, положила конец этому блаженству.

В смутное время воцарения Генриха IV «прекрасная Габриэль» была увезена своею матерью в их родовой замок Кёвр, неподалеку от Манта, ставшего как бы столицей Франции, вследствие отказа парижан открыть свои ворота королю-гугеноту. Герцог Белльгард, находившийся безотлучно при «Беарнце», только изредка

имел возможность навещать любовницу, жившую в замке со стариком-отцом и сестрами, г-жами де Бананьи и де Ноа; маркиза д'Эстрэ с младшей дочерью Жюльеттой-Ипполиттой, маркизой Виллар, уехала к предмету своей страсти д'Аллегру, иссуарскому губернатору. В Кёвре «прекрасная Габриэль» отнюдь не скучала, по врожденной склонности к прелюбодеянию, разделяя объятия с соседними дворянами Брюнэ де ла Бюсьером и Станэ, и не отказывала по старой памяти в ласках герцогу де Лонгвилю, случайно проезжавшему через Кёвр. Не правда ли, как далека эта Габриэль от той, которую воспевал Вольтер.

Однажды герцогу Белльгарду под веселую руку пришла в голову мысль похвастаться Генриху IV своей любовницей. Он так красноречиво описал ее красоту и очарование, что король заочно влюбился в прекрасную Габриэль. Когда на следующий день герцог стал собираться в Кёвр, «Беарнец» пожелал сопутствовать ему. Белльгард слишком поздно понял свою ошибку. Надежды на то, что королю не понравится девица д'Эстрэ, и быть не могло: алмаз остается алмазом, и только слепые способны отрицать его блеск, а король, к несчастью герцога, обладал слишком хорошим зрением, будучи знатоком женской красоты. Последствия глупой откровенности не заставили себя долго ждать.

Пока Генрих IV и Белльгард скачут в Кёвр, посмотрим, что происходит в зале замка, где собрались за столом три сестры. Габриэль не шутя беспокоилась о любовнике, не в состоянии объяснить себе его продолжительного отсутствия. Что это значит? Уж не ранен ли он? Неужели разлюбил? Чтобы утешить сестру, г-жа де Ноа взялась погадать ей. Достав из шкатулки колоду карт, бывших в моде еще при Карле IX, в которой короли назывались не по мастям, а Августом, Константином, Соломоном и Кловисом, и перетасовав их, она предложила Габриэли выбрать одну. Красавица с улыбкой вытащила карту и неловким движением уронила другую, оказавшуюся валетом, в обыкновенном гаданье изображавшем Белльгарда; первая была король Август. Сестры, смеясь, начали уверять Габриэль, что, судя по этому, в ее жизни большую роль сыграет какой-то король, быть может, даже сам Генрих IV, и с низкими реверансами стали выпрашивать себе помещения в Лувре, когда она превратится почти в королеву Франции и Наварры. В этот момент загремели цепи подъемного

моста; Габриэль бросилась к окну и увидела Белльгарда, въезжавшего во двор рядом с незнакомым мужчиной.

— Да это наш король!.. — вскричала г-жа де Баланьи, узнавшая Генриха IV, которого годом раньше видела в Компьене.

— Король?.. — повторила Габриэль, несколько смущенная, рассматривая обе карты, оставшиеся у нее в руках, и с недоумением глядя на сестер, находивших, так же как и она, совпадение очень странным.

Маркиз д'Эстрэ, польщенный неожиданным визитом монарха, не знал, чем ему и угодить, но Генрих IV ни на что не обращал внимания, пожирая глазами одну прекрасную Габриэль. Несчастному Белльгарду не удалось и двух слов сказать своей любовнице. Впрочем, он еще не отчаивался, надеясь, что за ужином «Беарнец», по обыкновению, напьется и забудет о красавице, но и на этот раз жестоко ошибся: король почти ничего не пил. После ужина, любезно простившись с дамами, Генрих IV и его «великий конюший», сопровождаемые гостеприимным хозяином дома, отправились в предназначенные для них комнаты, помещавшиеся рядом. Прождав около получаса и не слыша шума в спальне короля, герцог решил, что он заснул, и осторожно вышел в коридор, спеша на свидание к Габриэли. Каково же было его изумление, когда он увидел Генриха IV, расхаживающего по коридору со свечою в руках. «Беарнец» пригласил растерявшегося Белльгарда к себе и горячо благодарил его за самопожертвование. «Великий конюший», совершенно сбитый с толку, стоял перед королем в виде соляного столба. Тогда Генрих IV таинственным шепотом очень серьезно стал объяснять ему, что они совершили непростительную глупость, в такое тревожное время приняв гостеприимство маркиза д'Эстрэ. А что, если он по секрету послал уже сказать «лигерам», врагам короля, о его пребывании в Кёвре? Что смогут они сделать против сотни людей, решившихся покончить с ними? Во всяком случае, эту ночь они должны провести вместе — две шпаги больше, чем одна, — и ради спокойствия крепко-накрепко запрут дверь. Уверенный, что Белльгард спешил к нему, охваченный точно такими же мыслями, Генрих IV еще раз поблагодарил его и запер дверь, спрятав ключ в карман. Встревоженный речью короля, герцог готов был поверить в несуществующую опасность, но «Беарнец» не выдержал:

он улыбнулся, и «великий конюший» сразу все понял. Монарх, влюбленный в Габриэль, не хотел, чтобы с этого дня она принадлежала другому, и ревниво оберегал свое сокровище. Герцогу оставалось только повиноваться, и он всю ночь не смыкая глаз просидел в кресле возле постели, на которой крепко спал король, сладко мечтавший об обладании прекрасной Габриэлью.

Утром, в час, назначенный королем для отъезда, маркиз д'Эстрэ с дочерьми ожидал его выхода в большой зале. Габриэль, бледная от бессонной ночи, что еще сильнее выделяло ее красоту, и раздосадованная пренебрежением любовника, не подозревая истины, стояла, надув губки, с нахмуренными бровями, между улыбающимися сестрами. Белльгард, не желая прогневить короля, не обменялся ни одним жестом, ни одним взглядом с любовницей, готовой от отчаяния разразиться слезами. Но когда Генрих IV взял слово с маркиза д'Эстрэ в самом недалеком будущем вместе с дочерью приехать погостить в Мант, красавица сообразила, кто разлучил ее с любовником, и, делая глубокий реверанс новому обожателю, мысленно поклялась отомстить ему и, если уж ей суждено принадлежать монарху Франции, поучить его терпению. Она сдержала клятву: действительно, Генриху IV пришлось ждать год и три месяца, прежде чем он мог похвастать, что красавица разрешила ему «развязать подвязку». Впрочем, этому помешали и другие причины. Во-первых, Габриэль не любила короля и, значит, не спешила раскрыть ему свои объятия; во-вторых, вследствие постоянных смут «Беарнцу» часто приходилось покидать свою пассию, и, в-третьих, что, пожалуй, важнее всего, предшествовавшая Габриэли любовница Генриха IV, вернонская игуменья Екатерина Вердэн, заразила его болезнью, называвшейся тогда «помни обо мне», заставившей короля в течение известного времени волей-неволей быть несколько воздержаннее в любовных удовольствиях.

Пока король Франции завоевывал маленькие и большие города своего королевства, не имея возможности овладеть Парижем, прекрасная Габриэль, проживавшая в Манте, возобновила свою связь с Белльгардом, долго упорствовавшим, не желая обмануть доверие «Беарнца», и с герцогом де Лонгвилем, мало беспокоившимся о Генрихе IV. В одно и то же время она осчастливливала двоих, будучи способна осчастливить и третьего, так как, по примеру матери, частые «жертвы богини

любви» ничуть не пугали ее. Возвращение короля прекратило эту двойную связь. Поочередно вызванные к Генриху IV, де Лонгвиль и Белльгард выслушали строжайший выговор, и если первый спокойно покорился обстоятельствам, второй, искренно любивший Габриэль, изнывал от отчаяния. При первой же встрече с королем красавица не сдержалась и объявила, что не признает никаких препятствий, что она любит герцога Белльгарда, который обещал на ней жениться, и что если Генрих IV воображает таким способом победить ее сердце, то жестоко ошибается и вместо расположения заслужит от нее только презрение и ненависть. После этого объяснения Габриэль заперлась в своей комнате и, несмотря ни на просьбы, ни на мольбы короля, не пожелала выйти. «Беарнец» еще больше удивился, узнав на следующее утро, что красавица, даже не предупредив отца, уехала ночью в Кёвр в сопровождении двух слуг. Безумно влюбленный Генрих IV, не думая долго, отправился вслед за ней. Так как в данный момент подобное путешествие представляло немало опасностей, король, не доезжая трех лье до замка, переоделся в крестьянское платье и с мешком соломы на спине пошел пешком в Кёвр. Прекрасная Габриэль была поражена, увидев монарха Франции в таком странном виде, но вместо того чтобы оценить его жертву и отвечать на его любезности, резко объявила:

— Государь, вы так некрасивы в этом наряде, что мне противно смотреть на вас!..

И с этими словами захлопнула дверь перед самим носом обескураженного Генриха IV, которому по возвращении в Мант пришлось еще терпеливо выслушать нотацию от своих друзей, маршала Морнэ и герцога Сюлли, обеспокоенных его внезапным исчезновением.

Бедный маркиз д'Эстрэ, возмущенный слишком бесцеремонным поведением дочери, заставил ее вернуться в Мант, что несколько ободрило короля, который в ее отсутствие выглядел потерявшим половину своего королевства. Отец, единственный порядочный человек в семье, находил свое положение довольно щекотливым, так как Генрих IV осыпал его незаслуженными милостями, которые все увеличивались по мере расположения Габриэли к королю. Не желая разыгрывать роли «покладистого папаши», маркиз д'Эстрэ решил выдать дочку замуж, чтобы снять с себя ответственность. Дело предстояло нешуточное. Во-первых, было необходимо

отыскать такого молодца, который, обладая титулом и средствами, составил бы партию, достойную дочери маркиза д'Эстрэ, и в то же время не возбудил бы ревности Генриха IV. Этим счастливцем оказался Николай д'Амерваль, сир де Лианкур, очень богатый и родовитый, но непроходимо глупый и горбатый до уродства. Король вполне одобрил этот выбор, чтобы отомстить красавице за холодность, надеясь позднее заслужить ее благодарность за развод с таким комическим мужем. Прекрасная Габриэль наотрез отказалась стать г-жою де Лианкур и лишь после обещания «Беарнца» в день свадьбы встать между нею и уродом скрепя сердце согласилась.

Брачное торжество состоялось в Манте, в феврале 1591 года, в отсутствие Генриха IV, задержанного делами в соседнем городе Шонн. За несколько минут до церемонии невеста получила записку, в которой король сообщал, что прибудет к 8 часам вечера. Брак был заключен, но пробило 8, 9, 10, 11 часов, а «Беарнца» нет как нет. Новобрачный пожирал глазами свою молодую жену. Возможно ли, чтобы такой маленький человечек был способен выразить глазами столько страсти, делавшей его еще уродливее, еще отвратительнее! Откуда он черпает эту страсть, из своего горба, что ли? Габриэль затрепетала при мысли остаться наедине с горбуном. Наконец наступила полночь, а о короле ни слуху ни духу. Через несколько минут красавица должна будет отдаться своему законному владыке... Однако этого не случилось. Габриэль так ловко распорядилась, что, выйдя замуж в четверг, до воскресенья еще не стала женой собственного мужа. В первую ночь она притворилась больной и прогнала горбуна из спальни, во вторую — уложила на свою постель подругу, которая будто бы почувствовала себя дурно, а в третью — не сказав мужу, уехала ночевать в соседний замок. Горбун рвал и метал, обманутый в своих ожиданиях, и уже готовился силой завладеть тем, что ему принадлежало по праву, когда получил королевский приказ, предписывавший сиру де Лианкуру немедленно прибыть вместе с супругой в Шонн для представления. Отказаться было невозможно, и супруги, в сопровождении маркизы де Вилар и девицы де ла Бурдезьер, кузины Габриэли, поспешили к королю, которого нашли готовившимся к осаде Шартра. «Беарнец» без церемоний тотчас же отправил горбуна обратно в Мант, чем, разумеется, тот

остался не особенно доволен, а его супругу и ее спутниц увез с собою. Когда пушечные ядра пробили брешь в воротах Шартра, нежные ласки короля разбили лед, сковывавший сердечко Габриэли; непокорный город, как и строптивая красавица, одновременно пали перед монархом Франции, и при радостных криках «да здравствует наш добрый король!» Генрих IV торжествовал двойную победу!

Вскоре после этого «Беарнец» формально развел свою «прекрасную Габриэль» с уродливым сиром де Лианкуром по причине его неспособности к брачной жизни. Горбун протестовал, доказывая, что от первого брака имел 14 человек детей, которые ясно свидетельствуют о его крепком здоровье, но это признание только ухудшило его положение. Очевидно, в первое супружество он настолько растратил свои силы, что, вступив во второе, в течение трех суток не смог стать фактическим мужем своей жены. Сир де Лианкур пытался объяснить судьям, как Габриэль вела себя с ним в первые дни брака, но его не слушали, и развод был утвержден. В качестве статс-дамы королевской фаворитки была назначена маркиза де Сурди, родная тетка Габриэли, а маркиз д'Эстрэ получил место шартрского губернатора.

Маленький двор Генриха IV встретил не особенно дружелюбно его любовницу. Безумная страсть короля к прекрасной Габриэли одинаково беспокоила и мужчин, и дам, хотя по совершенно разнородным причинам. Все отлично знали волокитство монарха, менявшего женщин, как перчатки; его увлечения угасали обыкновенно столь же быстро, как и загорались; но на этот раз дело казалось более серьезным. Приближенные Генриха IV, и в особенности герцог Сюлли, опасались влияния Габриэли, способного привести к дурным последствиям, угрожавшим всему государству; придворные дамы возненавидели женщину, занявшую место, на которое втайне они сами рассчитывали. Все, однако, сходились на том, что король мог бы сделать лучший выбор, чем возвышать до себя особу, принадлежавшую доброму десятку мужчин, да, как кажется, и теперь по-прежнему благоволившую к герцогу Беллъгарду. Что делать, старая любовь не ржавеет! Разумеется, нашлись добрые люди, пожелавшие открыть «Беарнцу» глаза на двусмысленное поведение его фаворитки, но король смотрел на вещи, как истинный философ. Он не простил бы Габриэль

измены, застав ее на месте преступления, но все сплетни пропускал мимо ушей. Мало ли чего злые языки не придумают! К тому же он так любил Габриэль, что простил бы ей, пожалуй, даже измену. Вот два анекдота, превосходно обрисовывающие характер Генриха IV.

Однажды подкараулили фаворитку, тайно принявшую герцога Белльгарда. Об этом, разумеется, немедленно донесли королю. Генрих IV вспылил и в сопровождении нескольких человек отправился, чтобы застать изменницу на месте преступления. Придворные торжествовали, считая гибель «прекрасной Габриэли» неизбежной, когда король, дошедший до дверей ее спальни, вдруг круто повернул обратно.

— Я не хочу причинить ей такую неприятность, — оправдывался он.

В другой раз Генрих IV, обещавший приехать к фаворитке только на следующий день, неожиданно вернулся. При первых звуках его шагов Белльгард, сидевший с Габриэлью, спрятался под стол, покрытый тяжелой скатертью. Смущение любовницы выдало секрет, но добрый король делал вид, что ничего не замечает. Он беззаботно болтал с красавицей, проведя с ней несколько часов, во время которых несчастный герцог, боясь шевельнуться, сидел ни жив ни мертв под столом. В конце ужина «Беарнец» неожиданно поднял конец скатерти и сунул туда тарелку с куском куропатки.

— Пусть все будут сыты, — сказал он спокойно, глядя на испуганную Габриэль.

Не прибавив ни слова, он ласково простился с нею и ушел, находя, что достаточно наказал обоих.

В сущности, Генрих IV был совершенно прав. Если прекрасная Габриэль обманывала его, то и он, постоянно переезжавший с места на место, в свою очередь не оставался в долгу, хотя эти мелкие интрижки ничуть не мешали им вполне искренно любить друг друга. Клеветы и сплетни не могли поколебать его страсти. Любовница короля, как и жена Цезаря, по мнению «Беарнца», должна была стоять выше подозрений. Несмотря на то что финансы страны были окончательно исчерпаны, Генрих IV, сам буквально оставаясь без рубашки, не слушая брюзжаний герцога Сюлли, осыпал подарками прекрасную Габриэль, утопавшую в роскоши замка Куси, тогда как король зачастую голодал. Помимо любви, его побуждало к этому и другое обстоятельство. При чисто солдатской и гасконской неряшливости и не-

чистоплотности отвратительный запах, исходивший от ног и изо рта короля, «способный, — по выражению современников, — убить на расстоянии любого врага», принуждал великого Генриха не скупиться, чтобы в иные минуты заставлять ее забывать этот страшный недостаток.

Прошло почти три года с начала связи Генриха IV с прекрасной Габриэлью, а он, по-видимому, и не думал порвать ее, что сильно беспокоило придворные круги. Мог ли кто-нибудь ожидать такого постоянства от «Беарнца», привыкшего с легкостью мотылька перелетать от одной красавицы к другой? Чем эта «потаскушка» привлекала его? Неужели он никогда не расстанется с ней? Событие, случившееся в 1549 году в замке Куси, вполне ясно подтвердило последнее предположение. Прекрасная Габриэль родила сына. Генрих IV хотел назвать его Александром, но не рискнул сделать это, боясь, чтобы ребенка не стали величать Александром Великим, так как враги фаворитки считали виновником его рождения не короля, а герцога Белльгарда, называемого обыкновенно по званию «великого конюшего» просто «Великим». Вследствие такого обстоятельства сын Габриэли, несомненно от «Беарнца», был назван Цезарем. Радости Генриха IV не было границ! Наконец-то он имеет потомство! Чем он может отблагодарить женщину за это счастье? Он женится на ней! Да, он посадит мать своего первенца на престол и увенчает короной Франции! Однако этот проект не встретил сочувствия при дворе, но король ни на что и ни на кого не обращал внимания. Он разведется с Маргаритой Валуа, которую никогда не любил, на которой женился, преследуя исключительно политические цели, и с которою не жил вот уже в течение 17 лет. Дело принимало настолько острый оборот, что встревожило не только Францию, но и всю Европу. Но как добиться развода? Маргарита Валуа, всей душой ненавидевшая Габриэль, ни под каким видом не соглашалась дать его. Как «добрая католичка», она не считала возможным расторгнуть союз, освященный Всемогущим Богом. Это мог сделать только один папа, а Генрих IV был гугенот, отлученный от римской церкви. Значит, прежде всего необходимо во что бы то ни стало примириться с «непогрешимым», иными словами, вернуться в лоно католичества, что шло вразрез с убеждениями «Беарнца». Но чего не сделает любовь! К тому же обстоятельства

благоприятствовали. Герцоги Сюлли и Крильон давно убеждали короля для блага народа переменить религию, чтобы положить конец смутам в государстве и войти в Париж. Почему бы теперь и не уступить им! «Париж стоит одной мессы», а если к этому прибавить надежду на благополучный исход задуманного проекта женитьбы на «прекрасной Габриэли», тогда и думать больше не о чем! Королевская фаворитка, которой будущность рисовалась в таких радужных красках, со своей стороны убеждала Генриха IV последовать советам своих приближенных, чего позже гугеноты не хотели ей простить. Этого было достаточно. 25 июня 1593 года в церкви Сен-Дени король покаялся в своих заблуждениях и принес торжественную клятву вернуться на лоно истинной римско-католической церкви. Благодаря этому «сальто-мортале», как писал Генрих IV Габриэли, между ним и папой Климентом VIII состоялось полнейшее примирение.

С этих пор положение «прекрасной Габриэли» при дворе значительно ухудшилось. Ненависть, окружавшая красавицу, была тем более опасна, что скрывалась под льстивыми улыбками. Приходилось защищаться не от львов, которые громко рычат и открыто нападают, а от змей, глухо шипящих и ползающих. Мысль, что мелкопоместная провинциальная дворяночка станет ни более ни менее, как королевой Франции, сводила с ума верноподданных Генриха IV. Сплетни, самые гнусные, клевета, ни на чем не основанная, злословие, низкие способы интриги, вплоть до поддельных писем от имени Беллъгарда, с которым фаворитка не имела уже ничего общего, все было пущено в ход, чтобы только не допустить свершиться тому, что стало единственным желанием короля. Увы, все происки завистников и недоброжелателей Габриэли не достигли цели! Генрих IV ответил на них тем, что 22 марта 1593 года, в день, когда «добрый город» Париж, наконец, открыл ему свои ворота, пожаловал фаворитке титул маркизы де Монсо и узаконил Цезаря, дав титул герцога Вандомского. В торжественной процессии въезда в столицу Франции прекрасная Габриэль предшествовала королю, вся увешанная драгоценностями, сидя в носилках, по сторонам которых гарцевали в виде почетного эскорта высшие придворные чины. «Беарнец» немедленно начал хлопотать о разводе. Государственный канцлер Силлери был отправлен в Рим для переговоров с Климентом VIII,

которые к сожалению слишком поздно увенчались желанным успехом.

В это время король составлял приданое своей будущей супруге, подарив ей все земли и доходы графства Вандейль и Креси, маркизат Монсо и герцогство Жуан; немного позднее она получила герцогство Бофор и графства Жонкур и Луазинкур, принадлежавшие герцогине Гиз, и, наконец, графства Монтретон и Сен-Жан и герцогство д'Этамп. Таких владений не имела ни одна французская королева. Народ порицал расточительность доброго короля Генриха, так как именно ему приходилось своими боками расплачиваться за его щедрость к фаворитке, справедливо опасаясь, что при подобном положении дел желание «Беарнца», «чтобы в воскресенье каждый крестьянин имел возможность съесть за обедом курицу», вряд ли будет осуществимо. Но если народ не шел дальше порицаний, многое прощая королю за заботы о нем, придворные положительно бесились, не зная, чем сломить упорство Генриха IV, чтобы заставить его отказаться от проекта, называемого Сюлли «глупостью из глупостей», имея в виду другую женщину, на которой хотели женить короля. Мало этого, протестантские проповедники, озлобленные переходом «Беарнца» в католичество, громко обвиняли его в разврате и сыпали на голову Габриэли всевозможные проклятия. Но, опираясь на сильную руку Генриха IV, маркизе де Монсо нечего было опасаться.

Имея под Парижем несколько маленьких домиков, она очень часто удалялась в один из них от городской суеты и придворного этикета, где проводила время так, как ей нравилось. Увы, прекрасная Габриэль никогда не могла забыть, что по женской линии происходила из фамилии де ла Бурдезьер. Рассказывают, что однажды король во время своего продолжительного отсутствия прислал к ней с запиской пажа Готье де Дампьера. Красивый мальчик, совершивший утомительное путешествие, от усталости и голода едва стоял на ногах. Вопреки приказанию Генриха IV немедленно вернуться к нему с ответом, Габриэль не отпустила Готье. Она сама накормила его ужином — бедняжка был так голоден! — и сама уложила его спать — бедняжка так устал! Однако, несмотря на утомление, юный паж провел очаровательную ночь в объятиях своей будущей повелительницы. Под утро, когда он сладко заснул, прекрасная Габриэль вместо себя оставила в его комнате свою

горничную, пожилую, толстую и очень некрасивую. Открыв глаза и увидев возле себя существо, не возбуждающее ничего, кроме отвращения, несчастный паж долго не мог прийти в себя, теряясь в догадках. Только прощаясь с Габриэлью, он понял все, хотя красавица и старалась его уверить, что он видел сон.

В 1596 году в Руане, в монастыре Сент-Уэн, герцогиня де Бофор, как теперь титуловалась фаворитка, подарила королю дочь Екатерину-Генриетту, которую окрестили с торжественностью, подобающей настоящей дофине. С этих пор «прекрасной Габриэли» стали оказывать почести как законной королеве Франции, что, конечно, не способствовало популярности. Переговоры с папой приняли крутой характер, Генрих IV не щадил ничего, чтобы добиться развода. Откровенный Сюлли как-то в присутствии фаворитки позволил себе объявить монарху, что он совершит непоправимую ошибку, если не оставит своего проекта женитьбы. Габриэль возмутилась нахальством министра.

— На вашем месте, государь, — сказала она, — я бы выгнала слугу, позволяющего себе так много...

— Сударыня, — ответил ей король, — я скорее выгоню двадцать таких любовниц, как вы, чем одного такого слугу!

Это была единственная размолвка между Генрихом IV и Габриэлью, да и ту забыли очень скоро. Мало ли чего не скажешь сгоряча!

В 1598 году в Нанте король праздновал рождение своего второго сына, смело названного Александром. О герцоге Белльгарде больше не было и помину. Все видели ясно, что близка минута, когда «прекрасная Габриэль» увенчается короной. Нет, этого нельзя допустить, необходимо оградить короля и Францию от такого позора. Искали только случая, который и не замедлил представиться. На Страстной неделе 1599 года прекрасная Габриэль, будучи на четвертом месяце беременности, собиралась поехать с королем в Фонтенбло, но ее духовник Ренэ Бенуа потребовал, чтобы она на время рассталась со своим незаконным сожителем и перед Пасхой провела время в посте и покаянии. «Беарнец», ставший истинным католиком, вполне соглашался с этим. Но Габриэль как будто предчувствовала угрожавшую ей опасность и со слезами простилась с королем, умоляя его позаботиться о детях. По желанию Генриха IV во вторник она приехала в Париж и вре-

менно поселилась в доме Замета, с которым король находился в самых дружеских отношениях. Этим-то и воспользовались враги фаворитки. Банкир, обладая практической сметкой, был далеко не умен, поэтому не представляло особенной трудности уговорить его совершить героический подвиг — освободить Францию от ненавистной королевы, которую ей хотят навязать, и этим открыть дорогу к престолу племяннице его покровителя герцога тосканского, Марии Медичи, портрет которой недаром постоянно ужасал Габриэль. Франция и Тоскана, конечно, сумеют отблагодарить его за подобную услугу. Увлеченный такими речами, итальянец взялся за гнусное дело, надеясь в будущем занять более видное положение при дворе.

Уже на следующий день «прекрасная Габриэль» почувствовала себя не особенно хорошо, объясняя недомоганье слишком роскошным ужином, которым накануне угостил ее Замет. Но она была еще в состоянии в сопровождении герцогини Гиз, ее дочери, маршальши Рец и ее дочерей поехать в часовню Сент-Антуан. Во время службы фаворитка, не отличавшаяся религиозностью, показывала своим спутницам письма, только что полученные из Рима, сообщавшие о скором утверждении развода, и записку от короля, сгоравшего от страсти в разлуке с ней. Возвращаясь из часовни, прекрасная Габриэль жаловалась на странные боли в голове и, вместо того чтобы ехать к Замету, просила отвезти ее к маркизе де Сурди, близ Сен-Жермен де-л'Окспруа. Испуганная бледностью племянницы, тетка тотчас же уложила ее в постель и послала за доктором. Еще до его прихода у несчастной женщины начались такие ужасные желудочные спазмы, что она едва удерживалась от крика. Королевский лейб-медик приписал их неправильной беременности и дал успокоительного. Ночь прошла спокойно, но в четверг с утра боли возобновились. Прекрасная Габриэль хотела написать несколько слов королю, но перо выпало из ее рук, а когда получила записку от Генриха IV, уже не смогла ее прочесть. Всю пятницу бедная женщина, корчась от мучительных конвульсий, переносила нечеловеческие мучения и в субботу 10 апреля 1599 года скончалась, не приходя в сознание, разрешившись мертворожденным ребенком. Ее дивное тело почернело, а лицо до такой степени было обезображено страданиями, что в этом отвратительном трупе вряд ли кто-нибудь признал

бы когда-то «прекрасную Габриэль». Уверяют, что такая смерть была ей предсказана каким-то астрологом. Однажды в Тюльери она полюбопытствовала о своей судьбе. «У вас есть все, чтобы быть счастливой, — сказал он ей, — но, когда вы пожелаете большего, то умрете. Если хотите узнать, какой смертью, — взгляните в зеркало». Габриэль взглянула и упала без чувств. Она увидела в зеркале, что ее душит дьявол. Предсказание оправдалось. Только такой дьявол, как Замет, мог решиться на подобное преступление, оставшееся безнаказанным и не давшее ему тех благ, о которых он мечтал.

Известие о смерти страстно обожаемой фаворитки почти накануне того дня, когда она могла стать королевой Франции, повергло Генриха IV в непритворное отчаяние. Он плакал, как ребенок, и в течение полутора месяцев не желал никого видеть. 15 апреля он писал своей сестре: «Корень моей любви иссох и больше не даст побегов». Но мог ли легкомысленный король долго оплакивать женщину, когда вокруг него их было так много? Уже 6 октября Генриэтта д'Антраг получила его первое любовное послание, а 17 декабря того же года флорентийка Мария Медичи стала супругой «Беарнца», который подарил ей все богатства, раньше принадлежавшие герцогине де Бофор.

Жизнью пользуйся живущий,
Мертвый в гробе мирно спи!..

Настоящая Габриэль — это вечная улыбка здоровой, но не развитой души; цветущее тело, позлащенное молодостью, все пропитанное сладким ароматом любви; она — олицетворение спокойствия, беспечности и семейного счастья; добродушная, откровенная, с ясным взглядом и добрым сердцем, она никому не причиняла зла; чуждая интриг, недовольства, тщеславия или ревности, всегда одинаковая, живая, как жаворонок, она веселит, рассеивает, утешает, не нуждаясь сама в утешениях. Это чарующая радость Генриха IV, его весна, смеющаяся над подкрадывающейся зимой, в течение восьми лет обвивавшая его шею своими прекрасными руками, звонким смехом изгонявшая заботы и поцелуем разглаживавшая морщины. К ее порокам должно относиться снисходительно, так как она принадлежала своему веку, а не нашему. Язычники, вероятно, поклонялись бы красавице, как богине, усыпая путь ее розами; христиа-

не эпохи Реформации рассыпали на ее дороге одни шипы и кончили тем, что отравили беременную женщину, покрыв имя «прекрасной Габриэли» вечным позором!

Маркиза Рамбулье

Личность маркизы Рамбулье, имя которой до сих пор занимает видное место во французской литературе, несмотря на то что в течение всей своей жизни она ничего особенного не написала, едва выступает из яркого блеска феерической атмосферы, созданной ею вокруг себя. Оставаясь в тени, она озаряет других и, как главный двигатель сложной машины, скрытый внутри, заставляет стройно и правильно вертеться бесчисленные колеса. Воскресив во Франции политические салоны по примеру «прекрасной милезианки Аспазии», куда стекались выдающиеся умы эпохи, содействовавшие смягчению нравов, сближению представителей враждебных между собою партий, придворных с литераторами и учеными, развитию вкуса к изящной словесности и очищению языка от варваризмов, маркиза Рамбулье подняла значение женщины в обществе, которым последняя, к сожалению, не захотела воспользоваться, легкомысленно предпочтя сокровища сердца сокровищам ума.

Екатерина, впоследствии маркиза Рамбулье, родившаяся в Риме в 1588 году, была дочерью Жана де Вивоннь, маркиза Пизани, французского посла, и его супруги Юлии, урожденной Савелли, из знатной итальянской фамилии, давшей святейшему престолу двух пап: Гонория III и Гонория IV. Руководимая матерью, одною из самых выдающихся женщин своего времени, Екатерина с детства получила превосходное образование и рано заинтересовалась литературой, в особенности классической, которую изучала в подлинниках. Живя в стране, где расцвели науки и искусства, и привыкнув к утонченному обращению римского дворянства, молодая девушка, почти ребенок, 12-ти лет вышедшая

замуж за маркиза Рамбулье, одного из министров Генриха IV, по приезде в Париж глубоко поразилась, найдя высшее французское общество грубым и неразвитым, отличавшимся от необразованных мещан и черни только богатством одежды.

Действительно, многолетние религиозные войны наложили на французское дворянство сильный отпечаток грубости и бесцеремонности, если не сказать больше, с которым позднее не мог справиться даже всесильный кардинал Ришелье, тщетно боровшийся с ним, стараясь облагородить хотя бы людей, стоявших близко к престолу. В течение всего царствования «Беарнца» Лувр представлял собою довольно печальное зрелище. Мрачный дворец самой неизящной архитектуры, с облупившейся штукатуркой, выглядевший скорее тюрьмою, чем дворцом, являлся одним из очень оживленных, шумных и крайне нечистоплотных мест. В покои «доброго короля» Генриха входили все желающие, держа себя в жилище монарха ничуть не лучше, чем в конюшне. С утра до вечера там стояли невообразимый шум и суета. Куртизаны, дельцы, солдаты, провинциалы, поставщики, прислуга, дамы и девицы всех рангов и положений гремели каблуками, спускаясь и поднимаясь по лестницам, плюя и сморкаясь прямо на пол. Балконы, коридоры, ниши, лестницы служили всем входящим и выходящим очень удобными местами для отправления естественных надобностей, превращавших Лувр в заразный очаг всевозможных болезней, весьма опасный при эпидемиях. Нравы и разговоры вполне соответствовали обстановке и были так же грязны и отвратительны. Циничные ругательства без стеснения слетали с языка придворных обоих полов; духовенство выражалось не лучше извозчиков; прославленная утонченность разговора аристократии едва ли существовала на самом деле; грубые и пошлые куплеты распевались повсюду, а до чего доходила бесцеремонность фарсов, разыгрываемых в присутствии женщин и духовных лиц, так это теперь трудно себе и вообразить!

Слабый пол ни в чем не отставал от сильного и вел себя ничуть не лучше. Мужчины и женщины жили одинаковой жизнью, посещали одни и те же места, развлекались однородными удовольствиями, встречаясь друг с другом на спектаклях, балах, прогулках, охотах и даже в лагерях. Говоря о неприличных фактах или предметах, никто не находил нужным прибегать к иноска-

занию, дамы в переписке с девушками доходили до самой отвратительной откровенности. Чтобы уж вполне сравняться с мужчинами, некоторые особы прекрасного пола храбро дрались на дуэлях, сражались на войне и ездили верхом по-кавалерийски. Все эти «амазонки», несмотря на свои военные победы, в то же время одерживали массу побед на более присущем им поприще: Венера и Марс одинаково благоволили им. Естественно, что мужчины относились к подобным мужественным женщинам вполне по-товарищески, что при тогдашних нравах не считалось оскорбительным. Что же удивляться тому, что женщины, потерявшие все свое обаяние, прибегали к самому постыдному разврату, чтобы только заинтересовать собою кавалеров, не отличавшихся особой взыскательностью. Настоящих женщин, красивых, изящных, грациозных, не старавшихся походить на мужчин, встречалось сравнительно немного, и, конечно, они ценились на вес золота, будучи доступны, как, например, Габриэль д'Эстрэ, только богатым аристократам. В конце концов, эти честолюбивые создания, жившие больше воображением, пожелали принять деятельное участие и в политике, против чего, однако, сурово восстал кардинал Ришелье, жаловавшийся Людовику XIII на сильное, но весьма нежелательное влияние женщин на дела государства.

Таково было положение вещей, когда юная маркиза Рамбулье приехала в Париж. Посещение грязного Лувра и отвращение к слишком солдатским и гасконским нравам двора Генриха IV так неприятно подействовали на нее, что уже в 1608 году она под всевозможными благовидными предлогами перестала появляться при дворе на приемах и вечерах, прослыв тотчас же «жеманницей» за то, что не позволяла в своем присутствии называть вещи собственными именами. На первых порах это только рассмешило всех.

— Ее жеманство переходит всякие границы!.. — уверяли менее брезгливые современники маркизы.

Но насмешки, исходившие из Лувра, мало беспокоили ее: она стояла выше их. Вовсе не предполагая вести вдали от двора монашеский образ жизни, маркиза стала в назначенные дни приглашать к себе, чтобы поболтать и повеселиться, избранное общество, постоянно одно и то же, положив таким образом начало «журфиксам», сразу же вошедшим в моду. Политики, ученые, литераторы, поэты охотно посещали гостеприимный дом,

где все было иначе, чем в других, и где проводили время в приятных беседах с хозяйкой и хорошенькими дамочками, отличавшимися не столько красотой, сколько умом и остроумием. Но полуразрушенный отель, помещавшийся на улице Сен-Тома, между Тюльери и Лувром, принадлежавший отцу маркизы, не отвечал ее желаниям. Он был тесен для того огромного общества, которое, увеличиваясь год от году, посещало маркизу, и неудобен в смысле расположения помещений. Тогда Екатерина задумала перестроить его по собственному вкусу. К сожалению, ни один архитектор не брался за исполнение ее плана, казавшегося, по тому времени, фантастичным. В конце концов маркиза сама взялась за трудную работу, но дело не спорилось; то та, то другая деталь нарушали общую гармонию задуманного проекта. На всех вечерах только и было разговоров, что о перестройке отеля. Но вот однажды дело наладилось.

— Скорее, скорее бумаги, — вскричала маркиза, — я нашла то, что искала!

И она тотчас же набросала план. Расположение комнат, придуманное ею, оказалось настолько удачным, что повлияло на всю современную архитектуру, и подражания отелю Рамбулье, ставшему впоследствии знаменитым, распространились не только на Париж, но и на всю Францию. Боковая лестница, ведущая в длинную анфиладу комнат, из которых каждая имела отдельный выход в коридор; высокие потолки, широкие двери и окна, расположенные на одинаковом расстоянии одно от другого, произвели целую революцию в строительном искусстве, приобретя немедленно права гражданства. При постройке королевой-матерью, Марией Медичи, вдовой Генриха IV, Люксембургского дворца, придворным архитекторам было приказано при составлении проектов руководствоваться планами отеля Рамбулье. Не придерживаясь традиций, молодая маркиза первой решилась выкрасить комнаты не красной или коричневой красками, как делалось обыкновенно, а стала употреблять для этой цели всевозможные цвета. Салон, в котором собиралось общество маркизы, и до сих пор остался известным под именем «голубой комнаты», повлиявшей на расцвет французской литературы. Вновь отстроенный отель Рамбулье открыл свои гостеприимные двери в 1615 году, в царствование Людовика XIII.

«Журфиксы», придуманные маркизою семь лет назад, послужили как бы фундаментом «голубой комнаты». Атмосфера собиравшегося там общества вначале носила политический и нравственный характер. Маркиз Рамбулье, друг герцога д'Эпернона, был ярым противником герцога Сюлли, тогда пользовавшегося особым расположением Генриха IV; целомудренная и благородная маркиза не могла без отвращения смотреть на ужасные нравы, царившие при дворе. Политические убеждения одного и нравственная строгость другой заставили супругов, так сказать, «отойти от зла и сотворить благо», иными словами, прервать всякие сношения с Лувром и создать из своего отеля умеренный центр, незаметно вступивший в борьбу с варварством языка и оргиями двора, противопоставив им чистоту разговоров и нравов. Внешние обстоятельства немало способствовали развитию популярности «голубой комнаты», по словам Бэля, «настоящей палаты чести». Строгая экономия, чтобы не сказать скаредность, «доброго короля» Генриха, тратившегося только на своих любовниц, и в особенности скупость его министра финансов Сюлли, полнейшее равнодушие к печатному слову Людовика XIII и его министров вплоть до Ришелье, предоставили отелю Рамбулье привилегии, на которые он, быть может, даже и не рассчитывал. Вскоре дом маркизы сделался местом свиданий выдающихся умов и самых образованных и прекрасных женщин. Все жаждали чести быть приглашенными туда, так как разрешение посещать эти собрания являлось лучшей рекомендацией, двойным патентом на образованность и нравственность, как ее понимали тогда. В разное время в отеле Рамбулье перебывали: Талльман де Рео, Малерб, родоначальник классической эпохи французской литературы, его друг Ракан, творец французской драмы Корнель, Вуатюр, занимавший первое место в собраниях отеля Рамбулье, Менаж, Конрар, Вожла, друзья Ришелье — Шаплэн и герцог де Ларошфуко, Бальзак, Ротру, Расин, герцог Энгиенский, Сент-Эвремон, «Моский орел» — Боссюэт, Годо, ла Кальпренед, аббат де Пюр, Саразэн, Котэн, которого осмеял Мольер под именем Трисотэна в своих «Смешных жеманницах», Демарэ, Бенсэрад, Мезерэ, Скаррон, принц Конде, Флешье и такие очаровательные женщины, как «раскаявшаяся Магдалина» Анжелика Полэ, последняя пассия Генриха IV, грамотой дворянства которой служили красота и остроумие,

г-жа де Лафайетт, совсем юная и лучезарная маркиза Севинье, девица Скюдери, герцогиня де Лонгвиль, г-жа де Саблэ, скромная супруга поэта Скаррона, впоследствии знаменитая маркиза Ментэнон, и множество других. «Голубая комната», это собрание великих умов эпохи, «очищенный высший свет, пробный камень порядочного человека», управлявшая литературным направлением Франции в течение первой половины XVII века, являвшаяся законодателем изящного вкуса, храмом нравственности, академией красноречия, долго пользовавшаяся неоспоримой славой, — при Людовике XIV потеряла свой авторитет, вызывая насмешки и пренебрежение, а при Людовике XV и совсем исчезла. Знаменитый салон увидели в «Смешных жеманницах» Мольера и направили против него стрелы, которыми величайший комический писатель желал поразить бесчисленных неуклюжих подражательниц его языка и манер, позднее окрещенных «синими чулками». Чтобы отнестись беспристрастно к отелю Рамбулье, оценить его заслуги и показать ошибки, следует встать между увлечениями современников и насмешками потомства.

Все шедевры Корнеля, монотонно прочитанные их знаменитым автором, прошли сквозь «голубую комнату», прежде чем очутиться на сцене. И если кружок ошибся относительно «Полиевкта», зато справедливо отнесся к «Сиду», отстояв его от нападок Ришелье и академии. Продолжая работы Малерба по очищению французского языка от варваризмов, придавшему ему силу и благородство, отель Рамбулье прибавил к этим качествам тонкость и мягкость. Искусство разговора, несомненно, следует поставить в заслугу обществу маркизы, благодаря которому формировались понятия вежливости, учтивости и обходительности, не существовавшие до этого времени. Разговор считался великим делом, и по письмам того времени можно составить прекрасное понятие о первых фазах этого искусства, когда он был еще несколько тяжеловатым и когда, думая сделать его более легким, прибегали к ухищренным изворотам. Нельзя также отрицать заслуг этого общества, стоявшего на страже нравственности и целомудрия, приучившего к сдержанности в выражениях как авторов, принятых в «голубой комнате», так и тех, кто не посещал ее. Влияние отеля Рамбулье прежде всего отразилось на театре, где со сцены исчезли непристойности, бесчестившие его. Прием, оказанный кружком ро-

ману «Астреа», содействовал смягчению нравов. Этот любопытный роман, написанный Онорэ д'Юрфэ, сохранил свое влияние и на все последующие поколения. Трогательная любовь застенчивого пастушка Селадона, имя которого стало теперь нарицательным, и скромной пастушки Астреи, рассказываемая в 10 томах, увлекла всю Францию. «В течение двух веков, — говорит Монтэгю, — «Астрея» не утратила своей славы». Поль Пеллисон и авранжский епископ Гюэ восторгались ею, Лафонтен и г-жа де Севинье обожали этот пастушеский роман; Расин с удовольствием читал его, наконец, Жан-Жак Руссо сам сознавался, что в течение большей части своей жизни раз в год с удовольствием перечитывал произведение Онорэ д'Юрфэ, к сожалению, из-за смерти автора неоконченное. Торжество любви над благоразумием, проповедуемое более чем на 5000 страницах, стало как бы законом для всех.

Однако, несмотря на великолепие своих намерений, отель Рамбулье не смог избежать закона, господствующего обыкновенно в литературных кружках. Эти исключительные собрания всегда придерживаются особенных идей и особенного языка, поэтому люди, впервые очутившиеся там, чувствуют себя чрезвычайно неловко и в то же время кажутся посвященным профанами. Желание выделяться из общего уровня зачастую порождает никому в сущности не нужную принужденность в словах и манерах. Отель Рамбулье тем более поддался этому, что равнодушие двора к его деятельности и невежество толпы, ничем не интересовавшейся, кроме «мелочей жизни», не способствовали пониманию своих заблуждений. Неизбежным последствием явилось то, что из самых ничтожных вещей стали делать нечто очень важное, из пустяков — серьезное. Каждый вечер должен был давать пищу уму. И вот начинались обсуждения любовной переписки; критиковали только что написанные рондо, сонеты, мадригалы и загадки; восторгались каким-нибудь придуманным выражением; разделялись на несколько партий из-за четверостишия, спорили о произношении, грамматических и стихотворных правилах, выдумывали новые рифмы, словом, увлекались всем, что было изящно и благородно. Чтобы женщины могли вести корреспонденцию так же правильно, как и мужчины, было решено «преобразовать орфографию» (например: teste стало писаться tête, veufre — veuve, espée — épée, scavoir — savoir, sainct — saint, faux-

bourg — faubourg; accompaigner — accompagner и проч.). Так рождалась орфография, существующая и поныне. Мелочность «жеманниц», старавшихся в разговорах избегать вульгарностей, вынуждала их применять новые метафоры и перифразы. Вследствие этого зеркало превратилось в «советника граций», кресло — в «удобство разговора», а прозаический ночной колпак — в «невинного сообщника обмана». В этом заключается смешная сторона манер кружка Рамбулье, но часто там рождались очень удачные выражения, обогатившие язык. Это оттуда мы получили следующие выражения: «маска целомудрия», «прикрывать мысли благородством», «ума палата», «чело, омраченное тучами», «заразительное настроение», «чистоплотно танцевать» и массу других, которые в ходу до сих пор. Можно ли поверить, что фраза «унижать собственное достоинство» вышла из кружка «жеманниц»? Другой смешной стороной отеля Рамбулье было то, что, воскресив времена Аспазии, они все хотели переделать на древний лад. Франция в разговорах величалась Элладой, Париж — Афинами, островок Нотр-Дам превратился в Делос, а площадь Рояль стала называться «площадью Дорики», Пуатье называли Аргосом, Тур — Цезарей, Лион — Милетом. Мало этого, даже люди оказались переименованными. Людовик XIV получил прозвище Александра, Великий Конде — Сципиона, Ришелье — Сенеки, Мазарини — Катона; Шаплэна превратили в Кризанта, Вуатюра — в Валэра, Саразэна — в Сезостриса, ла Кальпренеда — в Кальпурния, девицу Скюдери — в Срандес, Анжелику Полэ — в Парфенис, а для самой хозяйки дома Малерб и Ракан отыскали изящную анаграмму ее имени — «Артениса» (Arthénice — Cathérine). «Голубая комната» называлась «царством жеманства», но лица, посещавшие отель Рамбулье, с честью носили данное им в насмешку прозвище, превратив его как бы в почетный титул. Границами ее были: с севера «Берег Чтения», с юга — «Кокетство», с востока — «Воображение» и с запада — «Нега». Подобными пустяками серьезно увлекались люди, впоследствии ставшие бессмертными!

Женщины господствовали в разговорах; на них была возложена миссия вносить в них возвышенные чувства. Мольер, еще не высмеявший их в своих «Смешных жеманницах» и «Ученых женщинах», в шутку звал их «дражайшими» из-за злоупотребления ими прилагательным «дорогой» или «дорогая», которое они применяли к са-

мым неподходящим предметам. Все разговоры, как и полагается, велись главным образом о любви с соблюдением необыкновенной благопристойности, но, как и следовало ожидать, отделив чувство от грубого материализма, попали на кривую дорогу, приняв за исходную точку волокитство. «Дражайшие» разделялись по возрастам на «юных» и «античных», слово «старый», как слишком вульгарное, было изгнано из их лексикона и заменено на «любезный» и «остроумный», в зависимости от наклонности к утонченности чувства или утонченности ума. Главным правилом их нравственного кодекса были «Истина» и «Откровенность», но сами того не замечая, они всецело отдались фальши и лицемерию. Презрение к чувственности, заставлявшее этих дам жить, если можно так выразиться, «на холостую ногу», развило в них отвращение к браку; если же они и позволяли себе «зажечь факел Гименея», то только в 30 лет. «Поездка на остров Любви» раньше этого времени считалась неприличной, поэтому Нинон де Ланкло называла «жеманниц» «янсенистками любви», а Сент-Эвремон уверял, что они «нежно отдаются своим поэтическим любовникам, с отвращением наслаждаясь страстью с законными мужьями», хотя это вряд ли было справедливо.

Душа «голубой комнаты» маркиза Рамбулье, несмотря на почетный титул «жеманницы», к 40 годам имела уже семь человек детей: двух сыновей, из которых, впрочем, один умер 8 лет, и пять дочерей: Юлию, обожаемую всеми посетителями отеля; Анжелику, первую жену маркиза Гриньяна, будущего зятя г-жи де Севинье, Клару, оставшуюся в девицах, и двух замужних, г-жу Сент-Этьен и г-жу Пизани. Три последних кончили тем, что стали монахинями. Юлия строго придерживалась законов, установленных раз навсегда «дражайшими», и «зажгла факел Гименея», даже перейдя за указанный срок. Имея вокруг себя массу воздыхателей, она избрала маркиза Монтозье — первого начавшего носить парик вследствие плешивости, — который, будучи в течение 14 лет влюбленным в Юлию, сделав предложение и не встретив отказа, 11 лет терпеливо ждал свадьбы и наконец получил супругу, только что отпраздновавшую 38-ю годовщину своего рождения. В виде свадебного подарка за четыре года до блаженной минуты, а именно 1 января 1641 года, он преподнес невесте великолепный альбом, ставший знаменитым под

названием «Гирлянды Юлии», на каждой странице которого был нарисован какой-нибудь цветок, а под ним почитателями красоты будущей маркизы Монтозье были написаны стихи. Жених, которого Мольер вывел в своем «Мизантропе» под именем Оронта, потратил три года на составление этого альбома.

Попробуем проникнуть на один из вечеров в святилище «Артенисы». Аббаты де Бельба и дю Бюиссон охотно берутся ввести нас в этот кружок. Пропустим вперед Саразэна, Котэна, аббата де Пюра, ла Кальпренеда, Годо, Менажа и Шаплэна. Постараемся удержаться от улыбки, увидев, как певец «Девственницы» снимает свою порыжелую шляпу, показывая встрепанный парик; не обратим внимания на его поношенный плащ и потертый кафтан из черной тафты, сшитый из старой юбки его сестры. Здесь встречают не по платью. Появление Вуатюра обыкновенно вносит с собою веселость, но сегодня поэт входит с нахмуренными бровями, что моментально меняет радостное настроение общества.

— Сударыня, — обращается он с таинственным видом к хозяйке дома, — с солнца доходят до нас дурные слухи...

Эта выходка сразу успокаивает всех, и шутка снова восстанавливает веселье. Котэн пользуется моментом и бросает одну из своих загадок, честь разрешить которую общество предоставляет прекрасной Юлии. Раз заговорили о ней, необходимо вспомнить и о «Гирлянде».

— Кто из вас, — обращается маркиза Рамбулье к гостям, — принес свой дар?.. Наконец-то «Валэр» решил уплатить свой долг.

Все глаза устремляются на Вуатюра, но он моментально впадает в задумчивость, так как, ревнуя Юлию к жениху, поклялся ничем не помогать волокитству счастливого соперника. Тогда выступает Демарэ.

— Сударыня, — обращается он к Юлии, — вот четверостишие «Фиалка»... Мне бы очень хотелось, чтобы мой цветочек оказался достойным поместиться рядом с «Лилией» Талльмана де Рео и «Царским венцом» Шаплэна. Выслушайте его.

И встав в позу, поэт продекламировал:

Меня скромнее нет, я прячусь под травою;
С тщеславьем незнаком, ничуть не прихотлив,
Но вздумайте свое чело украсить мною —
Как тотчас возгоржусь, о скромности забыв!

Громкие аплодисменты сопровождают этот мадригал, однако Менаж не удовлетворен, он критикует четверостишие, но большинством голосов плод вдохновения Демарэ признается превосходным. Когда комментарии прекратились, послышался сухой, однотонный голос девицы Скюдери, оракула ассамблеи. Она ставит тезом любовную психологию, достойную средних веков.

— Отгадаем теперь, кто несчастнее: ревнивый любовник, разлученный с дамой своего сердца, или потерявший предмет страсти?..

Спор был длинный и настолько глубокий, что решение его отложили до другого дня...

Так проводили время в этом избранном обществе, которое в 1665 году искренне оплакало смерть его основательницы, скончавшейся на 77-м году от рождения, до последнего момента не переставая интересоваться всем, что составляло славу ее жизни. «Царицей Жеманства» была провозглашена прекрасная Юлия, но время, быстро бегущее вперед, опередило «голубую комнату», и общество, собиравшееся там, мало-помалу распалось. Жизнь предъявила иные требования, к прежнему не было возврата. Новые птицы — новые песни!.. На свете все превратно.

Марион де Лорм

Познакомившись с представителями и представительницами отеля Рамбулье, познакомся теперь с лицами, не посещавшими его, не носившими титулов «дражайших» и «жеманниц», не заботившихся ни о правильности языка, ни о чистоте нравов, а живших, что называется, «в свое удовольствие», в духе времени, пренебрегая лицемерной моралью. Между этими «грешницами» первое место принадлежит знаменитой Марион де Лорм, куртизанке чистейшей воды, едва ли не первой, как их теперь называют, «кокотке», прославившейся в Париже, в царствование Людовика XIII, своей связью с такими

людьми, как кардинал Ришелье, герцог Букингэм, Сен-Марс, не считая десятков других более скромных смертных. Все ее любовники разделялись на четыре категории: одних она ласкала по влечению сердца, других — ради денег, третьих — из политических расчетов и, наконец, четвертых — просто от нечего делать. Ее пример, конечно, не остался без подражаний — дурные примеры заразительны — и породил бесчисленное количество особ подобного сорта, с которыми позднее мы еще встретимся. Это не были развратницы, которыми в ту эпоху кишмя кишела столица Франции. Это были в полном смысле слова «героини романов», воспеваемые и прославляемые выдающимися поэтами и литераторами, а иногда даже и принимаемые великосветским обществом благодаря красоте, уму или популярности.

В первые годы XVII века в небольшом городке Шалоне на Марне, в Шампани, проживала чета Граппэн. Мужу шел 48-й год, его супруге Франсуазе перевалило за 30, и хотя они уже 12 лет состояли в законном браке, детей у них не было, что сильно огорчало обоих. Мэтр Граппэн, как его там величали, занимал должность судебного пристава, не чувствуя ни малейшего призвания к подобного рода профессии. Обладая слишком отзывчивым сердцем, он, насколько было в его власти, отдалял свои визиты, сопровождаемые обыкновенно слезами и жалобами несчастных, у которых подчас продавали с молотка последние лохмотья, чего судебный пристав не мог выносить равнодушно. Когда приблизительно в половине 1605 года Франсуаза объявила мужу, что готовится стать матерью, его радости не было границ. Супруги первый раз в жизни едва не поссорились, так как он желал иметь дочь, а она сына. День, который сделает их самыми счастливыми людьми, приближался. Не сегодня-завтра мэтр Граппэн станет отцом.

Утром 5 марта 1606 года судебному приставу пришлось отправиться для описи имущества соседней фермы. Самого фермера не было дома, а бедная фермерша, окруженная ребятишками, едва удерживалась от слез, пока мэтр Граппэн готовился приступить к своей грустной обязанности, изыскивая всевозможные способы, чтобы каким-нибудь образом спасти малюток от голода и нищеты. В то время, когда он осматривал двор, почтальон, принесший письмо отсутствовавшему фермеру, вручил случайно находившемуся здесь представителю

судебной власти объемистый пакет. Оказалось, его извещали о смерти старухи тетки, завещавшей племяннику 75 000 экю, дом и великолепное имение. Неожиданно получив такое огромное наследство, мэтр Граппэн решил уплатить долги фермера, прекратил опись и поспешил обрадовать жену, не выслушав даже благодарностей фермерши, пожелавшей ему за это исполнения всех его самых задушевных желаний. Говорят, что искренние пожелания всегда исполняются; правда или нет, но на этот раз предсказания фермерши оказались пророческими.

По дороге к дому мэтр Граппэн еще издали увидел сынишку своего садовника, который бежал ему навстречу, размахивая платком, и, запыхавшись, объявил, что Бог послал ему дочку и что какой-то знатный вельможа и прекрасная дама согласились быть ее восприемниками. Почти влетев в комнату Франсуазы, счастливый отец расцеловал новорожденную, затем жену, сообщив ей о своем внезапном богатстве, и тут же узнал, что знатный вельможа и прекрасная дама были маркиз де Вилларсо и его двоюродная сестра графиня Сент-Эвремон. Возвращаясь из путешествия по Германии, графиня пожелала передохнуть в Шалоне, но за неимением в городе мало-мальски приличной гостиницы, попросила позволения остановиться на два-три дня в доме судебного пристава, единственном, указанном ей, где можно было безбоязненно провести ночь. В благодарность за это аристократы породнятся с супругами Граппэн, окрестив их дочь, которой по желанию графини дали имя Марии-Анны и которая впоследствии прославилась под псевдонимом Марион де Лорм.

Родители, как говорится, души не чаяли в своей дочурке, которая росла и хорошела, обещая в будущем затмить своей красотой всех шалонских красавиц. Но судьба готовила ей более блестящую карьеру. Мэтр Граппэн, находившийся по службе в постоянных разъездах, не имел времени заниматься воспитанием Марии-Анны, предоставив это матери, безусловно, честной и порядочной женщине. Увы, ее смерть в 1618 году все изменила. 12-летняя девочка очутилась на попечении старой служанки, думавшей больше о сне и еде, чем о воспитании порученной ее надзору барышни, которая, пользуясь обожанием отца, вертела всем домом, как хотела. Говорить, конечно, нечего, что ухажеров у Марии-Анны оказалось бесчисленное множество, но она

отдала предпочтение другу своего детства, сыну суконного торговца Лемудрю, жившему напротив. Молодой человек превосходно играл на лютне, и по воскресеньям весь Шалон сбегался в собор послушать его игру. Все советовали юному музыканту отправиться в Париж, где он, без сомнения, наживет состояние, но скромный малый пока еще не мечтал об этом. И вот Марии-Анне пришла фантазия брать у Лемудрю уроки музыки, против чего мэтр Граппэн, разумеется, ничего не имел — желание дочери было для него законом. Начались уроки, и 22-летний учитель не мог нахвалиться способностями своей 15-летней хорошенькой ученицы, вскоре понявшей, что если музыка дает смысл жизни, то и любовь в ней занимает не последнее место. Это почувствовалось особенно сильно, когда Лемудрю однажды рискнул поцеловать Марию-Анну, и подобное удовольствие стало повторяться на каждом уроке в присутствии служанки, мирно спавшей в широком кресле, убаюканной звуками лютни. В один прекрасный день, по окончании урока, молодые люди неожиданно для самих себя очутились в комнате дочери судебного пристава. Быть может, падение девицы Граппэн было не за горами, но Лемудрю увидел портрет покойной матери своей ученицы, висевший над постелью, смотревшей на него со стены такими глазами, что музыкант оробел. Он вспомнил, как в детстве она хорошо относилась к нему, сколько раз утешала, ласкала, и, конечно, перед лицом такой женщины он никогда не позволит себе обесчестить ее дочь. Бедная Франсуаза даже после смерти делала все, что могла, и на этот раз спасла свою Марию-Анну. Лемудрю, видя удивление молодой девушки, не понявшей чувств, волновавших его, объяснил, что слишком беден, чтобы назвать ее женой, и что слишком уважает ее, чтобы сделать своей любовницей, и с этими словами поспешил уйти, а на следующий день был уже в Париже.

Уважение!.. Да разве она об этом мечтала!.. Зло, называемое страстью, пустило глубокие корни в сердечке Марии-Анны, а бегство Лемудрю только усиливало его. Потихоньку от отца она написала своей крестной матери, не видевшей ее со дня крестин, что очень скучает в Шалоне, и просилась погостить в Париж. Графиня немедленно ответила согласием и прислала за крестницей экипаж. Мэтр Граппэн сперва не хотел отпустить дочь, но не мог устоять перед ее мольбами, и Мария-

Аииа уехала, чтобы больше иикогда ие возвращаться в родиой город.

Графиня Сент-Эвремои с иетерпением ожидала крестиицу. Наверное, дочь судебиого пристава окажется красиощекой провиициалкой, глупой, иеуклюжей, ие умеющей ии встать, ни сесть. Каково же было ее удивлеиие, когда к ией вошла 16-летняя девушка, высокая, стройиая брюнетка, с густыми вьющимися волосами, иесколько смуглая, с большими, выразительными сииими глазами. Оиа грациозио поклонилась, отвечала иа вопросы спокойно, без колебаний и показала себя далеко ие глупой. Вечером, когда в отеле Сеит-Эвремон собрались гости, они все пришли в восторг от Марии-Аииы, и иа следующий деиь в аристократических салонах Парижа только и было разговоров, что о ией. Графиия поздравила крестиицу с успехом, пожелав ей ие остаиавливаться иа половиие пути. Неизвестио, о каком пути говорила крестиая, ио очевидио, ие о том, который ведет в рай, так как и сама она шла дорогой, далеко ие безупречиой.

Этому иечего удивляться, припомиив, что Фраиция в царствоваиие Людовика XIII являлась очагом разврата и умственного застоя, невольно заставляя недоумевать, каким образом она могла создать Декарта, Паскаля, Расииа и Мольера! Что в это время представляла из себя столица Франции, где очутилась юная Мария-Аниа, лучше всего видно из стихотворения зиамеиитого поэта-калеки Скаррона, описавшего его такими сильными штрихами:

Масса скучениых домов,
Грязь, иавоз по всем бульварам,
Церкви, тюрьмы, ряд дворцов,
Лавки с плохоиьким товаром,
Люди всех мастей и лет:
Тьма святош, развратииц шайки,
Кутежей вчерашиих след,
Крючкотворцы, попрошайки;
Прощелыги, шулера,
На все руки мастера, —
За «тельцом златым» в погоне, —
Слуг, пажей, воришек рой,
Стук колес, и крик, и вой, —
Вот Париж, как иа ладоии!

Мария-Аниа Граппэи, несмотря на свое происхождение от вполне порядочных родителей, ие была рождена

для честной жизни. Страсть к удовольствиям и порочные наклонности с юных лет коренились в натуре этой девушки, а Париж ее времени являлся превосходной рамкой для красавицы, сразу почувствовавшей себя в нем как рыба в воде. Первые три недели пребывания в отеле Сент-Эвремон прошли совершенно спокойно для Марии-Анны, на четвертой пришло грустное известие о скоропостижной смерти отца, которого она искренно оплакала. Но предаваться печали среди постоянных праздников, между шумной толпой веселых посетителей графини оказалось невозможным, и очень скоро дочь мэтра Граппэна перестала плакать и вздыхать. Да и о чем ей, в сущности, скучать? Отец не мог жить вечно, все равно рано или поздно он должен был умереть, как все живущее на земле, к тому же его смерть делала Марию-Анну вполне свободной и богатой. Легко могло случиться, что какой-нибудь смельчак, пленившийся ее молодостью, красотой и солидным приданым, рискнул бы сочетать свою судьбу законными узами с судьбой дочери шалонского судебного следователя, но появление Жака Валлэ-Дебарро, сына министра финансов Генриха IV, все изменило. 25-летний Дебарро, красивый и очень богатый, уже славился своими эпикурейскими наклонностями и соперничеством по искусству со скабрезным поэтом Теофилем де Вио, автором «Пирама и Тизбы», которого, пожалуй, даже перещеголял безнравственностью и богохульством, граничащим с кощунством. Веселый и остроумный малый, сразу понравившийся Марии-Анне, с первого брошенного на красивую молодую девушку взгляда решил овладеть ею. Добыча была слишком хороша, чтобы выпустить ее из рук, и Дебарро не теряя времени повел смелую атаку на сердечко крестницы графини Сент-Эвремон. Узнав, что она сирота, он с особенной настойчивостью стал утверждать, что ей необходимо как можно скорее обзавестись любовником, потому что любовник сумеет защитить ее и вполне заменить семью. Мария-Анна не без удовольствия слушала разглагольствования Дебарро, несколько удивленная его легкомысленным отношением к вещам, которые до сих пор она привыкла уважать, но нахальство молодого человека имело в ее глазах свою прелесть. Чтобы чаще видеться с красавицей, ловкий малый, воспользовавшись тем, что Мария-Анна по желанию своей крестной матери имела уже двух учителей, наших старых знакомых по отелю Рамбулье — Ваутю-

ра, обучавшего ее новейшей орфографии, и Вожла — стилю, предложил свои услуги в качестве преподавателя пения, на что графиня Сент-Эвремон по слабости характера согласилась. Таким образом, новый профессор получил возможность ежедневно в течение двух часов проводить время с красавицей. Эти уроки оказались гораздо опаснее, чем те, которые она брала у скромного Лемудрю. Плут Дебарро всегда находил предлог удалить на несколько минут «третье лицо», присутствовавшее по приказанию графини на уроках, добиваясь от ученицы кое-чего, в чем она ему отказывала. Но если слова любви в данном случае оказались бессильными, Дебарро решил попытаться добиться желаемого хитростью.

В ту эпоху модным местом прогулок, куда стремились, чтоб «других посмотреть и себя показать», был широкий бульвар, называемый «Cours la Reine». И вот, когда однажды графиня Сент-Эвремон вместе с Марией-Анной прогуливалась там, несколько человек, подкупленных Дебарро, окружили их, осыпая насмешками. В самый критический момент, откуда ни возьмись, появился сам организатор скандала и разогнал нахалов. Он вызвался проводить перепуганных дам домой и, чтобы придать больше значения своему геройскому поступку, уверял, что без него их, наверное, обокрали бы. Графиня и ее крестница не знали, как и отблагодарить своего спасителя. Плут придрался к случаю и, улучив момент, снова признался в любви молодой девушке и в благодарность за спасение умолял ее не запирать на ночь дверей своей комнаты. В 10 часов вечера он простился с графиней, но вместо того, чтобы уйти, спрятался в дровяном чулане, помещавшемся рядом с комнатой девицы Граппэн, и в 11 часов уже наслаждался в ее объятиях. Он провел целую неделю — днем в чулане, куда Мария-Анна носила ему пищу, а ночью — у своей любовницы, вместе с которой смеялся над переполохом, вызванным его таинственным исчезновением. Однако в конце концов Дебарро нашел, что сладкие часы, проводимые им с красавицей, не искупают томительной скуки дня в обществе поленьев, и предложил Марии-Анне бежать к нему в хорошенький домик, называвшийся «Остров Кипр». Сначала она не соглашалась расстаться таким образом со своей доброй крестной матерью, но Дебарро сумел убедить молодую девушку, с удовольствием вкушавшую с ним «плод познания добра и зла»,

принять предложение, и на следующий день она была в его доме, отделанном, по понятиям того времени, весьма роскошно (в Лувре в это время вместо ковров постилали солому, меняемую еженедельно). За ужином, в присутствии нескольких друзей, перед которыми Дебарро хотел похвастать своей любовницей, он нашел необходимым изменить ее чересчур провинциальное и мещанское имя Мария-Анна Граппэн на более благозвучное, придуманное им — Марион де Лорм, какое и утвердилось за нею навсегда. Из морских волн близ Кипра родилась сладострастная богиня любви, под влиянием винных паров на «Острове Кипр» родилась ее жрица, впоследствии ставшая знаменитой!

Уже на следующее утро графиня Сент-Эвремон узнала похитителя своей крестницы, но даже и не подумала вернуть беглянку, будучи в душе очень довольной, что Дебарро освободил ее от слишком красивой девушки, иногда мешавшей ее не по возрасту увлекательным похождениям.

Итак, Марион де Лорм воцарилась на «Острове Кипр», среди блестящего двора, состоявшего из молодых вельмож, старавшихся отбить ее у счастливого владельца. Но девушке казалось, что она любит Дебарро, а потому ей и в голову не приходило обмануть его. Полгода любовники наслаждались безмятежным счастьем, но Дебарро не мог долго принадлежать одной женщине. Увлеченный новой победой, он иногда по целым неделям оставлял Марион скучать в одиночестве, надеясь, что она первая подаст повод к разрыву. Он не ошибся. Однажды за завтраком речь зашла о музыканте, игрою на лютне приводившего в восторг весь Париж. Оказалось, что это был наш старый знакомый Лемудрю. Марион вспыхнула, что не скрылось от Дебарро, и просила как-нибудь на днях привести к ней музыканта, не раскрывая ему ее псевдонима. Заметив охлаждение любовника, она решила отомстить ему и хотела сделать сообщником своего бывшего обожателя, чтобы уж кстати окончить так неудачно начатый с ним роман. Дебарро, по-видимому, ничего не имел против, и на другой же день скромный Лемудрю входил в салон Марион де Лорм. Она встретила друга своего детства, одетая в самый роскошный костюм, вся усыпанная драгоценностями. Музыкант сперва поразился, узнав в этой обольстительной женщине дочь судебного следователя, но мало-помалу, вспоминая прошлое, до того увлекся, что упал

перед ней на колени и признался в любви, сгорая желанием искупить свою первую ошибку. Увы, и на этот раз судьба не улыбнулась ему! Внезапное появление Дебарро, подслушивавшего за дверью, положило конец нежной сцене. Лемудрю позорно бежал в окно, а между любовниками произошло резкое объяснение, вследствие которого Марион вынуждена была распроститься с «Островом Кипр».

Встав однажды на скользкую дорожку, Мария-Анна скользила по ней все дальше и дальше, завязывая интрижки и связи, правда, очень краткосрочные, например, с неким Рувиллем, дравшимся из-за нее на дуэли с ла Фертэ-Сенэктэром, президентом де Шеври, поэтом Клавдием Киллье, пока, наконец, не упала в объятия к всесильному герцогу Ришелье. Кардинал, более могущественный, чем Людовик XIII, иногда прерывал свои гигантские работы, чтобы поволочиться за хорошенькими женщинами, тщательно скрывая свою страстишку, недостойную ни его сана, ни звания первого министра. В глубине его сада для этой цели была построена великолепная беседка, куда прелестная Марион де Лорм пробиралась переодетая пажем — что чрезвычайно шло к ней — и в упоительные часы весеннего утра отвечала на горячие ласки «красного человека». Когда «каприз» кардинала прошел, он не прервал добрых отношений со своей любовницей, по одним слухам, ставшей поставщицей «живого товара», будто бы однажды продавшей ему за 50 000 экю невинность своей юной подруги Нинон де Ланкло, по другим — шпионкой на жалованье, так как, несмотря на беспорядочную жизнь, пользовалась всеобщим уважением, принимая и посещая высшее общество, и, стало быть, могла оказать кардиналу немало важных услуг. Но в 1625 году произошло событие, навсегда поссорившее Марион с ее всесильным покровителем.

К французскому двору прибыл посланник впоследствии казненного английского короля Карла I, его любимец герцог Букингэм, чтобы проводить невесту своего монарха, Генриетту, сестру Людовика XIII, в Лондон. Весь двор был поражен его обольстительной наружностью, необыкновенной щедростью, а главное, слишком дерзким волокитством. Красивый англичанин, не обращая внимания на кокетство и уловки придворных дам, расставлявших ему сети, нимало не стесняясь, начал ухаживать за королевой Анной Австрийской, чем тотчас же возбудил ревность кардинала. «Красный человек»

сам был безумно влюблен в свою монархиню, относившуюся к нему с презрительной насмешливостью, теперь выказывая явное расположение Букингэму. О, Ришелье жестоко отомстит! Посол Карла I остановился в доме герцога де Шеврёза, во время брачной церемонии замещавшего августейшего жениха, и при желании более быстрых успехов у Анны Австрийской прибегнул к посредству ее наперсницы, супруги своего радушного хозяина. Герцогиня охотно взялась помогать возлюбленным, но потребовала за это от Букингэма того, о чем так мечтали и, увы, напрасно, все придворные дамы. В течение недели галантный герцог аккуратнейшим образом выплачивал свои обязательства, украсив голову герцога де Шеврёза лишней парочкой рогов, чтобы позднее одарить тем же и Людовика XIII. Однажды гуляя в «Cours la Reine», британский волокита увидел Марион де Лорм. 19-летняя куртизанка была в полном блеске своей красоты. Сопровождавший Букингэма граф ла Фертэ, теперешний содержатель ее, заметив впечатление, произведенное любовницей на англичанина, предложил ему познакомиться с прелестной женщиной, решив за эту услугу почистить герцогу карманы, то есть, попросту говоря, обыграть его в «ландскнехт». Все было исполнено в точности: Букингэм познакомился с Марион, не поморщившись проиграв ла Фертэ 25 000 экю. Что значили эти пустяки в сравнении с красавицей, обладание которой стоило вдесятеро дороже? Куртизанка отлично понимала намерения англичанина, пожиравшего ее глазами, и не хотела уж очень томить его, тем более что тут был задет вопрос ее самолюбия. Разве она хуже герцогини де Шеврёз? И если знатная придворная дама может хвастаться победой, она, Марион, не уступит ей. Сказано — сделано! Когда после ужина гости снова уселись за карточные столы, Марион увела Букингэма в ярко освещенный будуар, что несколько смутило волокиту. Не успел англичанин оглянуться, как красавица предстала пред ним в костюме Евы. Герцог замер от восхищения. Теперь он понял, зачем она так осветила комнату! Марион де Лорм могла не бояться даже блеска солнца: ее прелести были совершенны. Опьяненный страстью Букингэм, забыв все на свете, бросился к ней, но красавица с кокетливой улыбкой остановила его. Он сдвинул брови, ожидая, что куртизанка, оставшись верной себе, потребует за свои ласки определенной платы, и расхохотался, когда Марион,

знавшая, сколько ночей он подарил герцогине де Шеврёз, потребовала от него того же: ни более, ни менее. Мог ли влюбленный Букингэм отказать ей в этом? Ришелье, узнав, что его бывшая любовница и тайный агент отдалась послу Карла I, то есть нарушила условие, перейдя на сторону врага, окончательно отвернулся от нее, поклявшись уничтожить герцога, мешавшего всем его махинациям. Кардинал сдержал свое слово, и спустя три года, 23 августа 1628 года, Букингэм был предательски убит в Портсмуте неким Джоном Фельтоном; Марион искренно огорчилась, узнав печальную новость, и глубоко вздохнула, вспомнив страсть красивого англичанина и его щедрость.

После смерти графини Сент-Эвремон, умершей в 1635 году, постоянные посетители ее салона, преимущественно молодежь, перекочевали в дом Марион де Лорм, жившей тогда на Королевской площади. В это время ее покровителем состоял маршал герцог де Мейрэ, в отсутствие которого куртизанка сошлась с министром финансов д'Эмри, будучи не в состоянии устоять перед его искушающими предложениями. Возвратившийся из похода маршал был крайне взбешен поведением своей любовницы и резко упрекал ее в неблагодарности.

— Милый маршал, — ответила Марион де Лорм, — вы там завоевывали чужие владения, здесь завоевали ваше... Это в порядке вещей, на что же сердиться?..

Но и помимо знатных людей дом куртизанки посещали ученые и литераторы, теперь забытые, как, например, Монрель, де Сирмон, Гомбо, Баро, де Мальвиль, Мерэ, Кальтэ, Скюдери и впоследствии заслужившие бессмертие, как Мильтон, Ренэ Декарт, Корнель и очень юный Поклен, сын королевского камердинера, прославившийся позднее под псевдонимом Мольера. Однажды «отец философии» Декарт привел с собою на вечер к Марион своего земляка, недавно приехавшего в Париж из Турени, этого «сада Франции», — молодого Генриха Куафье де Рюзэ, маркиза д'Эффиа, более известного под именем Сен-Марса, по приказанию кардинала Ришелье назначенного состоять при особе Людовика XIII, чтобы развлекать меланхоличного монарха и доносить «красному человеку» обо всех его словах, действиях, планах и проектах. Сен-Марс, быстро заслуживший расположение короля, пожалованный им в звание «великого конюшего», не оправдал, однако, надежд кар-

динала, за что в конце концов поплатился своей головой. Итак, в начале 1641 года, вскоре после «фландрской кампании», Декарт представил молодого фаворита Марион. Но, как часто случается, люди, которым суждено впоследствии страстно влюбиться друг в друга, при первом знакомстве не возбуждают взаимных симпатий, так и Сен-Марс не понравился Марион, как и она ему. Двадцатилетний маркиз д'Эффиа, бесспорно, красивый мужчина, относился ко всему слишком свысока, что, разумеется, было не по душе куртизанке, привыкшей к поклонению; в свою очередь, она, смуглая, с взглядом более насмешливым, чем нежным, с несколько резким тоном и манерами, привыкшая повелевать, вызывала его удивление: он находил 35-летнюю красавицу мало женственной. Но оказалось достаточно одной ничтожной искры, чтобы воспламенить эти два сердца. По странной случайности молодого человека звали «Cinn Mars», то есть «пятое марта», число, в которое родилась Мария-Анна Граппэн. Уж не было ли тут предопределения судьбы?.. В разгар вечера, когда Декарт, Корнель и Поклен скромно болтали, забившись в уголок салона, где Скюдери читал вслух другим гостям трогательный роман «Клелию», принадлежавший перу его сестры, Сен-Марс, которому надоели шум и суета, прошел в соседнюю комнату и, сев на диван, замечтался до того, что не заметил, как перед ним предстала хозяйка дома, тщетно старавшаяся в течение нескольких минут обратить на себя его внимание. Такая небрежность и оскорбила, и заинтересовала Марион. Она подсела к молодому человеку, заговорила с ним, и когда гости расходились, Сен-Марс, прощаясь с красавицей, обещал, согласно ее желанию, явиться завтра вечером поболтать по душам. В течение целого месяца он ежедневно посещал Марион; он уже любил ее, а она его обожала. И все-таки, как это ни покажется странным, она только через месяц согласилась принадлежать ему. Да, Марион де Лорм, куртизанка, никогда не заставлявшая ждать влюбленных, мало того, обыкновенно шедшая навстречу желаниям тех, кто ей нравился, теперь, впервые полюбившая искренно, не уступала своей страсти в течение 30 длинных дней. Она испытывала, искренно ли любит ее, склоняющуюся к старости, этот молодой, красивый Сен-Марс, справедливо опасаясь, что он бросит ее, получив желаемое. Но этого не было. Фаворит Людовика XIII серьезно любил Марион и унес

эту любовь, продолжавшуюся всего год, с собою в могилу.

Прежде всего, Марион безжалостно порвала все связи со своими друзьями и поклонниками, желая всецело принадлежать одному «обожаемому Генриху». Она никуда не выходила, нигде не показывалась. Питая страсть к нарядам — она ежедневно встречала любовника в новом туалете, — Марион быстро растратила отцовское наследство, но ни за что на свете не соглашалась принять от Сен-Марса ни одного су, утверждая, что иначе это будет равносильно концу его любви. О связи «великого» твердили повсюду; придворные дамы из себя выходили, вопя о неслыханном скандале, в чем им усердно помогали все изгнанные куртизанкой. Распространяли нелепые слухи о тайном браке Сен-Марса с Марион де Лорм, надеясь этим уронить фаворита во мнении Людовика XIII, который наконец счел долгом вмешаться. Сен-Марсу ничего не оставалось, как пообещать королю порвать связь с куртизанкой, чтобы тайно продолжать ее, раз такая ложь способна успокоить взволнованный двор. Он так и сделал. Ночью «великий» пробирался в сад рядом с домом, принадлежавшим Марион, которая бросала ему из окна веревочную лестницу, и только на рассвете возвращался во дворец. Но мало-помалу, в силу обстоятельств, его посещения становились более редкими. Марион не жаловалась, чувствуя сердцем, что ее любят горячо, глубоко, серьезно. Последняя ночь перед отъездом Сен-Марса в Нарбонн, откуда он, как преступник, был доставлен в Лион, чтобы сложить свою голову на эшафоте, осталась в памяти Марион, как будто предчувствовавшей катастрофу. «Среди ночи, — рассказывала она позднее своей подруге Нинон де Ланкло, — Генрих, думая, что ему пора выезжать, быстро оделся и уже перешагнул через балконные перила, когда на колокольне соседней церкви ударило 4 часа. До рассвета оставалось около двух часов... Тогда он, схватив меня, стоявшую в одной рубашке, отнес на руках в спальню... Эти два последних часа были самыми очаровательными в моей жизни!.. Я была уверена, что они никогда не повторятся... Счастье не посещает нас дважды».

После казни Сен-Марса (1642) Марион больше года провела в совершенном уединении, оплакивая свою первую и единственную любовь, такую сладкую и такую короткую. Быть может, она носила бы по ней траур и

дольше, если бы однажды не убедилась в совершенном истощении средств. Ничего на свете не боялась Марион так, как нищеты, и волей-неволей снова начала беспорядочную жизнь, продав себя ростовщику Натану Розельману, старому, некрасивому немецкому еврею, поселившемуся в Париже. Смерть Ришелье вскоре после казни несчастного Сен-Марса (в чем Марион видела карающий перст судьбы), кончина Людовика XIII в следующем году и воцарение его сына, будущего «короля-солнца», под регентством Анны Австрийской, находившейся всецело в руках кардинала Мазарини, — все эти события вызвали серьезные волнения во Франции и особенно в Париже. Марион де Лорм встала на сторону врагов королевы-матери и интриговала против кардинала и его политики, принимая у себя всех недовольных новым порядком вещей. Но придворная партия оказалась сильнее. «Фронда» была раздавлена, герцоги Конде, Конти и Лонгвиль арестованы, та же участь угрожала и куртизанке, неосторожно прикоснувшейся к политике, если бы почти внезапная смерть не освободила ее от мстительности кардинала Мазарини. Она умерла в 1650 году, 44-х лет. Сделавшись в пятый или шестой раз беременною, она прибегла к слишком сильному средству и простилась с жизнью. Хотя она хворала всего три дня, но за это время исповедовалась по крайней мере десять раз, поминутно вспоминая о каком-нибудь грехе, в котором забыла признаться священнику. Ее смерть не прошла незамеченной в Париже, а Дебарро, ее первый любовник, написал следующее стихотворение, могущее служить эпитафией красавице:

О, бедная Марион де Лорм!
Очарованье дивных форм
И совершенства красоты,
Все отдала могиле ты.
Когда красавицу от нас
Уносит смерть в нежданный час,
Всегда горюю я о том,
Как о несчастии большом!

Однако некоторые историки не захотели, чтобы знаменитая куртизанка так рано покинула свет, они заставили ее испытать все удары судьбы, пустив в ход легенду, любопытную настолько, что мы считаем не лишним привести ее.

Утверждают, что накануне ареста Марион де Лорм, чтобы избегнуть Бастилии, распустила слух о своей смерти. Гроб, согласно последней воле мнимоумершей, не желавшей, чтобы видели ее поблекшую красоту, не вскрывали, и она, полюбовавшись из окна на собственные похороны, благополучно уехала в Англию, где вскоре вышла замуж за какого-то богатейшего лорда. Овдовев в 1661 году и возвращаясь во Францию, она попала в руки шайки разбойников, атаман которых, увлеченный ее красотою, увез Марион в Померанию, женился на ней, но немного спустя, во время одного нападения, был убит. Овдовев вторично, эта женщина поселилась, наконец, во Франции, в третий раз сочетавшись браком с прокурором-фискалом Франсуа Лебрэном, которого пережила, как и двух первых мужей.

Но если это были только более или менее курьезные россказни досужих людей, которым можно не придавать значения, то нельзя не считаться с записками современников, занесенными в знаменитые «Летописи Круглого Окна», гласящими следующее: «Смерть Марион де Лорм в 1741 году, за два месяца до сто тридцать пятого года ее жизни, почти удивила парижан, привыкших смотреть на нее, как на незыблемый памятник, наподобие башен собора Нотр-Дам. Старая подруга Букингэма, Ришелье, Сен-Марса и многих других с удовольствием описывала события, прошедшие перед нею. Глаза Марион де Лорм наполнялись слезами, когда заговаривали о Сен-Марсе.

— О, ради Бога, пощадите меня! — умоляла она. — Сто лет жизни не могли изгладить в моем сердце воспоминания об этом несчастном! Прощание его до сих пор звучит в моих ушах, последний поцелуй и сейчас еще жжет мои губы!..

Она с улыбкой сожаления читала об интригах Ришелье и итальянской изворотливости Мазарини.

— Бедное потомство, — вздыхала она, — как обманывают тебя эти раболепные писатели!.. Ришелье... величие его взглядов... уж, конечно, меня не уверят в этом... Я видела кардинала слишком близко, так сказать, нараспашку... Здесь все преувеличено!.. А Мазарини... да это был гаер, политический паяц, замечательный только гибкостью ума и ног, умевший съеживаться, чтобы пролезть в любую щелку, и прыгать, чтобы встать всегда на ноги...

В 1705 году, овдовев в третий раз, 99-летняя женщи-

на была обкрадена и покинута своими слугами. Она смогла просуществовать еще 18 лет, получая при посредстве услужливого друга старые долги, которыми раньше пренебрегала. Но в 1723 году, лишившись всех источников дохода, она рискнула обратиться за помощью к Людовику XV. «Государь, — писала она, — вы платите историкам, лгущим на прошлое, когда в Париже существует живая летопись былого, первая глава которой относится к 1606 году, и она заговорит языком правды, если ваше величество удостоит пожаловать к ней с расспросами, так как эта летопись, старая, источенная червями книга, неспособная оставить своего переплета. Марион де Лорм видела, государь, великого Генриха, вашего прапрадеда, первого монарха вашего знаменитого дома, Людовика XIII, вашего прадеда, Людовика XIV, вашего деда, и великого дофина, вашего отца, и была еще в силах, чтобы одною из первых возблагодарить Господа, даровавшего вас Франции. Мое продолжительное существование проливает еще немного света на минувшие царствования, но, государь, эта лампада может завтра угаснуть за неимением масла, если ваше величество не захотите оживить ее».

Это письмо было вручено Людовику XV надежным человеком, и молодой король пожелал увидеть Марион де Лорм; вместе с кардиналом Флери он долго оставался у нее, посетил еще несколько раз и назначил старухе пенсию, которую она получала вплоть до последнего своего часа.

В заключение прилагаем копию свидетельства ее смерти и погребения, помеченную 20 апреля 1780 года:

«Скончавшаяся 5-го января 1741 года в «Большом Павлине» на улице Мортельри, Мария-Анна Граппэн, 134-х лет и 10-ти месяцев, родившаяся 5-го марта 1606 года, согласно метрическому свидетельству, выданному 18-го сентября 1607 года, за подписью отца Тома, соборного священника Шалона-на-Марне, ныне вдова, по третьему браку, прокурора-фискала Франсуа Лебрэна, погребена 6-го января 1741 года на кладбище Сен-Поль.

Подписано: священник Монтерэ.

С подлинным верно. Пуатвен, викарий кладбища Сен-Поль».

Если это и легенда, то придуманная очень ловко. Но кому и зачем понадобилось придумывать ее, — остается полнейшей загадкой.

ВЕК ЛЮДОВИКА ВЕЛИКОГО

Нинон де Ланкло

Христина Шведская

Вступление

Вторую половину XVII столетия не напрасно называют «веком Людовика XIV» или «Великого», так как этот выдающийся монарх наложил яркую печать на свое время. Его царствование было эпохой преобладающего значения Франции, а Париж, подорвавший престиж гордого Рима, стал центром, из которого все исходило и к которому все стремилось. Действительно, «король-солнце» имел огромное влияние на всех своих современников, что отчасти тормозило развитие сильных натур. Его авторитет господствовал не только над государственным правлением, но и над духовной жизнью большей части Европы; его двор, необыкновенно блестящий, вызывал подражания, а французский язык, литература и моды завоевали себе повсюду права гражданства. Власть монарха еще никогда не выражалась так твердо. «Государство — это я!» мог сказать только тот, для кого это была не пустая фраза и кто сумел оправдать ее на деле. Поэтому Людовик XIV занимает в истории место рядом с Периклом, Августом и Львом X, давшим свои имена эпохам, ознаменованным благотворной деятельностью этих величайших мировых законодателей. Если под конец жизни «король-солнце» потерял популярность и обожание своего народа, то это ничуть не умаляет его прежних заслуг, громко говорящих о себе. Ведь и настоящее солнце светит ярче при восходе и теряет жар своих лучей, склоняясь к закату.

Но блестящий век, несмотря на внешний лоск, таил в себе элементы полнейшего разложения. Несмотря на красноречивые проповеди Боссюэта и Фенелона, на высокие идеалы трагедий Корнеля и Расина, на тонкий юмор Буало, Мольера и Лафонтена, французское общество продолжало погрязать в самом необузданном разврате, неверии, глубочайшем невежестве и невероятных

суевериях, открывавших такую ужасную картину человеческих отношений, что не решаешься даже допустить возможности существования подобных фактов в христианской стране при просвещеннейшем монархе, высоких учителях церкви, великих поэтах и ученых.

Почему-то царствование Людовика XIV принято считать эпохой утонченных светских приличий, элегантных манер и учтивости, о чем так хлопотало общество отеля Рамбулье, на самом же деле, если все это и было, то разве только на словах. Двор «короля-солнца», задававший тон иностранным дворам, недалеко ушел, за исключением внешности, от времен «Беарнца», но, по старинной пословице, «славны бубны за горами», казался подражателям, быть может, даже никогда и не видавшим его, верхом совершенства. Достаточно сказать, что сам элегантный и изящный Людовик XIV, а вслед за ним и весь двор, за которым, как слепой за собакой, следовала буржуазия, нигда принимал посетителей, сидя на известного фасона «стуле» и даже нередко, в присутствии кавалеров и дам, завтракал в таком положении, напоминавшем избрание «непогрешимого». За церемонными поклонами и тонкими комплиментами вскрывалась грубость чувств и понятий, обнаруживавшаяся постоянно. Высморкаться в руку, плюнуть спящему в открытый рот, перебрасываться за столом с дамами хлебными шариками, яблоками, апельсинами, приготовленным салатом, брать кушанья пальцами вовсе не считалось неприличным. Приближенные «короля-солнца», по-видимому, не отличались чистоплотностью, так как в «Сборнике правил общежития» того времени между прочими советами встречаются такие: «Причесываться раньше, чем идти в гости (очевидно, дома этого делать не полагалось), и, будучи там, не чесать головы пятерней, чтобы не наградить соседей «известными насекомыми» и мыть руки ежедневно, не забывая сполоснуть и лица».

Несомненно, «век Людовика Великого» был ярким расцветом французского гения: науки, искусства, литература, поэзия, театр, ставший господствующей страстью, — сам «король-солнце» участвовал в спектаклях, — точно волшебством, достигли необычайной высоты, дав целый ряд имен, ставших теперь классическими, и только женщины, за ничтожным исключением, не поддались прогрессу, оставшись такими же, какими были и до сих пор: легкомысленными, ветреными, смотревшими на

жизнь сквозь розовую призму тщеславия и честолюбия. Их грандиозные мечты о равноправии утонули в мелкой жажде свободы и независимости, понимаемыми достаточно своеобразно. На языке дам XVII столетия «быть свободной» означало «делать решительно все, что взбредет в голову», то есть не подчиняться никаким законам: ни божеским, ни человеческим. Для них дважды два могло равняться пяти, раз они этого желали; «чего хочет женщина, того хочет Бог» — пословица, сложившаяся в эту эпоху, превосходно определяет их взгляды. Воспитанная для любви, дрессированная для светской жизни, чтобы под очаровательной внешностью скрыть свою внутреннюю пустоту, дама имела в своем распоряжении целый арсенал вспомогательных средств, усиливавших ее обаяние: бесчисленные притирания, помады, воды, крепкие духи, белила и всевозможные сорта румян. Одеваясь в роскошные туалеты олимпийских богинь, устраивая на головах чудовищные прически в виде садов, замков, лугов с пасущимися стадами, даже морей с миниатюрным флотом, дама полдня проводила у зеркала в присутствии друзей и подруг и, разумеется, не имела времени заняться ни собственным развитием, ни семьей, ни хозяйством. Визиты, прогулки, балы, спектакли и маскарады, главной приманкой которых являлось самое откровенное волокитство и любовные наслаждения, заставляли забывать все остальное. Разумеется, подобному положению вещей немало способствовало отношение сильного пола, начиная с самого «короля-солнца», к слабому. Для них женщина, к ее стыду, стала игрушкой, прихотью, капризом, тем более ценимым, чем дороже она им обходилась, и тем более желаемым, чем больше были ее требования, хотя бы и в высшей степени нелепые.

Пользуясь всем этим, прекрасный пол смело бросился в политику — ведь не боги горшки обжигают, — однако, не будучи достаточно подготовленным к деятельности подобного рода, очень дурно влиял на дела государства, разорял казну и народ, задыхавшийся под тяжестью налогов, и протежировал за деньги проходимцам. Сделаться фавориткой короля или, по крайней мере, лица, стоящего у кормила правления, казалось для них верхом благополучия. Высший свет только и думал об этом: матери старались внушать дочерям, что «если им уж суждено пасть, то пусть падут, но не иначе как на кровати из розового дерева», то есть продав себя

подороже; дочери, со своей стороны, старались выполнить материнские советы до мельчайших подробностей. Вскоре и средние круги заразились тем же, а за ними и низшие. Желание стать «первой дамой государства», все равно какой ценой, казалось тогда вполне естественным. Разве какие-нибудь старики из простонародья поворчат на близких за слишком откровенно высказанные мечты, но этим все и ограничивалось. В одном из стихотворений Беранже дает такую картинку:

Дочь

Ах, какие лошади! Экипаж какой!
И какая дама в нем, — посмотри, мамаша,
Уж такой красавицы в мире нет другой.
Это, я так думаю, королева наша.

Мать

Королеве, брошенной мужем-королем,
Стыд встречаться с этою вывескою срама;
Это — ночь позорная, выплывшая днем:
Короля любовница, — вот кто эта дама.
Дочь, вздохнув, подумала: ах, как хорошо бы
Сделаться любовницей этакой особы! *

Ради достижения этой цели дамы по примеру своих прабабушек прибегали к колдовству, наговорам, приворотным зельям, вплоть до так называемых «черных месс», принося в жертву дьяволу — главному пособнику в нечистых делах — новорожденных детей. Суеверие невежественного общества дошло до крайних пределов, как и выбор средств. Убийства и отравления настолько участились, что потребовалось вмешательство самого Людовика XIV, чтобы положить им конец. Естественно, что особы прекрасного пола, занимавшиеся подобными делами, вряд ли были способны на что-либо более серьезное. Правда, они делали вид, что интересуются литературой, поэзией, музыкой, живописью, стараясь подражать «жеманницам», но в сущности интересовались литераторами, поэтами, музыкантами и художниками, и, окрасив салон голубой краской, увлекались там совсем не тем, чем бы следовало.

Как вообще вели себя эти дамы вне дома — куда лучше и не заглядывать — можно прочесть в любопытной книге Арканжа Рипо, настоятеля монастыря капу-

* «Королевская фаворитка», перевод В. Курочкина.

цинов в Париже, озаглавленной: «Гнусные мерзости ложных богомолок настоящего времени», то есть середины XVII столетия. «На прогулках, — пишет благочестивый отец, — чтобы показать товар лицом, продать с барышом свое тело или, по крайней мере, возбудить желание, так как туда являются самые щедрые покупатели и ловкие ловеласы, — дамы не останавливаются ни перед чем, стараясь одна перед другой приобрести как можно больше поклонников и даже любовников. Ради этого они прибегают к всевозможным непристойностям, выставляя напоказ свой разврат... Большинство держит в руках молитвенники, носящие на их языке название «сокровищ», но содержащие не молитвы, а неприличные рисунки и речи... Прически так же играют не последнюю роль у этих дам: короткие локоны на висках именуются «кавалеристами», длинные, спускающиеся до плеч, — «мальчиками», ясно указывающие, кто может рассчитывать на их благосклонность... Главными помощниками при завязывании знакомств с мужчинами служат шелковые бантики, имеющие свои названия и значение, судя по цвету и месту, где они приколоты. Помещенный на сердце называется «крошка», другой, немного повыше, — «любимчик», на голове — «волокита», на веере — «забавник» и т. п., перемещаемые в известном порядке, они без слов объявляют избраннику: «вы мне нравитесь», «я вас люблю», «следуйте за мной», «я ваша», и служат путеводной нитью, ведущей его прямо в... спальню красавицы. Дамы не пренебрегают и такими средствами обольщения, как «мушки», чтобы обратить общее внимание на особенно красивые части своего тела. Их налепляют на лицо, шею, спину, грудь и даже на кончики грудей...»

Когда с годами очарование дам исчезало, вспомогательные средства оказывались бессильными, поклонники разбегались, грешницы садились за «умные книжки», становились ханжами, проповедовали нравственность, сплетничали и злословили, втайне сожалея о том, что больше не способны грешить. Семья, которую они раньше не хотели признавать, выступала на первый план, но сыновья и дочери, выросшие при прежней обстановке, плохо подчинялись новшествам, находя для себя более приятным идти по стопам своих достойных родителей.

Семья все больше и больше разлагалась, сменяясь гласным фаворитизмом; необходимо было во что бы то

ни стало поддержать ее. Но чем и как? И вот идеи феодализма снова воскресли: отцам семейств и мужьям пришли на помощь знаменитые «Lettres de cachet», то есть закрытые, тайные приказы об аресте, ссылке или заключении, подписанные королем, с пропуском для внесения имени того, кто почему-либо ненавистен монарху или бесчестит своими поступками фамилию. Самым надежным местом заключения оказалась Бастилия, где арестованные — между которыми было немало и женщин, — иногда совершенно невиновные, могли в уединении раздумывать о превратностях судьбы. Едва ли не главную роль в заселении тюрем играли многочисленные королевские метрессы и фаворитки, поддерживаемые в этом достойном занятии своими коронованными поклонниками. Неугождение королю иногда прощалось, фаворитке — никогда! Малейшая насмешка, направленная по адресу «королевы с левой руки», моментально распахивала перед дерзновенным двери страшной государственной тюрьмы, которые редко отворялись, чтобы выпустить его живым. Прочие тюрьмы также принимали в свои каменные объятия ослушников обоего пола, неожиданно попавших в немилость лица, имевшего в кармане роковую бумагу. Сначала, быть может, «Lettres de cachet» и оказали свое влияние на непокорных, но злоупотребления, в конце концов превратившиеся в полнейший произвол, пугали разве младенцев, а семья по-прежнему существовала только для виду. Имея протекцию, можно было заполучить таких «приказов» хоть дюжину, и часто случалось, что два человека, одновременно воспользовавшись ими, попадали в заключение. Узник из «Periколлы» — превосходная сатира на порядки, господствовавшие в ту эпоху. Он просидел в каземате 13 лет, не ведая за что, и снова вынужден был сидеть, не будучи в состоянии объяснить причину своего заключения. Даже религия и та старалась идти в ногу с веком, глядя сквозь пальцы на разврат, и очень немногие проповедники рисковали громко осуждать его. Свобода чувств и действий явилась краеугольным камнем этого блестящего века, внушившего людям идеи другой свободы, повлекшей за собой падение французской монархии, не сумевшей удержаться на должной высоте.

Нинон де Ланкло

Вот одна из самых очаровательных женщин XVII столетия — имя которой до сих пор осталось синонимом прелести, грации, ума и наслаждения, — воплотившая в себе все пороки и добродетели эпохи, когда весь мир с плохо скрываемой завистью смотрел на Францию, ставшую во главе цивилизованной Европы. Нинон де Ланкло, прожившая 90 лет, на диво сохранившая до последнего вздоха все обаяние своего ума и красоты, превосходно характеризует великий век, век безумного легкомыслия и глубочайшей мудрости. Обладая наружностью дочери Леды и Зевса, ее страстным темпераментом и нежным сердцем, Нинон в то же время достойна занять место рядом с прекрасной супругой Перикла, являясь для современников образцом тех качеств ума, которыми тогда могли похвастать очень немногие. Вполне независимая, свободная от предрассудков, она проводила жизнь, одинаково удовлетворяя потребностям сердца и ума, не считаясь с общественным мнением и презирая лицемерие. Она не хотела казаться лучше, чем была, но на самом деле была лучше, чем казалась. Трезво глядя на вещи, не создавая иллюзий, она считала любовь лишь прихотью тела, чем приводила в отчаяние своих многочисленных обожателей, горько жаловавшихся на ее непостоянство; зато друзья гордились ее дружбой, будучи не в состоянии послать ни одного упрека по адресу верной и преданной подруги. Прозвище «царицы куртизанок», данное Нинон, не вполне справедливо. Бесспорно, она была куртизанкой вследствие страстности своей натуры, не делая из этого профессии, как, например, Марион де Лорм. Деньги в ее жизни никогда не играли никакой роли; она не торговала своими прелестями, а дарила их тем, кто ей нравился, и откровенно прерывала связь, как только проходил каприз ее тела; она жила для любви, но не любовью. Если Нинон

когда-нибудь молилась, то вовсе не о том, чтобы Господь создал из нее «честную женщину»; нет, она желала быть «честным человеком». «Еще в детстве, — вспоминала она, — я часто задумывалась о несправедливости судьбы, предоставившей все права мужчинам и совершенно забывшей о нас, — с тех пор я стала мужчиной»!.. И это была правда. «Царица куртизанок» — так как она действительно царила над ними — обладала мужской силой духа. Сент-Эвремон не ошибся, сказав, что в ней счастливо соединились качества Эпикура и Катона. Легкомысленная куртизанка и глубокий философ, Нинон разбрасывала вокруг себя множество блестящих, тогда еще совсем новых идей, заслужив бессмертие наравне с ла Брюйером и Мольером, так как они писали то, что она говорила. Ее салон, куда жаждали попасть самые выдающиеся люди того времени, чтобы насладиться красотой и беседой этой удивительной женщины, заставил померкнуть славу отеля Рамбулье, где все отличалось «жеманством», тогда как здесь царили непринужденность и простота. Почему-то на Нинон де Ланкло обыкновенно смотрят исключительно как на «жрицу свободной любви», совершенно не замечая или, вернее, не желая замечать других ее достоинств, а между тем она заслуживает лучшего к себе отношения.

Анна или Нинон — прелестное уменьшительное имя, данное ей в детстве, которое она навсегда сохранила, — была единственной дочерью туренского дворянина Генриха де Ланкло и его супруги, урожденной Ракони, из древней орлеанэйской фамилии. Слабая, хрупкая, похожая на изящную миниатюру, Нинон родилась в Париже 15 мая 1616 года. Ее отец, философ-эпикуреец, жил, как говорится, в свое удовольствие, мало заботясь о том, «что скажет свет»; мать — прямой контраст с мужем — была женщиной самых строгих правил, высокой нравственности и крайне религиозной. Она мечтала, что ее Нинон посвятит себя служению Богу и станет монахиней, но г-н де Ланкло, не предполагая, что его дочь окажется некрасивой, горбатой или глупой, воспротивился желаниям жены и очень рано начал внушать девочке философию легкой и приятной жизни, которая пришлась по вкусу Нинон. Музыка, пение, танцы, декламация, словом, все изящные искусства стали ее любимыми предметами, и она делала в них такие быстрые успехи, что поражала учителей, называвших ее «восьмым чудом света». Научные занятия шли своим чередом, однако

она не чувствовала особенного влечения к ним и мирилась, как с необходимостью. Библиотека Нинон состояла из сборников стихотворений: элегических, любовных, шуточных и таких сочинений, как «Искусство нравиться и любить», «История знаменитых своим легкомыслием или любовью женщин» и многих других в том же роде. Обладая изумительной памятью, она знала почти наизусть все прочитанные книги, огорчая мать вкусами, казавшимися греховными женщине, проводившей время в постах и молитвах.

Религиозные войны, раздиравшие в это время Францию, не мешали «доброму городу» Парижу веселиться. В квартале Марэ существовал отель, носивший название «Дома Эпикура», где сосредоточивалось все, что было в столице самого прекрасного, изящного и богатого, чтобы наслаждаться всевозможными удовольствиями. Юная Нинон, казавшаяся прелестным розовым бутоном, готовым при малейшем ветерке распуститься, введенная отцом в «Дом Эпикура», сразу очаровала всех, и ее сразу же провозгласили самой красивой. С этим согласились все дамы, безропотно уступив первое место дочери г-на де Ланкло; надобности в суде Париса не оказалось, война не вспыхнула, если не считать атак к руке и сердцу красавицы. Но ничто в мире так не пугало молодую девушку, как законный брак. Связать свою свободу, подчинить себя мужчине казалось ей чудовищным покушением на собственное «я». «Женщина благоразумная не избирает себе мужа без согласия своего рассудка, как любовника без согласия своего сердца», — говорила она, а так как пока ни тот, ни другой не соглашались на подобный шаг, Нинон не нашла нужным идти против них. На красавицу смотрели, как «на полное собрание человеческих совершенств»; самые хладнокровные влюблялись в нее, самым благоразумным она кружила головы. Отец был прав, не соглашаясь похоронить дочь в стенах монастыря.

К сожалению, г-ну де Ланкло не удалось вполне насладиться житейскими успехами своей Нинон, он скончался, когда ей только что минуло пятнадцать лет. За ним вскоре последовала и мать, моля Бога наставить ее дорогую девочку на путь истинный. Не достигнув еще и шестнадцати лет, молодая девушка стала полной хозяйкой своих действий и весьма приличного состояния, оставленного отцом. Быть может, другая на ее месте и

растерялась бы, но Нинон обладала достаточно твердым характером, чтобы разумно распорядиться и собой, и своим капиталом. Она обратила деньги в «пожизненную ренту», таким образом удвоив его, получая ежегодно 10 000 ливров, и так ловко и экономно вела дела, что всегда имела достаточно сбережений, которыми впоследствии поддерживала своих нуждающихся друзей.

«Изящная, превосходно сложенная брюнетка, с лицом ослепительной белизны, с легким румянцем, с большими синими глазами, в которых одновременно сквозили: благопристойность, рассудительность, безумие и сладострастие, ротиком с восхитительными зубами и очаровательной улыбкой, Нинон держалась с необыкновенным благородством, но без заносчивости, обладая поразительной грацией манер». Таков портрет, сделанный одним современником уже с тридцатилетней «царицы куртизанок». Можно себе представить, какова она была в шестнадцать лет!

Несомненно, такая совершенная красавица не могла не привлекать к себе поклонников, и на первых порах — если верить Сент-Эвремону, ее бывшему любовнику, другу и панегиристу — и сама не шутя увлеклась герцогом Шатильонским, Гаспаром Колиньи, внучатым племянником великого адмирала, погибшего в Варфоломеевскую ночь. Когда он познакомился с Нинон, уже шли переговоры о его браке с Елизаветой-Анжелиной де Монморанси, сестрой герцога Люксембургского, но девица де Ланкло была так хороша, так очаровательна, что Колиньи решил жениться на ней. Свои ухаживанья он начал именно с этой целью и в течение трех недель вел себя удивительно скромно. Не делают любовницей ту, которую хотят назвать женой. Но вот однажды влюбленный явился в полнейшем отчаянии, объявив, что отец настаивает на его браке с девицей де Монморанси, тогда как сам он, Гаспар, влюблен в Нинон и лучше согласится умереть, чем потерять ее. Молодая красавица нашла, что отец совершенно прав; у нее нет ни малейшего намерения ссорить влюбленного с семьей, во-первых, потому, что между де Монморанси и де Ланкло слишком большая разница, а во-вторых, по ее мнению, «брак и любовь — это дым и пламя».

— Я и сама люблю вас, — призналась она пораженному такой откровенностью молодому человеку. — Не моя вина, если в течение трех недель вы фантазирова-

ли о том, чего не могло быть на самом деле, и не угадали того, что само шло вам в руки...

Колиньи не заставил повторять себе этого дважды и в тот же вечер воспользовался предоставленными ему правами. Но так как «женщины чаще отдаются по капризу, чем по любви», в один прекрасный день Нинон объявила, что ее каприз прошел, и любовники разошлись вполне мирно.

С каждым днем убеждаясь, что философия, когда-то внушенная покойным отцом, самая приятная и легко применимая к жизни, Нинон всецело отдалась ей, сумев, однако, придать всем своим поступкам, даже самым рискованным, какую-то необыкновенную пристойность. «Скромность везде и во всем, — проповедовала она. — Без этого качества самая красивая женщина возбудит к себе презрение со стороны даже самого снисходительного мужчины». И Нинон жила, следуя этому мудрому правилу. Купив хорошенький домик на улице Турнелль, она собирала вокруг себя не только вздыхателей и обожателей, но и выдающихся по уму людей, привлекая их, как бабочек, ярким огоньком своего ума. Посетители ее салона получили прозвище «турнелльских птиц», которым гордились не меньше, чем посетители отеля Рамбулье кличками «дражайших» и «жеманниц». Дебарро, Буаробер, супруги Скаррон, Дезивто, Саразэн, Шапель, Сент-Эвремон, ла Брюйер и Мольер были постоянными гостями девицы де Ланкло, променяв чопорный «салон Артенисы» на более естественный домик «царицы куртизанок». Все они смотрели сквозь пальцы на ее любовные похождения и с восторгом вслушивались в остроумные речи красавицы, проповедовавшей что-то новое, до тех пор ими неслыханное. В эту эпоху девица де Ланкло познакомилась с знаменитой Марион де Лорм; знакомство уже было готово перейти в тесную дружбу, когда один разорившийся вельможа из отвергнутых поклонников Марион, вступивший в ряды обожателей Нинон, очарованный скромностью юной красавицы, предупредил об опасности близкого знакомства с продажной женщиной.

Вполне может быть, что Нинон и не последовала бы предупреждениям своего нового поклонника, — она была слишком самостоятельна для этого — если бы случай не подтвердил справедливости его слов. Всесильный кардинал Ришелье, привыкнув смотреть на женщин, как на более или менее дорогой товар, при посредстве Ма-

рион де Лорм прислал девице де Ланкло 50 000 франков, надеясь этой суммой купить ее благосклонность. Увы, на этот раз «красный человек» ошибся в расчете. Нинон, до глубины души возмущенная подобной дерзостью, вернула деньги, заявив, что «она отдается, но не продается». И это была истинная правда. Кроме цветов, она ничего никогда не принимала от своих многочисленных любовников, сосчитать которых нет никакой возможности. Мы назовем только тех, которые играли хоть какую-нибудь роль в жизни этой куртизанки-философа.

Одним из «капризов тела» Нинон, когда ей было уже двадцать четыре года, явился девятнадцатилетний граф Филибер де Граммон. Стройный блондин под удивительно скромной внешностью — что главным образом и пленило девицу де Ланкло — скрывал порочные инстинкты, и красавица, думая отдаться ангелу, попалась в когти дьяволу. Быть может, поэтому он и пользовался ее расположением дольше других: «пороки, так же как и достоинства, иногда имеют свою привлекательность». Граф, пользуясь ласками красавицы, с такою же страстью пользовался и ее кошельком; в те времена не было редкостью, что мужчина — а в особенности такой мот и кутила, как Граммон, — жил за счет любовницы. Этим, впрочем, дело не ограничилось. Однажды ночью, предполагая, что Нинон спит, хотя она не спала, молодой человек украл из ее шкатулки сто пистолей. Утром, уходя, граф, как ни в чем не бывало, нежно простился с любовницей.

— До свиданья, — прибавил он.

— Нет, не «до свиданья», — сухо ответила Нинон, — а «прощайте»...

— Почему? — удивился граф.

— Ответ в вашем кармане...

Юноша старался оправдаться, но красавица его не слушала. Нинон, «честный человек», не могла быть любовницей вора.

Мало-помалу слава о красоте, грации и изяществе девицы де Ланкло распространилась по всему Парижу. Модные и знатные дамы добивались знакомства с нею, чтобы научиться у нее хорошим манерам. Матери не стеснялись ради той же цели приводить к ней своих дочерей, только что выпущенных из монастырей. К чести Нинон, она никогда не пускала их дальше передней, не

желая, чтобы невинность дышала воздухом, отравленным страстью и зараженным легкомыслием.

Во время полнейшего расцвета славы этой замечательной женщины произошел эпизод, столь же странный, сколь и любопытный, и мы считаем нелишним рассказать его. В один из вечеров, когда в салоне Нинон блестящее общество увлекалось оживленной беседой, хозяйке доложили, что какой-то незнакомец, не желающий назвать своего имени, хочет поговорить с ней о деле, не терпящем отлагательства. Нинон послала сказать, что у нее гости, и просила зайти в другой раз, но таинственный посетитель настаивал принять его именно сегодня. Заинтересованная его настойчивостью, красавица извинилась перед гостями и приказала провести незнакомца в будуар. Вошел старичок, небольшого роста, весь в черном, без шпаги, довольно невзрачной наружности. Убедившись, что они совершенно одни, он заговорил:

— Вы видите перед собою существо, которому повинуются силы природы и который, если бы пожелал, давным-давно обладал бы всеми земными благами, но он презирает их...

Подобное курьезное вступление возбудило любопытство Нинон до крайней степени. Что надобно этому чудаку от нее?.. Между тем незнакомец заявил, что он присутствовал при ее рождении и, располагая по собственному усмотрению судьбами всех людей, просит сказать, что она желает получить от него: власть, несметные богатства или вечную красоту. Пусть она выбирает, что ей больше нравится, и может быть вполне уверенной, он сдержит свое обещание. Услышав такие речи и едва сдерживая улыбку, Нинон выбрала последнее, поинтересовавшись, что она должна сделать для этого? Оказалось — ровно ничего. Незнакомец попросил только, чтобы она написала свое имя на маленькой дощечке, которую вынул из кармана; прочитав его про себя несколько раз, он дотронулся коротенькой палочкой до левого плеча девицы де Ланкло и заявил, что ее желание исполнено. По его словам, она уже третья, которой он дарит вечную красоту, две первые были: Клеопатра и Диана де Пуатье.

— Мое имя Ноктамбюль, — прибавил он. — Сохраните в тайне нашу встречу... Мы с вами увидимся еще раз, но, увы, тогда, когда вам останется жить всего три дня...

С этими словами старичок, вежливо поклонившись, вышел из будуара, оставив хозяйку в полнейшем недоумении. Не могло быть никакого сомнения, что г-н Ноктамбюль — маньяк, но его обещание действительно исполнилось. Нинон, прожившая почти целый век, даже в 80 лет привлекала поклонников своей красотой, не поддавшейся разрушительному времени.

Связь Нинон с герцогом Энгиенским, впоследствии Великим Конде, завязавшаяся вскоре после битвы при Рокруа (1643), продолжалась всего несколько недель.

— Его поцелуи замораживают меня, — говорила она. — Когда он подает мне веер, кажется, что вручает маршальский жезл.

Венера принадлежала Марсу скорее из любопытства, чем по склонности, предпочитая ему Адонисов, зато «бог войны» навсегда остался ее другом, оказавшим немало важных услуг. Нинон имела массу врагов, завидовавших ее красоте, молодости и независимости, которые сумели убедить Анну Австрийскую, тогда регентшу Франции, положить конец распутству девицы де Ланкло. Королева-мать тотчас же отправила к ней одного из своих приближенных предложить куртизанке добровольно уйти в монастырь кающихся девушек. Нинон запротестовала. Во-первых, она не девушка, а во-вторых, ей не в чем каяться.

— А уж если ее величеству непременно угодно упрятать меня в монастырь, — объявила она посланному, — передайте, что я с удовольствием скроюсь у кардельеров.

В те времена этот мужской монастырь пользовался самой дурной репутацией. Пораженный придворный дословно передал ответ куртизанки королеве. Страшно разгневанная вдова Людовика XIII готова была прибегнуть к крайним мерам, когда Великий Конде вступился за свою подругу и отвел грозу, рассказав о том, что произошло между Нинон и Ришелье. Королева всегда ненавидела кардинала, куртизанка пренебрегла им, — этого было совершенно достаточно, чтобы регентша закрыла глаза на остальное. Но по городу распространились слухи, что девице де Ланкло угрожает тюрьма или изгнание, и в этот вечер многие постоянные посетители хорошенького домика улицы Турнелль блистали своим отсутствием. На прогулке в «Cours la Reine» некоторые — всегда держащие нос по ветру — делали вид, что совершенно не замечают Нинон; однако, когда

Великий Конде, поравнявшись с ее экипажем, остановил свой, вышел и с почтительным поклоном осведомился о здоровье прелестной женщины, декорация моментально переменилась: куртизанка не успевала отвечать на льстивые поклоны.

Маркиз де Севинье, муж знаменитой писательницы, также воздал должное красоте и уму девицы де Ланкло, но не сумел удержать очаровательную змейку, быстро выскользнувшую из его неловких рук в объятия маркиза Эдма де ла Шатра, одного из самых красивых вельмож молодого двора Людовика XIV. Нинон, такая непостоянная до сих пор, совершенно изменилась. Чтобы не огорчать нового любовника — настоящего Отелло, — она нигде не показывалась и никого не принимала; де ла Шатр, в свою очередь, чтобы иметь возможность постоянно наблюдать за ветреницей, поселился напротив ее дома. Однажды ночью он увидел свет в ее окне. Очевидно, дело нечисто!.. Чтобы убедиться в подозрениях, ревнивец решает внезапно появиться в комнате изменницы, надеясь уличить ее. Он быстро оделся, но впопыхах вместо шляпы с такой силой нахлобучил на голову серебряный кувшин, что еле-еле освободился. Объяснения Нинон его не удовлетворили, и, мучимый ревностью, вернувшись домой, он серьезно захворал. Тронутая подобным выражением любви, красавица обрезала свои роскошные волосы и послала любовнику, как доказательство ее желания принадлежать только ему. Эта жертва ускорила выздоровление маркиза, лихорадка прошла. Нинон поспешила к возлюбленному и провела наедине с ним целую неделю. Египтянка Родопа и фараон Амазис, ухитрившиеся когда-то устроить любовную ночь, продолжавшуюся двое с половиной суток, в сравнении с девицей де Ланкло и маркизом де ла Шатром кажутся детьми! Но, увы, ничто не вечно под луной! Маркиз, командовавший каким-то кавалерийским полком, неожиданно получил приказ выступить в Германию для соединения с войсками маршала Тюрения и герцога Энгиенского. Необходимо было ехать, бросив все, что любишь. Желая во что бы то ни стало удержать любовницу, ревнивец потребовал, чтобы она выдала ему вексель такого содержания: «Париж. Число. Год. Клянусь остаться верной маркизу Эрму де ла Шатру». Девица де Ланкло охотно подписала, и маркиз с более спокойной душой отправился на поле брани. Две недели спустя красавица стала любовницей графа де Миос-

сана. Но ее нельзя обвинять: слепой случай заставил Нинон, быть может, первый раз в жизни не сдержать своего слова.

По отъезде де ла Шатра девица де Ланкло не выходила из дому. Как-то ей доложили, что граф де Миоссан желает засвидетельствовать ей свое почтение. Нинон решилась принять его, предупредив, что при первом любовном слове без жалости прогонит молодого человека. Это произошло в августе; стоял душный вечер, который должен был неминуемо окончиться грозой. Нинон нервничала, старалась улыбаться, но при первом же ударе грома потеряла самообладание. Граф взялся за шляпу, однако куртизанка сама удержала его. Она боялась во время грозы остаться одна. Чтобы не видеть блеска молнии, красавица опустила все занавесы и прижалась к юноше, ища у него защиты от разыгравшейся грозы... Гроза прошла. Девица де Ланкло даже и не заметила ее, скрываясь в объятиях своего нового любовника. Совершенно успокоенная его ласками, она вдруг среди ночи громко расхохоталась.

— Славный вексселек у де ла Шатра!..

И Нинон рассказала де Миоссану историю с векселем; граф передал этот анекдот своим друзьям, те — своим, и скоро весь Париж повторял слова Нинон, обратившиеся позднее в поговорку, при желании посмеяться над доверчивыми глупцами. Де ла Шатр, узнав обо всем, послал Нинон ее вексель с припиской: «Уплачено после банкротства».

В один прекрасный день граф д'Эстрэ, гуляя в «Cours la Reine» с аббатом д'Эффиа, братом несчастного Сен-Марса, увидели Нинон и оба страстно влюбились в нее. И тот, и другой были одинаково молоды и красивы, и потому девица де Ланкло совершенно одинаково симпатизировала обоим, придумав великолепное средство, чтобы не сердить друзей: одного она ласкала днем, другого ночью. Результатом их сотрудничества явился младенец мужского пола. Так как каждый из любовников претендовал на почтенный титул отца, истина, тщательно скрываемая куртизанкой, открылась.

— Я не сомневаюсь, — сказала она, — что мой сын принадлежит одному из вас, но кому, и сама не знаю!..

Чтобы решить этот курьезный спор, любовники надумали довериться судьбе: кто на костях выиграет большее количество очков, тот и будет считаться отцом малютки. В присутствии родильницы бросили кости, и

судьба улыбнулась графу д'Эстрэ. У него оказалось четырнадцать очков, тогда как у противника всего одиннадцать.

— Я тоже хочу быть отцом! — вопил раздосадованный аббат. — Нинон, вы должны дать мне другого сына!..

— Все, кроме этого, — рассмеялась куртизанка. — С меня довольно и одного!..

Увы, она имела еще двоих детей, о которых скажем в свое время. Девица де Ланкло не отличалась материнскими чувствами — нельзя обладать всем — и справедливость требовала, чтобы она была за это наказана. Граф д'Эстрэ воспитал ребенка, получившего фамилию де ла Бюсьер. Он блестяще служил во флоте, дойдя до чина капитана. Как же относилась Нинон к своему сыну, не знавшему, впрочем, истории своего рождения? Раз в год она принимала его, как совершенно постороннего, играла на лютне, которые он считал долгом дарить ей при каждом визите, и, поболтав кое о чем, прощалась. Это были не мать и сын, а музыкантша и поставщик лютней.

Следующим любовником тридцатитрехлетней красавицы, ставшей после родов еще интереснее, был маркиз де Виларсо. Связь его с Нинон породила анекдот, которым воспользовался Мольер в своей «Графине Эскарбаньяс». Маркиз был женат на очень недалекой, но чрезвычайно ревнивой особе. Узнав, что ее супруг увлекся прославленной куртизанкой и бежал с ней из Парижа как раз в самый разгар Фронды, она рвала и метала, сильнее раздувая скандал, о котором и так всем было хорошо известно. Однажды на вечере маркиза пожелала представить гостям своего сына. Тринадцатилетний наследник фамилии появился в сопровождении наставника. Чтобы похвастать образованием своего отпрыска, мать предложила наставнику задать ему несколько вопросов по истории, что тот и сделал, обратившись к мальчику на латинском языке:

— Кто был преемником Беллуса, царя ассирийского?..

— Нинус! — быстро ответил юный маркиз де Виларсо.

— Нинус?! — воскликнула не понимавшая латыни маркиза, которой всюду слышалось имя любовницы ее мужа. — Откровенно говоря, мне не нравится, сударь, что вы осведомляете моего сына о безумии его отца!..

Тщетно наставник старался доказать, что Нинус и Нинон не имеют между собой ничего общего, маркиза не слушала его и наутро прогнала. Девица де Ланкло, узнав об этом, хохотала до слез, а затем послала несчастному наставнику, выгнанному на улицу, 500 ливров с запиской в четыре слова: «От Нинон за Нинуса».

Смерть Марион де Лорм в 1650 году увеличила число посетителей салона девицы де Ланкло, между которыми оказалось немало знатных дам, как, например, г-жа де ла Сюз, де Кулайе, де Кастельно, де Гриньян, де Севинье, де ла Саблиер, де ла Ферте, де ла Файет и другие, не считавшие для себя позорным публично величать куртизанку своей подругой. Двор и аристократия прислушивались к голосу Нинон, побаиваясь ее крылатых словечек, поражавших не в бровь, а прямо в глаз. Сам «король-солнце» находился под влиянием очаровательной женщины, с которой не был еще знаком, и по поводу всевозможных придворных событий интересовался: «А что сказала об этом Нинон?» Ее решение принималось безапелляционно, никому и в голову не приходило оспаривать его. Скажи Нинон, что солнце светит по ночам, и все согласились бы с этим. «У Нинон, — говорит Тушар-Лафос, — природные наклонности имели свои определенные часы. Когда двери ее спальни плотно запирались, она превращалась в куртизанку с пылкими страстями, горячими, неудержимыми, с бредом, перерождавшим ее язык до кощунства; в другое время современная Аспазия, прикрыв стыдливою рукой убежище человеческой слабости, являлась в обществе во всем блеске остроумия, с тонкими эпиграммами и смелыми рассуждениями». Куртизанка и философ — это были два совершенно разных характера, соединенные в одном существе.

Теперь мы переходим к самой интересной эпохе жизни девицы де Ланкло, когда в ней впервые заговорило сердце, и любовь, которую она отрицала, доказала свою силу, к несчастью, прервав сладкие грезы почти при самом их зарождении.

Около 1653 года Нинон, уже несколько месяцев принадлежавшая маркизу де Жерсэю, недавно овдовевшему, человеку вполне порядочному и очень богатому, почувствовала себя беременной. Снова стать матерью не особенно улыбалось куртизанке, зато ее любовник был в восторге. Он окружил ее нежнейшими заботами, и чтобы предоставить женщине, которая даст ему ребен-

ка, необходимые удобства, увез красавицу из Парижа, слишком шумного и беспокойного, в свое провинциальное поместье. В течение пяти месяцев Нинон пришлось прожить там в совершенном одиночестве, так как маркиз по делам службы должен был на время расстаться с предметом своей нежнейшей страсти. Как-то утром, гуляя по роскошному парку, Нинон нашла на дерновой скамье, стоявшей под густым деревом, небольшой томик «Идиллий» Феокрита, очевидно, кем-то забытый. Не видя никого вокруг, красавица раскрыла книжку и невольно углубилась в чтение. Поэт описывал праздник весны в счастливой Аркадии. Дойдя до того места, где пастушки с цветочными венками на головах танцевали вокруг статуи Амура, Нинон, очарованная прелестной картиной, нарисованной Феокритом, громко воскликнула:

— О, как вы были красивы, юные пастушки!..

— Но не так, как вы, клянусь Венерой!.. — послышалось в ответ.

Нинон оглянулась. Близ нее стоял, скромно улыбаясь, молодой человек, которому, наверное, позавидовал бы Адонис. Книжка принадлежала ему. Куртизанка извинилась, что без его разрешения завладела ею, но незнакомец очень любезно предоставил «Идиллии» в распоряжение Нинон. Поговорив немного, она разрешила юноше, назвавшемуся Аристом, проводить ее до замка. Эта встреча произвела сильное впечатление на любовницу маркиза Жерсэя; что-то новое, совершенно неизведанное шевельнулось в ее сердце. Что это было, девица де Ланкло и сама не могла отдать отчета, но мысль об Аристе преследовала ее целый день. На следующее утро почти машинально она отправилась к дерновой скамье. Молодой человек ждал ее. Как и вчера, они гуляли, болтали обо всем, что приходило в голову, и на этот раз Аристу было разрешено проводить Нинон уже до дверей ее жилища. Но когда, прощаясь, юноша хотел поцеловать прекрасную ручку незнакомки — девица де Ланкло не сказала своего имени, — она почему-то не захотела допустить этого. Однако увидев, в какое отчаяние пришел Арист, Нинон сжалилась, почувствовав на своей руке точно прикосновение раскаленного железа. После нескольких свиданий куртизанка начала скучать в отсутствие красивого юноши. Она его полюбила, сомнений быть не могло, полюбила первой искренней любовью, как когда-то Марион де Лорм Сен-

Марса, и как нарочно в такое время, когда не имела права любить. Как иной раз судьба зло шутит над людьми! Ни Нинон, ни Арист не заикнулись даже друг другу о волновавших их чувствах, храня в глубоких тайниках своих сердец любовь, точно боясь обнаружить ее. Мало-помалу прогулки стали утомлять куртизанку, готовившуюся стать матерью, поэтому она разрешила молодому человеку, не имевшему никаких знакомств, посещать ее. Они проводили время, перечитывая поэтов, играли на лютне, пели или молча созерцали природу, поглощенные собственными мыслями, счастливые, что находятся так близко один от другого. Арист, считая Нинон супругой маркиза Жерсэя, относился к ней с глубоким почтением. Но вот в один прекрасный день, когда они сидели вдвоем, вернулся маркиз. Взглянув на обоих, он сразу понял, в чем дело. Не желая, однако, разыгрывать роль ревнивца, он сделал вид, что ничего не замечает, а по уходе Ариста предложил любовнице, вероятно, очень соскучившейся по столице, вернуться в Париж. Нинон безропотно согласилась. На следующий же день она уехала, не успев даже предупредить красивого юношу. Расстаться таким образом с человеком, впервые затронувшим ее холодное сердце, она не могла и потому в ту же ночь, пользуясь отсутствием маркиза, полетела обратно. Увы, никто не мог дать ей никаких сведений, с ее отъезда Арист точно в воду канул. Нинон, огорченная, вернулась в Париж, влюбленная, как никогда. Спустя несколько дней по прибытии на улицу Турнелль, когда куртизанка сидела, мечтая о прогулках с Аристом, он сам неожиданно предстал перед нею.

— Сударыня, — сказал он ей печальным голосом, — я позволил себе явиться, чтобы поблагодарить за то счастие, которое вы мне дали, и попрощаться с вами навсегда...

И с этими словами Арист быстро вышел. Взволнованная Нинон хотела бежать, остановить его, но силы ей изменили: она потеряла сознание. Вечером ей подали следующую записку: «Сударыня, до сих пор я не знал вашего настоящего имени; когда же узнал его, все мои надежды рухнули. Я мечтал о вечной любви, чтобы безраздельно обладать вами, но это невозможно для прекрасной Нинон. Прощайте, забудьте меня, если уже не забыли. Вы никогда не узнаете моего имени и никогда больше не увидите. Арист». Нинон поставила на ноги всех своих людей, чтобы отыскать молодого чело-

века, но все оказалось тщетно: он бесследно исчез. Подозревают, что это был какой-нибудь испанский или итальянский вельможа, бежавший на родину в отчаянии от разрушения его надежд. Всю жизнь Нинон вспоминала его и часто, перечитывая его последнюю записку, отирала слезы. Она оплакивала свою любовь, такую чистую и такую короткую, открывшую ей новый мир, о котором она до сих пор, несмотря на весь свой ум, не имела никакого понятия. Вскоре после этого куртизанка разрешилась от бремени мальчиком. Маркиз де Жерсэй тотчас же увез ребенка к себе, против чего мать не возражала, и воспитал его вдали от нее. Позднее мы встретимся с ним, чтобы рассказать о его трагической кончине.

Известный Сент-Эвремон недолго пользовался милостями Нинон, но навсегда остался ее другом. Он давал тон всем парижским кутилам, и девица де Ланкло, эпикурейка, казалось, могла быть довольна таким обожателем, но... но Сент-Эвремон был очень некрасив и, кроме этого природного недостатка, отличался возмутительной нечистоплотностью. Рассказывают, что однажды, когда он обедал с Нинон, пошел сильный дождь.

— Ах, какой ливень!.. — вскричала красавица. — Друг мой, — обратилась она к Сент-Эвремону, — вы бы пошли прогуляться... дождь по крайней мере вымыл бы ваши руки.

Сент-Эвремон обожал собак и имел их целую дюжину; они обедали с ним за одним столом и даже спали на его постели. Как-то он позволил себе войти в спальню Нинон с одной из своих собак, которая и послужила причиной разрыва. Любовники стали друзьями, и Сент-Эвремон, живя в изгнании в Англии, до самой смерти переписывался с девицей де Ланкло, считая ее умнейшей женщиной Франции.

Когда в 1656 году шведская королева Христина приехала в Париж, она не сочла для себя унизительным сделать визит Нинон. Очарованная красотой и остроумием сорокалетней куртизанки, она употребляла всевозможные усилия, чтобы увезти ее в Рим, и, уезжая, утверждала, что «в целом мире не знает ни одной женщины, которая бы нравилась ей больше Нинон».

Непостоянный, как и девица де Ланкло, герцог де Ларошфуко недолго был любовником красавицы, быстро встав в ряды ее самых преданных друзей. Его сменил некий Гурвилль, состоявший на службе у Великого Кон-

де, которому оказал важные услуги во время беспорядков Фронды, вынужденный вместе с принцем покинуть пределы отечества, чтобы спастись от мстительности двуличного кардинала Мазарини. Накануне отъезда он вручил Нинон 20 000 экю с просьбой сохранить их до его возвращения, так же как и ее расположение. Такую же сумму Гурвилль несколькими часами раньше отдал на сохранение одному из своих друзей, настоятелю монастыря, человеку, пользовавшемуся репутацией святого. По заключении «Пиренейского мира», когда изгнанники получили возможность вернуться на родину, Гурвилль прежде всего поспешил к настоятелю, чтобы взять свои деньги, в которых очень нуждался. Каково же было его удивление, когда «святой человек» отказался вернуть их.

— Я ничего от вас не получал, — твердил монах, — вы мне ничего не передавали, следовательно, мне нечего вам возвращать...

Несчастный Гурвилль, получив такой «неожиданный реприманд», решил, что любовница, в его отсутствие нашедшая себе другого обожателя, вероятно, поступит не лучше, и потому даже не пошел к ней. Но Нинон, узнав, что он в Париже, немедленно послала за ним.

— К вашему несчастию, мой друг... — встретила она его такими словами.

Обманутый настоятелем Гурвилль был убежден, что она расскажет какую-нибудь запутанную историю о его деньгах, чтобы не возвращать их. Ничуть не бывало. Она объяснила, что по пословице «С глаз долой — из сердца вон» он потерял свое место в ее сердце, что же касается 20 000 экю, то, слава Богу, память относительно этого не изменила ей. И она предложила ему взять деньги из той же самой шкатулки, в которую он сам когда-то их положил.

— Если любовница изменила вам, — сказала Нинон в заключение, — вы приобрели друга... Одно стоит другого, поверьте мне...

Восхищенный Гурвилль немедленно же рассказал повсюду о поступке Нинон, которую прозвали «прекрасной хранительницей шкатулки». Услышав как-то это прозвище, куртизанка пожала плечами:

— Как много шума из пустяков, — сказала она. — Сколько похвал за самый естественный поступок!.. Неужели на свете так мало честных людей?..

В 1664 году в салоне девицы де Ланкло Мольер в первый раз прочел своего «Тартюфа», вызвав горячие рукоплескания. Нечего говорить, что Нинон, бывшая всю жизнь отчаянным врагом ханжества и лицемерия обоих полов, аплодировала громче всех, в каждой сцене встречая собственные рассуждения, превосходно схваченные гениальным комедиантом. Что личность Нинон производила огромное впечатление на Мольера, видно из того, что он часто выводил ее в своих пьесах. Очаровательная Селимена в «Мизантропе» некто иная, как «царица куртизанок».

Сын маркиза де Севинье пошел по стопам папаши и спустя 24 года после него был у ног Нинон, которой шел уже 51-й год. Его мать, знаменитая маркиза де Севинье, благодаря которой получили известность ровно ничем не знаменитые муж и сын, очень часто в шутку величала любовницу сына «своей невесткой», будучи на десять лет моложе ее.

Когда Боссюэт настойчиво требовал, чтобы король, все еще находившийся под влиянием маркизы Монтеспан, порвал, наконец, свои сношения с фавориткой, повторяя пророчества Исайи, а Расин поил всех амброзией своей поэзии, воспевая нерешительность Людовика XIV, когда маркиза де Севинье не рисковала открыто смеяться над этим, ла Брюйер дерзал показывать истину, покрытую густым флером, а Мольер старался своей веселостью оживить двор, точно готовившийся к похоронам, — во всей Франции нашелся только один благородный человек, осмелившийся громко порицать длинную и лицемерную канитель: это была Нинон де Ланкло. Король, боявшийся ее стрел, всегда попадавших прямо в цель, быстро уступил и расстался с фавориткой. Странное время!.. Нинон была совестью Людовика XIV, куртизанка пугала монарха больше, чем общественное мнение!..

Несмотря на то что девице де Ланкло перевалило уже за полстолетия, она, как и в дни своей молодости, продолжала очаровывать окружающих. В 1669 году, когда ей было 53 года, она сошлась с молодым, красивым и изящным графом Фиеско из известной генуэзской фамилии. Разница лет, по-видимому, не играла здесь никакой роли, так как любовники обожали друг друга. Самым оригинальным в этой связи был ее конец. Однажды, после самой очаровательной ночи, граф при-

слал Нинон записку: «Дружок! Не находите ли вы, что мы достаточно насладились любовью и что пора прекратить нашу связь? Вы по натуре непостоянны, я по природе горд. Вы, вероятно, скоро утешитесь, потеряв меня, и мой поступок не покажется мне слишком жестоким. Вы согласны, не правда ли? Прощайте!» Куртизанка сидела у туалета, когда ей подали эту записку. Она побледнела, а затем, отрезав длинный локон с головы, послала его вместо ответа. Спустя несколько минут граф Фиеско снова был у ее ног. Следующая ночь была еще восхитительнее. Чтобы украсить ее, Нинон-волшебница придумывала все новые и новые очарования. Граф был прикован цепью, казавшейся ему легче цветочной гирлянды. Но когда он, опьяненный ласками красавицы, вернулся домой, слуга девицы де Ланкло вручил ему записку. «Дружок! Вы знаете, что я по натуре непостоянна, но вы не знали, что я так же горда, как и вы. Я не собиралась расставаться с вами, вы сами навели меня на эту мысль. Тем хуже для вас. Вы, вероятно, не скоро утешитесь, потеряв меня, и это послужит мне утешением. Прощайте». Граф Фиеско, скрывая досаду, немедленно разделил присланный накануне локон: одну половину оставил у себя, а другую послал Нинон: «Спасибо за урок, — писал он ей. — Предполагаю, что локон может пригодиться и для моего преемника, я счастлив дать вам возможность не отрезать снова роскошных волос. Для меня это не лишение: локон был очень густой».

Омальский аббат Шолье, до 80 лет обожавший хорошее вино и красивых женщин, также пользовался расположением Нинон. Но этот «современный Анакреон», как называл его Вольтер, был учеником Шапеля, остроумного поэта, имевшего обыкновение постоянно быть пьяным. Шолье сделал глупость, представив куртизанке, презиравшей пьяниц, своего учителя, который вздумал за ней ухаживать. Это возмутило девицу де Ланкло, и она, недолго думая, прогнала обоих.

В 55 лет Нинон суждено было в третий раз стать матерью. На этот раз она родила дочку, умершую вскоре после рождения. Но девочка была до такой степени красива, что виновник ее рождения, имя которого неизвестно, но во всяком случае лицо высокопоставленное, приказал набальзамировать маленький трупик и под стеклянным колпаком поставил его в своем кабинете.

Зимой в 1671 году Нинон, гуляя в Тюльери, встретила своего давнишнего обожателя маркиза де Жерсэя в сопровождении молодого человека, наружность которого поразила ее. Какое-то странное, немножко жуткое чувство сжало ее сердце, точно она вспомнила что-то давно забытое. Она не ошиблась. Красивый юноша, называвшийся Альбертом де Вилье, был ее сын от маркиза де Жерсэя. Альберт не знал тайны своего рождения, считая своего воспитателя дядей. Нинон заговорила с ним и с разрешения маркиза пригласила Альберта как-нибудь навестить ее, не предполагая печальных последствий, которые вызовет это посещение. Несмотря на то что Нинон шел уже 56-й год, по внешности ей нельзя было дать этих лет. Хорошо принятый на улице Турнелль, Альберт де Вилье участил свои визиты, влюбившись, как Эдип в Иокасту. Нинон сразу поняла чувства молодого человека, но по свойственному легкомыслию совершила непоправимую ошибку, не убив в его сердце преступной страсти. Любовь мальчика забавляла ее. Однажды Альберт, будучи не в силах сдержать свои чувства, признался ей в любви. Нинон ничего больше не оставалось, как открыть, что она его мать. Этот сюрприз так подействовал на влюбленного, что, убежав в сад, несчастный покончил с собой. Дурная мать искренно оплакала своего сына и в течение некоторого времени вела себя скромно, но нет на свете такого горя, которое не забывалось бы!

Граф Шуазель, впоследствии маршал Франции, стал ухаживать за Нинон, когда ей минуло 60 лет. В это время она была еще такая свежая, молодая, что Шуазель безумно влюбился. Быть может, потому, что он был на 20 лет моложе предмета своей страсти, вместе с любовью он питал к красавице и глубочайшее уважение. Прошло полтора месяца, а дело ни на шаг не продвинулось вперед. Нинон не привыкла, чтобы ее так долго уважали, и старалась сама вывести застенчивого поклонника на прямую дорогу, то являясь перед ним в изящном неглиже, то лежа в постели, заставляя его искать муху или комара, забравшихся к ней под рубашку. Ничто не помогало. В то время в «Опере» особенным успехом пользовался танцовщик Пекур, великолепно сложенный, молодой и очень красивый малый. По принятому обычаю, он появлялся на сцене в черной бархатной полумаске, но те, кто видел его без нее, находили лицо танцора очень приятным. Каждый вечер он полу-

чал массу любовных посланий и приглашений на свиданья, но вынужден был отказывать, так как танцор, желающий сохранить ноги, должен сдерживать порывы сердца. Однажды Пекур, распечатывая в уборной ежедневную корреспонденцию, покраснел от удовольствия. Одна из записок гласила: «Вы танцуете великолепно, — говорят, что вы так же умеете любить. Мне бы хотелось убедиться в этом. Приходите завтра ко мне. Нинон де Ланкло». Пекур не нашел возможным отказать прославленной красавице и доказал ей, что слухи о его способностях ничуть не преувеличены. В течение нескольких дней граф Шуазель замечал, что девица де Ланкло резко изменилась в обращении с ним. Желая узнать причину, он как-то утром зашел к ней и у дверей спальни столкнулся с Пекуром. Будущий маршал и танцор смерили друг друга взглядом.

— Что вы там делали? — спросил граф.

— Командовал корпусом, — сострил танцор, — с которым вы не сумели поладить.

Намек был слишком ясен, и граф Шуазель благородно отретировался.

В 1686 году в Париж приехал молодой барон Сигизмунд Банье, сын шведского генерала. Граф Шарлеваль, его двоюродный брат, один из отвергнутых поклонников неувядаемой красавицы, предложил познакомить его с нею. Барон, еще в детстве слышавший о девице де Ланкло, решив, что 70-летняя женщина вряд ли может представить собою какой-либо интерес, отказался. Но граф настаивал, и швед, скрепя сердце, согласился, заключив пари, что, если даже Нинон и обратит на него внимание, он останется совершенно равнодушным к ее прелестям. Однако, едва успев познакомиться с куртизанкой, барон Банье понял, что он глупец. Он часто посещал ее салон, не отрывая глаз от старухи, которая была и молода, и красива. Но коварный граф Шарлеваль выдал своего кузена, и куртизанка решила его наказать.

— Да, да, — подтвердил граф, — поступите с ним так же, как и со мной. Покажите ему рай, но не впускайте туда.

Наказание показалось шведу очень приятным, так как Нинон захотела заставить его разубедиться в высказанных предположениях относительно ее старости. Когда в полночь он выходил из домика на улице Турнелль, то готов был поклясться, что Нинон не более

18 лет. Молодой человек поделился своим счастьем с кузеном, который вызвал его на дуэль и убил. За счастье, длившееся всего четыре часа, было заплачено слишком дорогою ценою. Куртизанка горько упрекала себя, что не сумела помешать трагической развязке.

Последним любовником Нинон был аббат Жедуаэн, восьмидесятидевятилетний, но весьма еще крепкий мужчина. Столетние голубки ворковали в честь Купидона, вместо того чтобы подумать о визите жестокой Атропос. Куртизанка целый месяц томила влюбленного и отдалась ему в тот день, когда ей стукнуло восемьдесят лет. Эта связь длилась целый год, но ревность аббата заставила Нинон расстаться с ним.

В высшем свете не смотрели на Нинон исключительно как на куртизанку: это видно из того, что самая знатная дама великого века, стоявшая на страже нравственности, которой была поручена старость Людовика XIV, — маркиза Ментэнон, подруга и протеже Нинон в то время, когда еще носила скромное имя г-жи Скаррон, — предложила представить ее ко двору, где она нашла бы все необходимые для ее возраста удобства. Но Нинон вспомнила «Тартюфа» и своего покойного друга Мольера и отказалась, предпочитая свободу и свой маленький домик величию Версаля.

— При дворе надо быть двуличной, — говорила она, — и иметь раздвоенный язык, а мне поздно уже учиться лицемерию!..

Наконец и «король-солнце» пожелал увидеть это чудо своего века, и однажды Нинон по просьбе тайной супруги монарха Франции выстояла обедню в придворной церкви. Людовик XIV долго ее рассматривал и выразил сожаление, что эта женщина-феномен отказалась украсить его двор блеском своей иронии и веселости.

Умея угадывать таланты по первому с ними знакомству, Нинон за год до смерти познакомилась с десятилетним мальчиком по имени Аруэ, начинающим поэтом, которому впоследствии суждено было прославиться под псевдонимом Вольтера, и по завещанию оставила ему две тысячи франков на покупку книг. Вольтер навсегда сохранил самые теплые воспоминания о женщине, которую не называл иначе, как «моя красивая тетя».

Нинон умерла 17 октября 1706 года, девяноста лет, в своем маленьком домике на улице Турнелль. Рассказывают, что, умирая в полном сознании, она сказала: «Если бы я знала, что все это так кончится, я бы пове-

силась». Аббат Шатонеф составил для своей подруги следующую эпитафию:

Все убивает смерть своим холодным взором;
Нинон, что целый век беспечно прожила,
Скончалась только что и в вечность отошла,
Покрыв прекрасный пол и славой, и позором.
В желаниях своих границ не признавая,
Стремяся к наслажденьям всей душой,
Для дружбы преданность и верность сохраняя,
Любовь считая лишь забавою пустой,
Распутство согласив с величьем гордой Геры,
Она сумела нам наглядно показать,
Как могут в существе одном торжествовать
Минервы строгий ум и прелести Венеры.

Христина Шведская

Во всей всемирной истории едва ли найдется среди женщин более интересная, более оригинальная личность, чем шведская королева Христина-Августа, жизнь которой поистине является каким-то романом, полным всевозможных приключений, самых фантастических и самых неожиданных. Покинув трон для скитаний по белу свету, променяв королевскую мантию и пурпур на мужской костюм и перейдя из протестантизма в католицизм, эта «дочь полубогов», «десятая муза», «северная Минерва», как величали Христину не в меру усердные, восторженные панегиристы XVII века, одно время заставила всю Европу смотреть широко открытыми глазами на свои эксцентричные выходки, так несвойственные особе прекрасного пола, а тем более коронованной. Если Нинон де Ланкло, не занимавшая официального положения, не влиявшая на ход государственных событий, не игравшая никакой роли в политике, вела себя вполне независимо, то ее современница Христина, пожалуй, даже перещеголяла «царицу куртизанок» уж слишком

свободным поведением, отразившимся весьма печально на делах шведского королевства.

Христина-Августа, родившаяся 8 декабря 1626 года, была единственной дочерью славного короля-полководца Густава-Адольфа, из дома Вазы, и Марии-Элеоноры Бранденбургской, женщины ограниченной и сумасбродной, по признанию самого же Густава-Адольфа, составлявшей его «домашний ад». Мать не любила Христину и совсем не занималась ею, отец же, постоянно находившийся в походах, только изредка видел дочь, рождение которой ничуть не обрадовало его, мечтавшего иметь сына, достойного себе преемника, и, огорченный этим, он решил воспитать девочку, как мальчика, что вполне удалось ее воспитателям. С самого раннего детства в маленькой принцессе обнаружилась страсть ко всему, требовавшему силы, ловкости и смелости; она терпеть не могла играть в куклы, а позднее ненавидела рукоделия и женские работы.

Густав-Адольф пал смертью героя в сражении при Люцене, когда Христине только что минуло 6 лет. Вместе с короной он оставил ей в наследство и войну, сначала славную для Швеции, исход которой с кончиной знаменитого полководца, руководившего военными действиями с такою же мудростью, как и храбростью, стал сомнительным. Уезжая в 1630 году на поле брани, откуда ему уже не суждено было вернуться, король вверил дочь своему народу, оставив подробную инструкцию ее воспитания. Мария-Элеонора, обладавшая слишком непостоянным характером, ни во что не вмешивалась; после смерти мужа она тотчас же уехала в Германию, где и пробыла до 1633 года. Воспитание и образование Христины по желанию покойного Густава-Адольфа было поручено выдающимся по уму и нравственности людям, а главный надзор принадлежал ее тетке, пфальцграфине палатинской Екатерине. Преподавали науки юной королеве, быстрые успехи которой поражали современников, придворный духовник Иоганн Матье, назначенный самим королем в наставники Христине, и государственный советник Иоганн Шкитт. Действительно, ее образование не оставляло желать ничего лучшего. Малолетняя шведская монархиня свободно владела, кроме родного, восемью языками: немецким, французским, датским, голландским, итальянским, испанским, греческим и латинским. На последнем, будучи всего двенадцати лет, она произнесла даже целую речь, от-

дав среди других авторов Тациту особое предпочтение; события древней истории ей были так же хорошо знакомы, как и новейшей. Главное внимание было обращено на религиозное воспитание Христины, цель которого состояла в том, чтобы на нее не распространилась папистская или кальвинистская ересь, — заботы, кстати сказать, не увенчавшиеся успехом. Вскоре в цикл любимых предметов Христины вошли астрономия и нумизматика, на которую она потратила немало денег. На дочь Густава-Адольфа произвела огромное впечатление биография английской королевы Елизаветы, и, вступив в управление государством, она старалась, хотя и неудачно, насколько было в ее власти, подражать «царственной весталке» с внешней, показной стороны.

С возвращением в 1633 году в Стокгольм Марии-Элеоноры Христина была предоставлена ее попечениям, но нервный и болезненный темперамент матери очень вредно отзывался на ребенке, поэтому спустя три года она снова поселилась во дворце тетки. С этого времени государственный канцлер, знаменитый Аксель Оксенштиерна, прозванный «шведским Бисмарком», ежедневно беседовал с ней о политике и государственных делах. До совершеннолетия Христины Швецией управляло регентство, состоявшее из пяти высших сановников королевства под председательством Оксенштиерна, руководствовавшегося во всем инструкциями покойного Густава-Адольфа. В десять лет юная королева была уже вполне развитым ребенком, сознательно ко всему относившимся. Ранняя зрелость ее ума особенно проявилась в письмах, например к польскому королю Иоанну-Казимиру, в которых Христина чрезвычайно искусно касается разных политических и военных вопросов. В 1641 году Аксель Оксенштиерна высказал надежду, что молодая королева станет выдающейся государыней, если ее не испортит лесть, что, к сожалению, и случилось. Обладая почти отцовским умом, здравым смыслом и способностью схватывать все на лету, Христина унаследовала и все дурные качества своей матери. Ее характер к пятнадцати годам уже окончательно сложился, и было ясно, что из нее выработается энергичная, но взбалмошная женщина. Любимыми удовольствиями Христины в эту эпоху были: верховая езда, охота и танцы; она знала толк в лошадях и охотничьих собаках; однако удовольствия не отвлекали ее от серьезных занятий, и она продолжала по-прежнему усердно изучать историю,

математику и богословие. Несмотря на блестящие научные познания, приходится сознаться, что нравственного воспитания она не получила никакого. Среди ее многочисленных воспитателей, к несчастью, оказались и такие недостойные лица, как Аксель Бауер, необразованный, грубый человек, пьяница и развратник, потакавший всем капризам и нелепостям своей воспитанницы. Дурные наклонности развивались в Христине совершенно свободно, тетка была слишком слаба, чтобы повлиять на племянницу, и, не встречая противодействия, она мало-помалу превратилась в своенравную, сумасбродную девушку, манерами и обращением ничуть не отличающуюся от грубых шведских дворян того времени. Интересуясь европейскими событиями, Христина с 1641 года начала принимать иностранных послов, а в следующем году впервые присутствовала на собрании государственного совета, постоянной участницей которого стала с 1643 года.

7 декабря 1644 года Христина достигла совершеннолетия и взяла в свои руки бразды правления. Ведение государственных дел она нашла в блестящем порядке и выразила регентству свое доверие и благоволение. Несмотря на большие способности, Христина все еще находилась под влиянием этих выдающихся государственных сановников, продолжавших управлять страною, делая вид, что все распоряжения исходят от королевы. Эта опека не нравилась Христине, мечтавшей о самостоятельности, и она решила отделаться от нее, положив начало политическим ошибкам, заставившим ее позднее отречься от престола. Успехи шведского оружия в Германии под руководством храбрых генералов, достойных сподвижников покойного великого короля-героя: Горна, Баннера, Торстенсона, Врангеля и Кёнигсмарка и блистательно окончившаяся война с Данией подняли престиж Швеции на небывалую высоту, чему немало способствовала мудрая политика Акселя Оксенштиерна. Этот замечательный государственный человек стремился только к выполнению плана, составленного его августейшим властителем. Увы, Христина плохо ценила заслуги своего канцлера, не вынося его авторитета, казавшегося ей нарушением королевских прав, и стала приближать к себе молодых советников, открыто враждуя с фамилией Оксенштиерна. В совете все чаще и чаще стали повторяться столкновения между ней и канцлером, а двор разделился на две партии:

«молодую» и «старую». Во главе первой стоял фаворит королевы, выходец из Франции, красивый и элегантный граф Магнус-Габриэль де ла Гарди, которого она осыпала незаслуженными отличиями и наградами, желая во что бы то ни стало провести в рикcрат, чему решительно воспротивился Аксель Оксенштиерна, глава второй партии. Разумеется, это еще сильнее настроило Христину против него, и де ла Гарди получил дипломатическую миссию ко двору Людовика XIV. Интриги этих двух партий причинили стране много вреда, так как в сущности внешнее величие государства совершенно не соответствовало внутреннему. Участие Швеции в «Тридцатилетней войне» истощило казну, нужда развилась до крайней степени, причем вся тяжесть непосильных податей падала на низшие классы, тогда как дворянство богатело, получая вознаграждение из военной добычи и от щедрот королевы, раздававшей ему королевские земли. Расходы государства значительно превышали его доходы, недовольство росло со дня на день. Внешне блестящий результат немецкой войны ослепил королеву и «молодую» партию настолько, что они упрямо закрывали глаза на внутренний кризис. Начавшиеся в 1645 году мирные переговоры в Мюнстере и Оснабрюке всецело поглотили их внимание. Мир был главным желанием Христины, жаждавшей отдаться не заботам о родине, а служению наукам и искусствам, и ради этого она не захотела последовать благоразумным советам своего канцлера. Тщеславная и честолюбивая королева помимо Акселя Оксенштиерна дала особые полномочия своим агентам, чем подорвала авторитет Швеции на конгрессе и, поддерживаемая «молодой» партией, заключила мир с Данией на условиях, очень невыгодных для страны. Но, по крайней мере, она поступила не так, как желал ненавистный для нее теперь канцлер! Войну с Германией не удалось завершить так легко. Христина и несколько членов совета соглашались ради заключения мира пожертвовать даже выгодами, приобретенными победами Густава-Адольфа, но на этот раз Аксель Оксенштиерна сумел убедить, что война, стоившая родине стольких жизней и денег, должна дать государству известное вознаграждение. Успех шведских войск в Германии красноречиво подтверждал мнение великого правителя, и только благодаря ему Швеция 27 июля 1648 года, по Вестфальскому договору, подписала мир на более или менее почетных условиях. Одна-

ко страна не удовлетворилась этим. Народ, очень неодобрительно смотревший на роскошь и великолепие двора, возненавидел «молодую» партию, справедливо считая ее разорительницей страны.

Чтобы урегулировать дела государства, необходим был человек с твердой волей, которой не обладала Христина и которой нельзя и требовать от женщины. Истинные друзья родины, «старая» партия, настаивала, чтобы королева избрала себе супруга, бескорыстного помощника в управлении страною, но высшее дворянство и фавориты, которых у королевы было немало, боясь потерять свое влияние, протестовали. Между многочисленными искателями руки молодой шведской королевы были: Владислав Польский, Карл-Людвиг Пфальцский и оба сына Христиана IV Датского — Ульрих и Фридрих. Говорили даже, что Эрик, сын Оксенштиерна, также имел виды на Христину, хотя это вряд ли справедливо. Но больше других на руку королевы могли рассчитывать: курфюрст бранденбургский Фридрих-Вильгельм, впоследствии основатель прусского могущества, за которого покойный Густав-Адольф на случай своей смерти без мужского потомства мечтал выдать дочь, и особенно двоюродный брат Христины, винтельсбахский пфальцграф Карл-Густав, сын пфальцграфини палатинской Екатерины, наблюдавшей за воспитанием молодой шведской королевы, которая старалась склонить сердце воспитанницы в пользу своего сына. Карл-Густав и сам не пренебрегал ничем, чтобы только уверить Христину в своей привязанности, в чем ему деятельно помогал Иоганн Матье. Но королева, опьяненная лестью и поклонением, убаюкивала его радужными надеждами, не дав, однако, решительного ответа, ограничившись уверениями, что если она когда-нибудь и выйдет замуж, то только за него. По письмам Христины можно думать, что она любила своего двоюродного брата, но с годами отказалась от мысли стать его женой.

— Даже самый лучший мужчина, — говорила она, — не стоит того, чтобы ради него жертвовать свободой.

Решив, по примеру своего идеала, Елизаветы Английской, «для блага народа остаться девственницей», на настояния риксрата она ответила тем, что в 1647 году объявила Карла-Густава наследником престола. Это не понравилось ни совету, ни дворянству, но остальные сословия поддержали королеву, и в 1649 году пфальцграф был официально признан наследником престола.

Несмотря на упорное нежелание брака, Христина, однако, любила общество мужчин и не выносила женского.

— Если я предпочитаю их, — оправдывалась она, — то не потому, что они мужчины, а потому, что они не женщины.

Внешность шведской монархини вполне соответствовала ее характеру. Женственности в ней не было никакой: среднего роста, коренастая и сильная, с высоким лбом и горбатым носом, с резкими чертами лица, смуглой кожей и энергичным большим ртом, она имела мужественный вид; та же мужественность сказывалась и в ее свободном обращении, развязных манерах и громком смехе. О своей наружности Христина нисколько не заботилась. Вследствие несчастного падения в детстве у нее одно плечо было выше другого, но она даже не заботилась, чтобы как-нибудь скрыть этот недостаток. Будучи крайне умеренной и нетребовательной, она спала не более четырех часов в сутки, на туалет тратила несколько минут, не носила никаких украшений, ни причесок, иногда забывала даже умываться; уверяли, что порой ее руки бывали до такой степени грязны, что затруднялись определить, красивы они или нет. Одежда ее скорее походила на мужскую, чем на женскую. Главной чертой характера королевы Христины было ее ничем не удовлетворимое тщеславие; она хотела вызывать постоянное, безграничное удивление своими поступками, хотела быть оригинальной, самостоятельной во всем, необдуманно бросала деньги на свои прихоти и удовольствия, главным из которых было видеть себя в кругу артистов и ученых и покровительствовать им, но не с целью обратить их познания на пользу народа, нет, — о народе и его нуждах она мало думала, — ей доставляло удовольствие слышать льстивые похвалы. Она переписывалась со всеми знаменитыми учеными Европы, которые посылали ей свои сочинения, величая Христину «дочерью полубогов», «северной Минервой», «десятой музой», а одобрительные отзывы ее называли «печатью славы». В этом тщеславии, впрочем, были и хорошие стороны. Прославленная «северная Минерва» поддерживала шведские университеты, основывала новые, заводила музеи, сумела привлечь к своему двору ученых и философов, как Декарт, Сальмазий, Гуго Гроций, Фоссий и др., награждала их пенсиями, а некоторых даже вырвала из рук инквизиции. Все это проделы-

валось исключительно ради популярности, чтобы обратить на себя внимание, поразить, заставить заговорить о себе; позже с этой же целью «десятая муза» ездила в Риме верхом по-мужски, в Венеции появлялась в коротких придворных панталонах, а в Вене щеголяла в турецких шароварах.

Окруженная учеными и артистами, она проводила время, занимаясь науками и искусствами, и незаслуженно награждала своих фаворитов; чтобы поднять престиж двора, она за время своего царствования рассыпала титулы, возведя 8 человек в графское, 24 — в баронское и 428 — в дворянское достоинство. Она даже хотела учредить в стране герцогства, но это ей не удалось. К этому времени возрастает число фаворитов, стоивших огромных денег государству. Среди них выделялись главным образом иностранцы: граф де ла Гарди, немцы Штейнберг и полковник Шлиппенбах, бежавший из Дании гофмейстер Ульфельдт, польский авантюрист Радзиевский и придворный врач француз Бурдела, оказавший весьма неблагоприятное влияние на Христину, пристрастив ее к пиршествам и развлечениям, обходившимся очень дорого. Но все эти фавориты, как уверяют, не были любовниками шведской королевы, что вместе с ее упорным нежеланием брака заставляло некоторых историков предполагать анормальности в физиологическом развитии Христины. Однако связь ее с итальянцем Пимонтелли и другими доказывает противное. Ненависть всех классов общества к фаворитам и особенно к Бурдела заставила королеву удалить его от себя, но Пимонтелли вел свои дела умнее и потому удержался при дворе. Вместе с испанским послом он был главной причиной перехода Христины в католичество. Из шведов милостями королевы пользовались Клас Тотт и Эбба Спарре, единственная женщина, снискавшая дружбу своей монархини.

Блестящий двор Христины с его непомерной бессмысленной роскошью вконец разорил Швецию и возмутил народ. В день коронования Христины в 1650 году представители духовенства, бюргерства и крестьянства представили протестацию, в которой впервые было указано на необходимость возвратить короне подаренные дворянам земли. Протестация ни к чему не привела, дворяне отстояли свои привилегии. Христина соглашалась с обоснованностью требований, но ничего не захотела предпринять для экономического подъема страны. Не-

удовольствие, причиненное ее беспечностью к народному благу, стало возрастать; многие партии начали работать в пользу немедленного вступления на престол Карла-Густава, который жил, как частный человек, вдали от дел, на острове Эланде, пока события не заставили его покинуть свое уединение. Но заговор открылся, и главные руководители его, Мессениусы, отец и сын, погибли на эшафоте. Королева с каждым днем теряла свой авторитет, и если ее еще немножко уважали, то только как дочь великого Густава-Адольфа. Христина скоро заметила перемену взглядов общественного мнения и, не желая дольше управлять страной, не оценившей «десятой музы», решилась на единственный благоразумный шаг: отречься от престола. Расстройство финансов и надвигавшаяся война с Польшей ускорили ее решение. Аксель Оксенштиерна предпринял нечеловеческие усилия, чтобы отговорить королеву от этого, но, к счастью Швеции, она осталась непреклонной, объявив, что политика ей надоела и что она спит и видит сложить с себя тяжкий гнет правления, чтобы всецело отдаться «служению музам». «Северная Минерва», конечно, могла бы более умно мотивировать причины своего отречения от престола, но Христина выходила из себя, чтобы поражать оригинальностью. На рикстрате в Упсале в 1654 году отречение ее было принято официально. Несмотря на энергичное сопротивление, в особенности дворянства, облагодетельствованного королевой, она все-таки выговорила себе довольно приличное наследство: город Нордкеппинг, острова Готланд, Эланд, Эзель, Волин, Изедом и Вольгаст с частью Померании и Мекленбурга, доходы с которых составляли 240 000 риксдалеров ежегодно. В отведенных ей землях она пользовалась всеми правами королевы, но не могла отчуждать их, и население было обязано присягнуть на верность Карлу-Густаву, после же ее смерти все эти владения возвращались Швеции. В день отречения, 6 июня 1654 года, Христина торжественно появилась в государственном совете и собственноручно передала Карлу-Густаву знаки королевского достоинства. Рассказывают, что она обратилась к нему со словами, проникнутыми таким искренним чувством, доверяя «благо своего народа», о котором никогда не думала, что многие прослезились. Аксель Оксенштиерна, удрученный старостью и болезнями, не присутствовал на этой церемонии и спустя пять дней скончался от горя, убитый

поступком дочери обожаемого Густава-Адольфа. Отказавшись от престола, Христина стала совершенно свободной, полной госпожой своих действий. Из Упсаля она отправилась в Стокгольм, где пробыла пять дней, готовясь к продолжительному путешествию. Для шведской казны, почти разоренной, выдать всю сумму, назначенную экс-королеве, было слишком тяжело, но Христина об этом нисколько и не заботилась. Надев мужское платье, ботфорты, черный мужской парик, она прицепила шпагу и в сопровождении четырех шведов и массы иностранцев, в числе которых находился и Пимонтелли, направилась в католические страны Европы, твердо решив переменить веру, но не потому, что считала католицизм истинной религией, нет, ее манил Рим, где она мечтала играть роль «царицы наук и искусств». Через южные провинции своего королевства она отправилась сперва в Данию, а затем в Голландию.

С этих пор Христина ведет жизнь, полную приключений, ставя современников в тупик эксцентричностью своего поведения, в котором все, от начала до конца, было проникнуто театральностью, смесью комических эпизодов с трагическими. Отлично сознавая, что ей, бывшей королеве, можно себе многое позволить, чего никогда бы не простили простой смертной, она повсюду старалась возбудить любопытство к собственной особе, не пренебрегая ничем, что могло составить ее популярность, и была очень довольна, узнав, что все ее движения, жесты, слова, костюмы и поступки тщательно записываются хроникерами. В Брюсселе в день Рождества Христова 1654 года она приняла католичество, вызвав сенсацию во всем протестантском мире. Иезуиты торжествовали, уверяя, что она займет место в ряду святых, наравне с св. Бригиттой Шведской.

— Мне бы гораздо больше хотелось быть причисленной к лику умных людей, — отвечала Христина.

Перейдя в католицизм, она даже внешне не подчинилась его правилам и вела себя, как совершенно свободная философка. Так как обряд присоединения Христины к католической церкви был совершен негласно, без всякой торжественности, папа Александр VII решил, что подобная победа католичества должна быть отпразднована с возможно большей помпой. На этом основании Христину, направлявшуюся в Рим, в Инсбруке вторично заставили исполнить обряд присоединения в присутствии двора и массы народа. «Северная Минер-

ва» не имела ничего против, готовая проделывать подобную церемонию сколько угодно раз, уверенная, что это только сильнее возбудит интерес к ее особе. По свидетельству современников, Христина произнесла «Символ Веры» по-латыни «в радостном настроении, ясно, медленно, отчетливо», как говорится, с чувством, с толком, с расстановкой. «Десятая муза», впрочем, и не могла поступить иначе. В честь папы Александра VII она приняла еще имя Александры и таким образом подготовила свое вступление в «Вечный город».

Христина въехала в Рим на белом коне, одетая амазонкой. Папа встретил ее, как и следовало ожидать, с великой радостью, надеясь при ее посредстве распространить католицизм в Швеции, и уже хотел отправить туда нескольких миссионеров, но, по совету новообращенной, отказался от этого намерения; «дочь полубогов» не скрыла от него, что ожидало бы миссионеров на ее родине, если бы они рискнули явиться туда. Как замечательно образованная женщина, Христина сразу стала центром общего внимания в Риме. Поселившись во «дворце Фарнезе», она изучала искусства и литературу, собрала богатейшую коллекцию редких вещей и ценную библиотеку. Посещая знаменитых ученых, художников, музеи, галереи и театры, она всюду вызывала глубокое уважение своей ученостью и талантами и такое же удивление своим поведением. Взбалмошный и сумасбродный характер «северной Минервы» скоро стал известен всему римскому обществу. Ее свободные манеры, в особенности во время богослужений, не раз ужасали самого папу, который тщетно старался смягчить нрав своей духовной дочери увещаниями, оставашимися «гласом вопиющего в пустыне». Видя, что поладить с Христиной весьма мудрено, Александр VII не пытался больше влиять на нее. Мало-помалу Рим привык к ее чудачествам и оставался хладнокровным к «десятой музе», увлекшейся очень странным занятием — устройством браков.

В Париже с нетерпением ожидали бывшую шведскую королеву, наслышавшись об ее необыкновенных эксцентричностях, совершенно непонятных, в особенности придворным дамам, лелеявшим как раз противоположные идеалы; мужчины же были сильно заинтригованы знакомством с женщиной, не похожей на тех, что их окружали. Для встречи необыкновенной гостьи Людовик XIV отправил на границу Франции герцога

Гиза, а королева-мать — графа Коммэнжа. Письмо первого из них, полученное при дворе накануне прибытия Христины, только усилило всеобщее любопытство. «Королева небольшого роста, — писал герцог, — толстая и жирная; лицо большое, цвет его, несмотря на некоторые следы оспы, довольно свежий; овал правильный, все черты женские, хотя несколько резки: нос орлиный, рот широкий, некрасивый, зубы порядочные, глаза выразительные, полные огня. Она всегда густо напудрена и напомажена и никогда не носит перчаток; руки ее красивы; кисть бела и хорошо сложена, но более походит на мужскую, чем на женскую. Но что всего страннее, так это прическа: мужской, тяжелый парик, впереди высоко взбитый, очень густой на висках, а внизу весьма редкий; верхняя часть головы покрыта волосяной сеткой, тогда как нижняя представляет нечто вроде дамской прически; иногда королева носит шляпу. Плечи у нее высокие — этот недостаток она, впрочем, скрывает очень ловко странностью покроя своей одежды; платье ее, стянутое сзади складками, походит на наши камзолы, а короткая юбка подвязана весьма небрежно; она носит мужскую обувь, и если судить по походке, манерам и голосу, то можно биться об заклад, что это не женщина. Французским языком королева владеет настолько свободно, как будто бы родилась в Париже. Она знает больше, чем вся наша Академия вместе с Сорбонною и посвящена в интриги нашего двора не хуже меня».

Герцог Гиз ничего не преувеличил. Как только он объявил Христине свое имя, она тотчас же, смеясь, осведомилась у него о здоровье аббатисы Бовэ, г-жи Боссю и девицы де Понт, его любовниц, а у графа Коммэнжа об его добряке дяде Гито, служившим оселком остроумия всего двора. Наконец 8 сентября 1656 года, после остановки в Эссоне, где в честь Христины были устроены празднества, она вступила в Париж верхом на белом коне и ехала по улицам между двумя рядами вооруженных граждан, изображавших как бы почетный эскорт. Народу, собравшегося, чтобы видеть «северную Минерву», было такое множество, что, въехав в Париж около двух часов пополудни, она прибыла в Лувр только в девять вечера, где за отсутствием королевской фамилии, находившейся в Компьене, гостью встретил принц Конти. Вступив в столицу Франции, высокая путешественница прежде всего отправилась в собор Нотр-

Дам и потребовала Амьенского епископа, у которого исповедовалась и приобщилась Святых Тайн. Любопытство окружающих, смотревших на Христину, как на восьмое чудо света, доставило ей искреннее удовольствие. Проведя несколько дней в Париже, «десятая муза» отправилась в Компьен. Мазарини выехал ей навстречу в Шантильи, куда спустя немного времени прибыли, как частные лица, Людовик XIV и герцог Анжуйский. Кардинал представил их Христине под видом юношей одной знатнейшей французской фамилии.

— Охотно верю, — ответила она, — они родились, чтобы носить короны...

Королева узнала их по портретам, которые видела в Лувре. После официальных приветствий Христина прежде всего спросила, имеются ли у них любовницы, — вопрос, оставшийся без ответа. Вообще в разговорах дочери Густава-Адольфа господствовала крайняя вольность. Любовные приключения, скабрезные анекдоты обыкновенно оснащали ее беседы; она постоянно наводила разговор на подобные предметы; недаром Петроний и Марциаль были любимейшими ее авторами, у которых она постоянно заимствовала какую-нибудь сальность. Она старалась войти в доверие к влюбленным, выражая желание быть их поверенной, и одобряла их любовь. Не только скромные женщины не могли долго слушать Христину, но и порядочные мужчины стыдились разговаривать с нею. На другой день Анна Австрийская, сопровождаемая королем и блестящей свитой, приехала принять путешественницу в Фаржо и после парадного обеда проводила в Компьен. Здесь Христина прожила около недели, днем развлекаясь охотами, а по вечерам присутствовала на спектаклях, где без церемонии ставила ноги на барьер ложи, ужасая королеву и восхищая партер. Расставшись с королем и королевой-матерью, Христина вернулась в Париж, где сделала визит одной особе, показавшийся оскорбительным для двора. Подстрекаемая любопытством, возбужденным похвалами, которыми маршал д'Альбрэ осыпал Нинон де Ланкло, «северная Минерва» непременно пожелала увидеть прославленную «царицу куртизанок». Она пробыла у нее два часа и при расставании оказала сорокалетней красавице всевозможные знаки расположения. После этого шведская амазонка, наняв экипажи на деньги, пожалованные ей Людовиком XIV, уехала в Рим. Христина намеревалась навсегда поселиться в Па-

риже, но поведение ее до такой степени возмутило двор, что сочли за лучшее поскорее выпроводить эту чересчур независимую особу подальше от Франции.

Итак, «северная Минерва», не оцененная ни двором, ни парижанами, вернулась в Рим, который больше не привлекал ее. Прожив там около года, ее снова потянуло во Францию, но так как она не испросила на это разрешения Людовика XIV, «шведскую амазонку» не впустили в Париж, а предложили остановиться в Фонтенбло, предоставив в ее распоряжение дворец. Здесь Христина запятнала себя бессмысленной жестокостью, нарушив права гостеприимства и французских законов, казнив или, вернее, приказав зарезать на собственных глазах своего фаворита Мональдески, заподозренного в измене. Понятно, какое отвратительное впечатление произвело это убийство на всех. Людовик XIV приказал кардиналу Мазарини изъявить бывшей шведской королеве свое негодование. Письмо кардинала не понравилось Христине, и она отправила ему ответ, написанный в довольно резкой форме, величая влиятельного министра просто по имени «Жюлем». На этот раз с «десятой музой» не церемонились и без разговоров выслали из Франции.

Весною 1658 года Христина снова поселилась в Риме. Так как из Швеции ей не присылали обещанной пенсии, она пустилась в самые отчаянные аферы: например, просила императора дать ей войска для занятия Померании, которую после своей смерти обещала уступить ему. В 1660 году, когда скончался шведский король Карл-Густав X, Христина отправилась в Стокгольм, где ее приняли очень холодно. Ее протест против занятия престола Карлом XI и требование возвращения короны были отвергнуты сословиями. Появление ее в Швеции спустя шесть лет вместе с католическим патером возмутило народ, потребовавший удаления его; это оскорбило Христину, и она навсегда оставила родину. Последним политическим поступком Христины было выдвижение своей кандидатуры на польский престол после отречения Иоанна-Казимира (1668), по обыкновению не увенчавшееся успехом. На склоне своих дней она подпала под влияние кардинала Аццолино, которого и назначила своим «универсальным» наследником. Христина умерла в Риме 16 апреля 1689 года, в возрасте 63-х лет, и погребена в соборе Св. Петра.

Оглавление

160